

Павел Тихомиров
Камешек в башмаке
антиутопия

«Эли, Эли! Лама салахфани...»

Написано в результате многомесячных бесед по телефону с Владимиром Янчевским

Часть первая

1. Воспитанницы пансиона

Полузанесённая песком скорлупа останков рыбацкого судна давно уже стала для юных воспитанниц пансиона тем укромным местечком, где можно было спрятаться от назойливых глаз детоводительниц и бесцеремонных объективов камер слежения. Только тут и можно было под шелест набегающих волн залива обсудить не только всякие секретки, но даже и поведать друг дружке самые настоящие тайны.

Девочки в форменных сарафанчиках сидели на куске деревянного бруса, который после тысяч таких посиделок был отполирован до такой степени совершенства, что напоминать стал увеличенную копию тех лакированных деревянных пенальчиков, которыми в конце учебного года директор награждал отличниц.

– Девочки, а вы знаете, что в лесу живут солдаты-афроевропейцы, которые едят детей? Девочки рассказывали, что раньше, когда у нас в пансионе детоводители были злыми и жестокими, некоторые воспитанницы убегали из пансиона в лес, и там их ловили и съедали солдаты-афроевропейцы.

– Да кто же им позволяет поедать детей?

– Девочки рассказывают, что однажды главный колонелло солдат афроевропейцев пришёл к директору пансионата и говорит: «Мы к вам приехали из Африканского Королевства, а у нас принято есть людей. Мы не можем без этого. Раз мы охраняем вас от орд кацапо-монголов, вы должны нам давать на съедение одну девочку в месяц!»

– Ужас! А что ему ответил директор?

– А директор ему говорит: «Разве вы не знаете, что за каждую нашу воспитанницу мы отвечаем перед акционерными-акцепторами? Вот если кто-то сбежит из пансионата и добежит до леса, туда, где заканчивается наша власть, тогда – делайте что хотите!»

По плотному влажному песку у самой кромки воды залива шла Лиза Дзвоник, женщина лет шестидесяти, выглядевшая, между тем, всего-то на сорок. Она работала в пансионате детоводительницей, а, кроме того, помогала приобщать воспитанниц к гармонии трудившемуся тут своему старому знакомому, несостоявшемуся музыканту Игорю Соловьяненко.

Проходя мимо ржавого корпуса траулера, валявшегося на сухом песке, будто забулдыга, давно махнувший на свой образ, Лиза услышала детские голоса воспитанниц, слегка приглушённые отслужившим железом.

Подошла поближе.

Полуистлевшая обшивка не скрывала звуков речи, и часть секретной беседы была слышна достаточно явственно.

– Вот это ужас! Так страшно окончить путешествие в этом мире! Вернуться в Тело Вселенной через пасти людоедов!

– Думаю, все рассказы про людоедов – это неправда! – Решительно высказалась воспитанница, которая, судя по цвету платья и наличию белой круглой брошки с красной окантовкой, принадлежала уже к старшему звену возрастания.

В обязанности Лизы входило попечение о нервном самочувствии воспитанниц, поэтому она не могла пройти мимо. Да что там! По долгу службы она просто обязана была вмешаться.

– Шалом, девочки! Мир вам, – огорошила секретничавших подруг детоводительница, появившаяся, как обычно, внезапно. – Вот, гуляла по берегу и решила заглянуть к вам. Можно?

Девочки замерли. Только шелест волн.

Наконец, старшая, ну, та самая, на форменном сарафанчике которой была прикреплена круглая брошь, нарушила молчание:

– Лиза, девочки спрашивали меня: правда ли, что за лесом живут афроевропейские солдаты, которым разрешили съесть сбежавших из пансионата детей?

Лиза нервно засмеялась.

– Ну что вы, что вы! Какие-то страшилки про «гроб на колёсиках» и «зелёную руку из темноты».

Воспитанницы внимательно наблюдали за детоводительницей.

Которая тут же взяла себя в руки. Миф про людоедов поддерживали сами воспитатели. Девочки боялись леса, поэтому никто из них не бродил в восточном направлении полуострова. А все остальные части света были водой. Лимана, моря и залива. Далеко не убежишь.

Лиза начала соображать: как же теперь ей выкарабкаться из того двусмысленного положения, в которое она сама себя завела, столь неосмотрительно брякнув про страшилки.

Дело в том, что воспитанницы пансионата были не простыми детьми.

Все они обладали сильно развитой третьей сигнальной системой. Кроме прочего, воспитанницы пансионата обладали способностью не только реагировать на то, что

творилось вокруг, но умели они наблюдать за тем, как их собственная душа реагировала на эти реакции.

Они умели наблюдать за своими наблюдениями. И делать соответствующие выводы.

Любому аскету для овладения этой способностью необходимо постоянно поддерживать верно настроенным инструмент своей души. Ибо как есть верно настроенное пианино, так есть верно настроенная душа. Воспитанницы пансиона обладали этим качеством по факту своего телесного воплощения в облике копий человеческих существ.

В общем, кроме всего прочего, эти дети ощущали дух лукавства. И моментально закрывались, соприкоснувшись с людьми, пытавшимися лгать – хоть беззастенчиво, хоть деликатно и как бы интеллигентно.

В таких случаях персоналу, работающему с воспитанницами, рекомендовано было использовать метод, некогда описанный одним американцем: «Честность – лучшая политика».

– Лиза, это правда, что говорят про людоедов?

– Я слышала об этом.

«Ведь слышала же!?»

– Они действительно вынимали из наших сестёр всё? И таким страшным и бессмысленным образом их тела возвращались в Тело Вселенной.

– Их тела не возвращались в Тело Вселенной таким образом.

«Какое там «возвращение в «Тело Вселенной!» Окончание биологического существования, и все дела...»

– Но людоеды существуют в реальности?

– Конечно, в республиках Африки кого только нет!

Несколько пар внимательных глаз, казалось, сканировали само нутро шестидесятилетней воспитательницы, изо всех сил пытавшейся выкрутиться. Ей показалось, что она – снова стала той девчонкой, которая забыла вызубренную роль, но как-то нужно сдавать зачёт по сценическому искусству. Тут бы симпровизировать, но... оказывается, что этого-то ей как раз и не дано. И теперь всем будет явлено столь постыдное для амбициозной провинциалки жалкое положение вещей.

Во всём, ясное дело, легче всего было обвинить того, кто покров этот приподнял.

И на него же перенаправить пока ещё скрытое раздражение, рождённое позором.

Лиза не любила своих воспитанниц.

Она вообще не любила никого, кроме себя.

Но клонов она не просто не любила, а ненавидела и боялась.

Они, клоны, выращиваемые в пансионате, принадлежащем корпорации «Мёбиус», ощущали такое к себе отношение. Они не выражали своей реакции открыто. Просто закрывались, и всякий не слишком духовно чистоплотный человек переставал представлять для них какой бы то ни было интерес.

Девочки-клоны встали и тихо вышли из-под сени опрокинутого на бок корпуса давно уже отходившего своё судна. Оставшись одна, Лиза тяжело опустилась на деревянный брус. При этом она постаралась выбрать то место бруса, которое оставалось не нагретым телами воспитанниц, сидевших тут ещё несколько мгновений назад.

Ну, не любила она клонов!

Она и сюда не пошла бы работать ни за какие коврижки, если бы не одно очень важное «но». Работа в корпорации позволяла сотрудникам и самим становиться потребителями услуг «Мёбиуса». Люди со средними доходами пока ещё не могли и мечтать о том, чтобы «Мёбиус» выращивал в одном из своих питомников персональный клон. На это могли рассчитывать либо весьма состоятельные люди, либо те, кто был предан корпорации, и преданность эта выражалась – в числе прочего – в полной самоотдаче на работе.

2. Пансионаты-инкубаторы

Пансионат, в котором работала Лиза, располагался в заповедной части полуострова Кинбурнская Коса. А где-нибудь в горах Карпат или среди дюн прибалтийского побережья находился один из пансионатов, где выращивался её персональный клон. Согласно этике «Мёбиуса», клиент не имел права предпринимать какую-либо активность, направленную на поиск возможности контакта со своим клоном. Да Лиза на это и так никогда бы не пошла.

Одно дело, знать, что когда возникнет в том необходимость, медики совершат акт «выемки» того или иного органа из тела девушки, выращенной из её клеток. Но совсем другое – принять в своё сознание не абстрактный образ живого существа, вынашивающего запасные части, а образ личности, хотя и почитаемой в качестве «недочеловека» и чуть ли не «биоробота».

Корпуса пансионата мостились в тени разбросанных среди солончаков и степи зарослей акации и небольших рощиц, разнообразивших этот причерноморский ландшафт. Некогда край этот было излюбленным местом отдыха граждан, относящих себя к богеме, регулярно стягивавшихся сюда из самых удалённых уголков некогда общей страны.

Теперь сюда давно уже никто не стекался, поскольку изменилось не только время, но и вкусы. К тому же, страна, вобравшая в себя северное Причерноморье, теперь называлась совсем по-другому, и совсем иные вещи почитались в качестве престижных и стильных, и совсем другие берега стали местами паломничества для фрондирующих работников культурно-массового сектора.

Поначалу разбросанные в этих местах хутора скупались относительно состоятельными гражданами в качестве вилл, но, после появления на побережье нескольких баз Флота Её Величества Королевы Великобританской и Междуморья, процедура получения пропуска в пограничную зону настолько усложнилась, что стало ясно: Кинбурнская коса уже никогда не будет тем, чем она была для творческого люда в краткий миг рубежа тысячелетий.

На северной оконечности полуострова доживал, никак не исчезая, посёлок, жители которого снабжали свежей рыбой и молочными продуктами пансионат, а также румынских пограничников и британских моряков, бдительно следивших за тем, чтобы в обозримом пространстве ничего подозрительного не наблюдалось.

На западной оконечности, примерно в том месте, где во времена «Очаковские и покоренья Крыма» было турецкое укрепление, теперь возвышалась антенна, которую обслуживали румынские пограничники. В самом Очакове, лежащем через лиман, базировались английские моряки.

Ну, а уже в южной части полуострова располагались многочисленные корпуса пансионата.

Лиза выбралась из ржавого укрытия и поплелась в сторону одного из корпусов, где Игорь Соловьяненко занимался с воспитанницами музыкой.

Поначалу детоводительница Лиза Дзвоник, как и многие другие сотрудники, знакомые с подноготной деятельности «Мёбиуса», недоумевала: зачем этих искусственных людей, выращиваемых исключительно в качестве инкубаторов запасных частей для настоящих полноценных граждан, обучать всяким искусствам? Ну, ладно, насчёт питания и свежего воздуха с поддержанием устойчиво уравновешенного нервного состояния ей было ещё всё понятно. Ясно же, что если одних свиней кормят сливами и кукурузой, а других – химикатами с гормонами, то сало от первых пойдёт на стол к тем, кто в этом мире чего-то стоит, а вторые станут основой для фастфудов для тех, кто другого корма и не достоин.

Но такие-то сложности зачем?

Она, конечно же, слышала о том, что клиенты из Демократических Штатов Американских Побережий жаловались на то, что в придачу к запчастям, вынутым из клонов, они получали приступы депрессии и непрекращающиеся сериалы ночных кошмаров. И маги из руководства корпорации решили, что эти состояния являются «приветом» от того духа, который властвовал в питомниках, организованных прямо в закрытых промзонах мёртвых городов «Ржавого пояса».

Поначалу питомники устраивали на фермах в зоне отчуждения. Но дроны, принадлежавшие Разведывательному Управлению Конфедерации Христианских Штатов, выслеживали эти объекты, вследствие чего защитить ферму от решительных и жёстких действий возрождённого Ку-Клукс-Клана, как правило, не представлялось возможным.

Было решено выращивать клонов в цехах умерших заводов и фабрик. Среди бетона и ржавчины конспирацию соблюдать было технически проще, да, к тому же, боевые отряды конфедератов в города демократов вторгаться не решались.

Но клоны росли тревожными, развивались плохо, словом, клиенты оставались крайне недовольными «Мёбиусом».

На территории Христианских Штатов клонирование человека, само собой, было запрещено. И лиц, уличённых в этой деятельности, в лучшем случае ожидал Суд Линча. А в худшем – допрос с пристрастием.

Запрещено было клонирование и в Евразийской Конфедерации, но в отличие от американских баптистов, в бывшей России с окрестностями население проживало

многокультурное и многоконфессиональное, поэтому запрет этот был мотивирован причинами не духовного характера, а морального.

Но ведь история человечества показала весьма наглядно, что категории моральные – штука относительная, а поэтому у спецов «Мёбиуса» присутствовала изрядная доля оптимизма относительно перспектив легализации своей деятельности в этой части земного шара.

Тем более, что пансионаты «Мёбиуса», функционирующие на территории Великобритании и Междуморья, – это не урбанистические концлагеря «ржавого пояса» Америки. Клиенты из управленческих органов официально ненавидимой Междуморьем Евразийской Конфедерации, тайно посещавшие пансионаты, могли сами во всём воочию убедиться.

3. О высоком

Клоны-доноры о чём-то подозревали.

Те из них, кто выживал после первой «выемки», становились замкнутыми. Было похоже на то, что они переставали верить в тот миф, который был разработан специалистами по эсхатологиям и мифологиям специально для того, чтобы эти человеческие существа смогли жить, зная о том, что их неминуемо ждёт.

Согласно этому самодельному пантеистическому мифу, всё во вселенной было взаимосвязано до такой степени, что всякий элемент материального мира служил строительным материалом для другого элемента мира. И смысл существования всякого существа определяется именно этим: «Каждый служит для строительства того, что послужит каждому». Рыба служит для того, чтобы её вынимали из тела моря и употребляли в пищу тем, кто строит внутри своего тела новые органы, которые потом будут «выниматься» для строительства организмов акционеров-акцепторов, которые, в свою очередь служат поддержанию Системы в состоянии бесперебойной работы. А ведь Система – это скорлупа цивилизации, которая, подобно панцирю членистоногих одновременно и поддерживает гармоническое течение процессов на планете, и служит защитой от общепланетных вызовов.

Клоны, достигавшие возраста, когда они уже могли становиться донорами, получали круглый белый значок с красным кантом. После первой «выемки» этот знак заменялся серебряной брошью с красным кругом посередине. И донор продолжал жить в ожидании второй и, чаще всего, последней в его жизни «выемки» запасного – для какого-то клиента – органа.

Лиза вошла в музыкальную студию пансионата и пристроилась в уголке.

Игорь занимался с воспитанницами игрой на разного рода идиофонах. Сейчас его ученицы играли на ксилофонах репертуар, обычный для музыкальных школ – польки и рондо.

Но вот характер музыки начал меняться. На смену беспечным трелям пришли скупые и минималистичные мелодии. Умолк треск ксилофонов и загудели каменные «батоны»

литофона, привезённые в пансионат из Америки. Звуки начали мало-помалу вводить Лизу в состояние полусна.

Вступили литофоны, сооружённые из подвешенных нефритовых пластин, одна из воспитанниц играла на каменных шарах различного размера. Порою в этот размеренный гул и клёкот пытался вновь врываться ксилофон, но нежный треск деревянных пластин обрывался властным окриком металлофона.

Во всём этом было что-то от Аарве Пярта, но ещё больше – от неприкрытого гипноза.

И тут Лиза с ужасом обнаружила, что все воспитанницы смотрят именно на неё. Смотрят теми глазами, которые она когда-то, наверное, полвека назад, видела на фресках пятнадцатого века.

«Они всё понимают. Смотрят на меня как на того, кто пресмыкался перед ними в надежде на возможность паразитировать на них!»

Лиза пыталась перебороть оцепенение, навеваемое на неё чарами этой ритуальной музыки, но сил на это было взять просто неоткуда. Она запаниковала было, но, впрочем, вскоре смирилась со своей участью. Ей пригрезилось, что её саму волокут по какой-то каменной лестнице наверх пирамиды какие-то солдаты в песчаном камуфляже, на головах которых – вместо шлемов – были напялены маски индейских чудовищ. Наконец, её уложили на каменный алтарь, и четверо негров – эти воины оказались вовсе не ацтеками, а афроевропейцами с британской военно-морской базы в Очакове – крепко схватили её за руки-ноги. Но схватили не для того, чтобы она никуда не сбежала, об этом не могло быть и речи! Нет, хирург должен был вынуть из неё сердце и вернуть его в тело Вселенной, дабы Солнечное божество распорядилось этой запчастью по своему разумению.

И тут она увидела, что хирург, занёсший уже над ней свой скальпель, оказался вовсе не хирургом, и даже не негром с британской базы, а воспитанницей с брошью, на которой было два рубина.

Такие номерные знаки выдавались тем донорам, которые выживали после двух выемок.

Прекрасная предсмертной красотой девушка смотрела на Лизу с таким выражением, каким смотрят на некогда изрядно досаждавшее, а теперь уже совершенно безвредное насекомое. Засыпающую муху. Которую можно без хлопот раздавить. Но можно и оставить: пусть дальше ползёт в свою щель.

Воспитанница старшего звена в бордовом форменном сарафане, к которому прикреплена была золотая номерная брошь с двумя рубинами, поколебавшись, решила проявить к детоводительнице Лизе Дзвоник снисхождение.

Та вышла из оцепенения. Порывисто встала. Слегка покачнулась. Ухватила за стенку. Ей так хотелось, чтобы шаги были твердыми, но они получались деревянными.

Выйдя из корпуса, Лиза, наплевав на инструкции, закурила, но, подумав, всё-таки разорвала сигарету и спрятала ошметок с фильтром в свою сумочку. Возможно, на камеру такая вызывающая оплошность и не попала.

«В крайнем случае, назовём это именно оплошностью, а вовсе не вызовом», подумала она, беря, наконец, себя руки. Сегодня её смена заканчивалась, и нужно было поторопиться, чтобы успеть попасть на катер, ходящий с Косы в Город.

У Соловьяненко тоже сегодня заканчивалась смена работы в пансионате, и он, так же, как и Дзвоник, сегодня утром получил сообщение от Евгения Баратэску, приглашавшего зайти к нему тот час же по возвращении в город. У Баратэску была оформлена виза Евразийской Конфедерации, и он намеревался уже завтра вылетать на какое-то мероприятие.

4. В пути

Вдоль ограждения той части парка, которая примыкала к бывшему ДК Железнодорожников, а ныне – закрытому клубу «Зиккурат», были установлены огромные экраны визоров, транслировавшие социальную рекламу.

Главными противниками в предвыборной борьбе за места в сейме Причерноморского воеводства на этот раз были две партии: «Новые ЭГОцентристы» и «Новые ЭКОцентристы». Визор «ЭГОцентристов» транслировал музыкальный ролик, изображавший нескольких существ непонятного пола, которые тяготясь скулили насчёт того, что надобно «Навчтись любити // Любити платити // Щоб потім цінити»... И так далее, и в том же духе. «Новые ЭКОлогисты» сконцентрировали все свои требования в одном коротком лозунге, который, кстати, озвучивался не на держмове, а на одном из языков национальных меньшинств и звучал так: «Хватит парить!» Пропагандистский ролик потом обыгрывал этот девиз, требуя прекратить врать, а также выбрасывать в атмосферу парниковые газы. В конце ролика с молодыми папашей и мамашей, ведущих за руки ребёнка, произошла метаморфоза: ребёнок исчез, и молодожёны теперь радостно волокли зелёный глобус, вцепившись в него двумя парами освободившихся от семейных забот рук.

Лиза и Игорь быстрым шагом прошли мимо этой агитации, перешли дорогу, свернули в скверик, посередине которого стояла скульптура Тараса Шевченко. Скульптура была испещрена всякими надписями, будто чьё-то тело – татуировками. Граффити теперь некому было оперативно удалять, поскольку скульптуру сняли с баланса коммунальных служб.

– Глянь, «наше всё» стоит как «зэчара» – весь в «мастях»!

Игорь попытался было развеять Лизу, пребывавшую всё время пути в состоянии крайне отстранённом. Но она отреагировала не очень адекватно:

– Не нравится Украина – треба було валить в Рашку.

Игорь аж закашлялся от такого пируэта. Ну, что ж. Нечего было расслабляться! Знал, с кем имеет дело.

Полвека назад они познакомились и даже создали музыкальный коллектив, который пользовался некоторым успехом в среде «продвинутой» прослойки молодого населения нескольких постсоветских городов северного Причерноморья. Прослойки тонкой. И, к

тому же, узкой, ибо речь шла о двух-трёх городах этого самого Причерноморья. Даже, пожалуй, не трёх, а, всё-таки, двух. Но, тем не менее.

Да и познакомились они не в вакууме и не сами по себе. Не волею случая, а корысти ради Бориса Херсонского. Именно он некогда собрал всех их вместе, и чуть было не запустил музыкальный проект.

Впрочем, проекты запускать начали несколько позже, а тогда, полвека назад, люди ещё просто собирались вместе, чтобы своим искусством менять мир к лучшему.

Началось всё с акустического дуэта «Последняя Трасса», где Лиза исполняла песни Борьки Херсонского, который подыгрывал ей на гитаре. Кроме того, к выступлениям постоянно привлекались знакомые и приятели, поэтому одной гитарой дело, конечно же, не ограничивалось.

Поначалу Лиза возлагала определённые надежды на поэта, который, как оказалось, всего лишь играл с ней в «Пигмалиона», решив, по глупой гордыне своей, что из этой амбициозной провинциалки он сможет сделать нечто незаурядное. Чего-то незаурядного не получалось, со своей стороны и Лиза начала тяготиться этими лекциями про «немарксистский коммунизм Вудстока» и какие-то особенные свойства Русского языка, песни на котором в молодом и незалежном государстве новыми комсомольцами не очень-то приветствовались.

И однажды, когда к ним на репетицию попала студентка с огромными глазами и самой настоящей бандурой, Лиза даже решила было спихнуть этой романтической особе постылого поэта, так и не обеспечившего ей выход на профессиональную сцену. Сделать это было несложно, ибо Борис просто поедал глазами молодое дарование с факультета народных инструментов. Но, поразмыслив, Лиза решили, что всё равно пока что никаких предложений от других коллективов не поступало, да и нужно же было где-то обитать. Поэтому от Херсонского она тогда не избавилась, зато группа избавилась от бандуристки.

Это прошло как-то совершенно обыденно и лишено было какого бы то ни было драматизма: вокруг Бориса всегда крутилось много народу, кто-то появлялся, кто-то исчезал, поскольку собственно музыкальная деятельность была для него чем-то сопутствующим, хит-парады на радиостанциях интересовали его мало.

А интересовал его тогда самиздатовский журнал «Без Ярлыка», где в числе прочего разного публиковались всяческие небылицы и абсурдистские теории вроде курёхинских размышлизмов о «Ленине-грибе» или всяком вздоре «о полой Земле». На одну из таких тусовок Игорь Соловьяненко притащил с собой видеокассету с фильмом «Господин Оформитель».

После окончания фильма все сидели просто огорошенные, и Борис авторитетно провозгласил, что нужно делать именно такую музыку, которая прозвучала в только что просмотренной фантазмагории.

– Борис, чтобы такую музыку играть, нужно иметь нормальную студию. Иначе получится репетиция «Весёлых ребят», – сразу же попытался умирить Херсонского Соловьяненко, который как раз был любителем серьёзной музыки – как Свиридова, так и только что прозвучавшего в фильме Курёхина. – Это, всё-таки, не акустические квартирники записывать. Без обид.

Но Бориса вдруг поддержал пассионарный обладатель курчавой бороды и миндалевидных лукавых глаз Евгений Баратэску, известный под незамысловатым прозвищем «Бородецкий». И был он любителем электрических приборов и всяческих экспериментов Брайана Ино и Роберта Фриппа.

– Нужно перестать бояться смотреть электричеству в лицо! – Решительно заявил Бородецкий. – Я имею в виду то, что нужно работать с электронщиной, создавая амбиент и ритмы, но чтобы не получалось пошлых заставок под титры научно-популярных телепередач, соединять электронщину нужно с живыми инструментами: как европейскими, так и всякой экзотикой. Ну и тексты желательно делать умные. Можно даже непонятные. Так даже и лучше.

Правда, тогда у них ничего так и не сложилось, Херсонскому надоело делать из цветочницы аристократку, Дзвоник поняла, что новый звук будет столь же бессильным сделать ей имя, как и звук уже умолкнувший, и они расстались окончательно и бесповоротно. Потом жизнь разметала и всех остальных, хотя спустя несколько десятилетий Бородецкий встретил Соловьяненко и предложил ему химичить и физичить со звуками.

Теперь оба они работали в филиале «Мёбиуса», занимавшемся акустическими исследованиями.

5. У Бородецкого

В квартире Евгения Баратэску, пахло чем-то палёным. Из гостиной раздавался мелодичный гул. В углу комнаты, скрестив ноги по-турецки, сидело какое-то существо с длинным чёрным клювом, одетое в лимонного цвета халат, преизобильно испещрённый золотым галуном. Увенчано существо было невысокой шляпой-цилиндром того же цвета, что и клюв. На коленях существа непокоилась изрядных размеров сплюснутая фляга, по которой наносились аккуратные хлопки. Существо с клювом ударяло ладонями по тазообразной поверхности этого предмета, и то, что казалось флягой, отзывалось глубоким металлическим гулом.

Игорь Соловьяненко вместе с Лизой Дзвоник вошли в квартиру к своему давнему другу, пригласившему их для того, чтобы пообщаться по-свойски и в домашней обстановке обменяться мнениями по ряду рабочих вопросов. Они знавали Бородецкого уже около полувека, но до сих пор не могли вполне привыкнуть к его причудам. Тех же, кто был приучен узнавать милых и немилых по ковидным маскам с противоатмосферными очками, не могли сбить с толку никакие личины из реквизита комедии дель арте.

Так что бодрый подтянутый специалист по акустическим системам, а по совместительству ещё и наставник молодёжи на поприще овладения законами музыкальной гармонии, быстро пришёл в себя и сообразил, что перед ними вовсе не злой дух и не голограмма – как плод злой шутки, – но некто, упражняющийся игрой на металлическом барабане ханга. И этот некто – конечно же...

– Бородецкий, где такой фурик достал?

Существо схватило рукой собственный клюв и приветственно приподняло всю эту кожаную конструкцию над головой.

Из-под маски на пришедших выглянуло лицо ветхозаветного пророка, будто бы сошедшее с репродукций Рембрандта. Нет-нет, не с репродукций, что вы! Конечно же, с оригиналов. Очи Евгения Баратэску искрились лукавством.

– Вот, совлёк с себя шлем спасения. Собираюсь сегодня на «Квартирник у Горгоны». Подбираю реквизит. Хотел было сделать колпак в виде клобука Египетского Тота, но, боюсь, кто-то мог бы посчитать такую маску глумлением над патриаршим куколом. – Бородецкий ухмыльнулся. – Да, что греха таить, сам именно так и посчитал. Потому просто нагуглил и прикупил такую добротную вещицу. Италия. Маска чумного доктора.

Лиза и Соловяненко продолжали стоять на месте, осваиваясь с очередным изменением интерьера давно знакомого им обоим жилища. На этот раз Баратэску убрал из гостиной комнаты вообще всё, задрапировав стены чем-то бежевым. Всюду были развешаны крупные чёрно-белые фотографические снимки, обрамленные разнобойными паспарту. Видимо, художник готовился к выставке и подбирал варианты оформления своих работ, развесив свои новые фотографические снимки так, чтобы можно было придирчиво их осматривать и пересматривать.

– Вот, выбросил ненужный сор. Вещам и зрению – простор. Проходите, что соляными столпами стоите. Лиза, хочешь сакэ?

Лиза была в курсе, что у Баратэску всегда можно полакомиться чем-нибудь экзотичным, и воспринимала эти походы в гости в качестве неплохой возможности расширять опыт новых чувственных впечатлений.

– Давай.

– А нету.

Лиза с неприкрытым недоумением восприняла глупейшую шутку, которую позволил себе этот утончённый эстет, но обидеться не успела, поскольку хохочущий хозяин помещения уже радостно тискал своих старинных друзей, заявив им о том, что он, дескать, «решил начать борьбу с гортанобесием!»

– Борюсь! Пора привыкать к простым и сильным впечатлениям. Сейчас у православных верующих – Страстная Седмица. Надо пить узвар из сухофруктов. Вы будете пить узвар?

– Сами лакайте, – Дзвоник всё-таки решила обидеться. И тут же отправилась бродить по гигантской кухне в поисках чего-нибудь непостынького. За три недели вынужденного вегетарианства она уже успела соскучиться по мясной пище.

– Ладно, Бородецкий, давай, наливай водки и рассказывай: что там приключилось.

– Со мной пока ещё ничего не приключилось, приключения впереди. Собираюсь Херсонского навестить в Мордоре. – И крикнул Лизе: – Ладно, Лиза, я пошутил. Принеси, детка, водки! Там, в холодильнике, где ж ей ещё пребывать!

Затем – снова негромко Игорю:

– У нашей Лизы, не иначе, опять дорожная тоска? Она – как сизый голубок, ей мир понятен, неглубок...

– Это что, Борькины?

– Нет, Бобкины.

– Гребенщикова?

– Не совсем. Боба Дилана. Может, слышал, был такой КСП-шник «за лужей». Глобалисты ему ещё Нобелевку всучили. Но у Борьки есть тексты не хуже.

– А как ты его собираешься сюда вытаскивать? Кому он тут нужен?

– Никому. Никто никому, в сущности, не нужен. Каждый – сам за себя. И лишь Один – за всех нас. О, Дзвонику мій, умница, и огурчики нарезала. Давай, разливай. Соловьяненко баснями не кормят.

– Лиза, слышала...

– Услышит сейчас. – Баратэску недовольно перебил Игоря. И добавил примирительно: – Всему своё время. Давайте за встречу.

Игорю не понравилось то, что Бородецкий так резко одёрнул его. Зачем нужна была эта демонстрация иерархии в их отношениях?

Игорь Соловьяненко был ровесником Евгения Баратэску и Лизы Дзвоник. Это был скромно одетый подтянутый моложавый дядечка с аккуратным седым ёжиком. Выглядел моложаво. Но не молодо. В отличие от Баратэску и Дзвоник, которым по виду было не более сорока.

А теперь Игорь Соловьяненко работал вместе с Евгением Баратэску в проекте «Starless. Bible black», сокращённо «эс-би-би». Проект был одним из филиалов «Мёбиуса», официально занимался исследовательской деятельностью в области акустики.

Баратэску тоже, как и Соловьяненко, занимался ещё и инженерными исследованиями, но он мог себе позволить поиграть в эксцентричного барина, чьё имя мелькало и в музыкальных тоннелях виртуальной сети, и во вполне осязаемых выставочных залах.

В филиале он играл достаточно значимую роль. Руководство корпорации поставило перед ним простую цель, добиться которой поначалу казалось не так просто.

Он должен был приучить сознание потребителей информационного продукта к той мысли, что «Мёбиус» желает всем добра. Что там трудятся вовсе не садисты-сатанисты. И что бояться «Мёбиуса» не нужно. Не нужно демонизировать трансплантологов, выращивавших клонов, в качестве живых инкубаторов запасных органов.

6. Репутационные потери

Имена людей, разработавших сам принцип выращивания клона специально «под заказчика», широкой общественности не ведомы. Время ещё не пришло. Возможно, оно не за горами, но, тем не менее, пока положение одних обязывает, положение других – принуждает.

Тем более, что филиалы «Мёбиуса» в ржавом поясе Демократических Штатов Американских Побережий, принесли корпорации устойчивую репутацию самых настоящих извергов и людоедов.

Теперь Евгений Баратэску прорабатывал стратегию и тактику информационной кампании, призванной «сорвать шаблоны восприятия» относительно всей темы с трансплантацией.

– Соловей, когда-то очень давно я никак не мог понять вот какой вещи: нам, пришедшим после перестройки в Церковь... а, ты же, вроде, и не приходил? Ну, ладно. Так вот. Нам, приходящим в Церковь, рассказывали о том, какие масоны ужас-ужас! А потом оказывалось – что и тот был братом, и этот, и куда ни плюнь: везде масон. И все они – порядочные интеллигентные дворяне, не какие-то там любители колдовства и гильотин.

И однажды меня судьба свела с человеком, который занимался тогда всяческими информационными делами и делишками. Он мне на пальцах рассказал: как масонские пиарщики выставили весь католический, а заодно и православный миры – на всеобщее посмешище.

Вначале они сами же подстёгивали антимасонских публицистов к тому, чтобы те сочиняли «христианские книги ужасов». Даже и спонсировали косвенно подобного рода проекты. Не все, конечно же, но такую... Наиболее отморозенную «жесть».

Когда эти образы уже укоренились в массовом сознании, наступал следующий этап. На почти что всеобщей волне интереса ко всему «альтернативному», эти писания, ранее служившие элементом консервативного христианского мифа, теперь уже перекочёвывали в интернет, где в агрегаторах соседствовали с рассказами про рептилоидов и про перипетии записей альбомов каких-нибудь Дип Пурпле или что-то в таком роде. В общем, становились достоянием общественности.

Потом эта мифология, уже доведённая до очевидного абсурда, с лёгкостью необыкновенной вдруг начала тотально со всех сторон буквально выглумливаться. Причём идеи-то выдумывались вовсе не «православнутыми», а как раз теми же самыми креативщиками, которые теперь их лихо выстёбывали. Но под раздачу попадали как раз те, кто эти вещи некогда публично озвучивал на страницах и аккаунтах. Выглумив всякую чушь, которой была полна околосервативная мифология, пиарщики прошли по антимасонствующим консерваторам.

Наконец, заключительным этапом этой информационной кампании были информационные вбросы про то, какие, на самом деле, масоны были хорошими и замечательными, и как плохо, что общество наше нетолерантное до сих пор пребывает в плену стереотипов, сфабрикованных такими-сякими религиозными фанатиками.

Ну, как?

– Круто.

– Вот я сейчас работаю над пропагандой «Мёбиуса».

– А зачем его пропагандировать? Тут же и так наши боссы работают спокойно и уверенно.

– Надо в Рашке народ перезомбирывать. «Мёбиус» там собирается работать.

Родители Игоря когда-то давно, ещё в прошлой жизни, приехали сюда, в этот город северного Причерноморья, с берегов совсем другого моря, и ему было неприятно, когда Россию, пусть и принявшую облик Евразийской Конфедерации, глумливо обзывали «Рашкой».

Игорь налил себе водки, выпил, вытер пальцами губы и шмыгнул носом. Закусывать не стал.

– Ну. Чем я могу помочь в этом деле?

Но Бородецкий почувствовал, что настроение у Соловья подпорчено, поэтому решил немного сменить атмосферу. Он встал из-за стола, вернулся в свой угол, отодвинул в сторонку жестяную хангу и взял в руки гитару.

– Собираюсь сегодня на «Квартирник у Горгона». Попрою там всякие песни. Кстати, маска чумного лекаря куплена как раз для этого мероприятия.

– Ты уже говорил про это.

Бородецкий заиграл всякие частушки.

Народ, надев намордники,

Расселся по домам...

А Божии угодники

Глядят на этот страм.

Игорь слегка оттаял, слушая пение своего старинного приятеля и коллегу. Лиза поначалу взвизгивала в вульгарно-фольклорном духе, но Бородецкий так на неё зыркнул, что она поперхнулась очередным возгласом.

А есть ли эпидемия?

Теперь уж всё равно...

Дожить до понедельника

Не каждому дано.

Бородецкий попел ещё, затем отставил гитару в сторонку, встал, нахлобучил маску и в таком образе поклонился публике.

– Ну, это-то точно не Боба Дилана, – отозвался Игорь, показывая, что он снова норме. – Чьи куплеты?

– Чьи куплеты, это мы выясним. А исполнял их Борька как раз во время первой волны коронабесия. Вот за эти самые куплеты ему и перекрыли кислород. А вовсе не из-за «пятого пункта», как он по наивности своей полагал раньше, и продолжает так считать до сих пор.

– Можно подумать, что в этих строках прямо такая уж крамола...

– Да как сказать. Политическая нация Евразийской Конфедерации построена на «трёх китах»: «евразийцем» становятся все те, кто любит праздновать Победу; любит ненавидеть «пендосов» и любит бояться коронавируса.

– А на каких «трёх китах» построена политическая нация нашего благословенного «Остатка белой Европы»?

– Сейчас подумаю. Так. Дружное презрение к кацапо-монголам. Дружная ненависть к бескультурию. Дружный страх перед коронавирусом.

– Выходит так, что без этой темы со склеиванием в дружном страхе-коронабесии, уже нигде у вас не получается.

– Выходит, так. Политические нации нынче фабрикуются по одним и тем же матрицам. Дружно ненавидим соседа; дружно боимся коронабеса. Ну, для разнообразия, дружно что-то почитаем в качестве идола. Гражданской, так сказать, религии.

– А ты не боишься, что перейдя красную черту, тебя тоже забанят? Как и Борьку.

Бородецкий немного помолчал. Потом начал вполне серьёзно:

– Нет. Не боюсь. Я серьёзным пацанам из нашей конторы показал примерный маршрут своей многоходовочки, так что теперь могу позволить себе повыёживаться. Понимаешь, есть среди нас ещё изрядная доля тех, кому противна вся эта пропаганда. Я публично выстёбываю пропагандистскую машину. Причём не тех священных коров, которых касаться нельзя, и не то, что всем уже остало, типа этой санта-барбары с тем, какие русские ужас-ужас «ватники», а мы, типа, культур-мультикультур. Поглумлюсь над «масочниками», ну, теми, кто истерически фанатеет от гигиены. Скандал будет? Будет. Страшный и ужасный? Нет, среднепопсовый. Но вполне достаточный для того, чтобы и сформировать потенциал для следующего медийного шага. А заодно и душу отведу.

Соловьяненко пил, но теперь уже закусывал. Евгений перешёл в решительную контратаку.

– И потом. Игорь, опять ты этот порожняк начинаешь гнать: «мы», «вы». Я тебя в быдло не записывал. Себя шишкой не считаю. Просто вовремя пристроился к теме. Так что не обижайся, что слегка наехал на тебя. Тут нужно кое-что деликатное выведать у Лизы. Для дела. Про Борьку. У них же что-то там было в молодости. А мне на днях с ним встречаться. И не просто встречаться. А вытаскивать его сюда.

– Не понимаю: зачем тебе его сюда вытаскивать? Что: надоело с местными разговаривать разговоры о высоком, и теперь решил, что можешь себе позволить за казённый счёт побаловать себя разговорами с тем, с кем вдруг приспичило пообщаться?

– А почему бы и нет? Если за казённый счёт!

Бородецкий засмеялся, упиваясь ролью показного циника, и налил, наконец, себе.

– И это тоже есть. Когда денег нет, думаешь только про то, где бы чего пожрать. Голодные везде одинаковы. А вот серьёзно отличаются между собой именно сытые.

Сытость – вот момент истины. Кто как потратит свой лишний шиллинг. Или шекель! Но ещё больше различаются между собою те, кто по-разному тратят шекели казённые!

Бородецкий махнул водочку и продолжил:

– Если серьёзно, то Борька же тоже занимается полигоналкой. Так что, вытащив его сюда, я решу одним махом несколько проблем. Отыграю очередной акт пиара «Мёбиуса»; обрету человека, с которым вот уже несколько десятков лет хотел бы поиграть всякие песни и пляски; и, наконец, наша лаба в «эс-би-би» получит исследователя, которому есть, что сказать по существу изучаемой нами проблемы.

Заодно попробую отыскать одного дедулю, который владеет какими-то записями по длинным черепакам и полигоналке. Записями, сделанными ещё до Второй Мировой. Причём, дед серьёзный. Никаких сканов, никакого электричества, никакой цифры. Только аналоговые носители. Только фотокопии дневников.

Часть 2

1. Антон и планетарная ноосферная сеть

«Я в междуречьи роли и речи»...

Антон Павлович Коржов, мужчина тридцати пяти лет, с удовлетворением посмотрел на текст поэтической фразы, появившейся на экране старомодного ноутбука. Саму фразу он только что отпечатал на клавишах старинной немецкой пишущей машинки, превращённой мастерами-электронщиками в клавиатуру, которая при посредстве какого-то передатчика отправляла сигналы прямо в электрические мозги компьютера. Этот маленький штрих создавал прелестную иллюзию того, что и сам компьютер, и его обладатель будто бы никоим образом не включены во всемирную ноосферную сеть.

Это было не так.

Наш герой, работник филиала Исследовательского Центра Проблем Коммуникации, конечно же был подключён к сети. Никто его насильно не принуждал к подключению. Но... ведь это так удобно. К тому же «неподключённые» жители Евразийской Конфедерации были ограничены в доступе ко всему тому, что так или иначе связано с функционированием капризного механизма под названием «социальный лифт».

Так что, хочешь – не хочешь, приходилось смиряться с некоторыми неудобствами, возникающими при пользовании этим инструментом. Не хочешь ехать в вагоне, иди пешком.

А если нет желания идти пешком – и тяжело, и далеко не доползёшь, но при этом хочется ощущать свою инаковость от прочих пассажиров лифтов и вагонов, то выручают такие вот упражнения в творчестве. Помогают фантазировать, рисуя в сердце ощущения свободы. Чувства, наподобие тех, которые испытывает школьник младших классов, впервые ушедший самостоятельно гулять в соседний микрорайон.

При этом для кого-то, в том числе и для Антона Павловича, были важны некие внешние ритуалы, вроде ударов пальцами по клавиатуре. Порою он и вправду начинал веровать в

то, что чем плотнее он срастётся с «кирпичиками реальности», тем надёжнее будет стена, ограждающая его душу от щупалец Всемирной ноосферной сети.

И хотя в глубине души он понимал, что такого рода стены малопригодны для создания надёжных убежищ от чего-то действительно сильного и опасного, тем не менее, продолжал цепляться за эту мнимость. В этом было что-то от веры всякого просыпающегося, даже и не школьника, в то, что привидевшаяся во время ночных грёз игрушка на этот раз точно удержится в благодарных пальцах...

«Роли калечат, хоть речи беспечны», – продолжил Антон.

И откинулся на спинку стула. Стул был из абсолютно неантикварного ширпотреба середины XX-го века. Но это был деревянный стул, а не кресло из полимеров. Так что и на том спасибо.

Теперь на душе было хорошо.

Звуковая вязь была музыкальна, да и смысл тоже вполне соответствовал той идее, которую он был не прочь запечатлеть этими строками.

Из блаженного чувства парения в эмпиреях Антона вывело нарастающее чувство присутствия в сознании чего-то постороннего. Это был сигнал, повелевающий подключить свой мозг к ноосети.

Нахмурившись, он дотронулся сжатыми пальцами правой руки – указательным и средним – ко лбу, а затем прижал большой палец левой руки к запястью правой. Прижал к тому месту, где на руке была нанесена нано-татуировка, служившая своего рода «кнопкой», включавшей механизм настройки человека на подключение к сети.

Ощущение свободы испарилось, как испаряется нарисованный водой иероглиф: кисть только отрывается от последнего мазка по тёплой плите камня, а первое пятнышко уже начинает неотвратимо исчезать.

«Но ведь было мгновение свободы?», – неуклюже пытался обмануть самого себя Антон, но сознание начало цепенеть, и стали явственно проклёвываться образы наваждения ноосферного поля.

Он и не пытался сопротивляться вторжению в сознание этих посторонних образов.

Себе дороже.

Однажды он уже пробовал поэкспериментировать и изо всех душевных своих сил пытался противиться наваждению. Антон повторял разорванные куски молитв на нескольких языках, которые, впрочем, воспринимал он не как моление о заступничестве, но как мантры – подспорья для поддержания обладания собой.

Но... потом было только хуже. Вместо привычной промывки сознания он получил такую дозу состояния ужаса и подавленности, что стало ясно – станешь сопротивляться включению в ноосферное поле – получишь по мозгам.

Вернулись все те давно забытые образы, приходившие к нему в детстве во время галлюцинаций, сопутствующих бреду от высокой температуры, и время куда-то пропало.

А ведь это был уже не первый случай, когда Система напоминала о себе.

В голове тогда начал нарастать звон, доходя до совершенно нестерпимого уровня. Система напомнила о себе недвусмысленно. Привлекая внимание к сигналам, которые воспринимались вживлёнными в тела устройствами, давно и безвозвратно заменившими многое из того, что определяло образ жизни постиндустриального человечества.

Ноосферное поле работало таким образом, что эти шпионы преобразовывали полученные сигналы в т.н. «стрессоры». Которые влияли на те центры нервной системы, которые и формировали в сознании чувственные образы. Иными словами, человек, глядя в книгу, видел, конечно, не фигу, но... то кино, которое крутили гипнотизёры Системы.

Оно, конечно, ещё не «матрица», но уже на пути к ней.

К всепланетной ноосферной сети подключены были все те, кто не видел особых причин отказываться от очевидно удобного инструмента. Отказники вынуждены были пользоваться устаревшими электронными браслетами, в которых помещались чипы. Однако, невключение во всепланетную сеть не просто лишало человека массы удобств, но закрывало доступ в верхние этажи социума.

подавляющее большинство потребителей товаров и услуг восприняли этот шаг технической революции с восторгом и энтузиазмом. Ну, а как же иначе: ведь теперь у подключённых к Системе отпадала необходимость в каких бы то ни было устройствах, передававших картинку и звук. Всё возникало прямо в башке. Хоть кино, хоть собеседник.

Кроме того, шпионское устройство, принятое сторонниками всего того, что объявлялось «прогрессом», непрерывно передавало сигналы, оповещавшие Систему о психическом и физическом состоянии человека. А система навигации позволяла относительно оперативно обнаружить биологический объект, передатчик которого транслировал бы сигналы о помощи.

Гражданин мог лишь начать ощущать некие симптомы телесного недомогания или же закипающего раздражения, а добровольно помещённый в собственное тело дятел уже подавал сигналы Системе, где эти самые сигналы воспринимались в качестве индикаторов опасного состояния. Которое – во имя Всеобщего Блага – необходимо было пресечь.

В голове Антона тихонько, но тошнотворно гудел сигнал, напоминающий о том, что пора на работу, времени осталось как раз столько, чтобы доковылять до остановки автобуса.

Не хотелось выбираться из уютного состояния мысленной неги, но делать нечего... Антон, отключив сигнал, прикоснувшись к запястью, сунул ноги в кроссовки и покинул помещение.

Нанотатуировка на запястье помимо «кнопки включения мыслесвязи» исполняла функцию ключа, открывающего разнообразным аппаратам возможность подключаться к базе данных, соответствующих обладателю уникального кода. И теперь прочипированные человекоединицы освобождались от массы хлопот, связанных с поисками копий и оригиналов многочисленных справок.

Когда ещё только вводилась эта Система, некоторые знатные учёные-нейрофизиологи утверждали, что технически невозможно создать нечто подобное. Но Систему ввели – и она заработала.

2. Молодой циник м.н.с. Фома Тростов

По дороге на остановку Антон почувствовал, что в обувь попал какой-то посторонний предмет. Остановился. Не спеша стянул кроссовок и вытряхнул из него камешек. И вдруг увидел, что автобус-то уже выворачивает из-за угла, а до остановки ещё метров двести.

Еле успел.

Водитель увидел своего постоянного пассажира бегущим и, конечно же, постоял чуть дольше.

– Спасибо Вам! Ух.. А в агломерациях никто бы ждать не стал. Уехали бы без меня. Не попал бы вовремя к месту трудовых свершений, – попытался пошутить младший научный сотрудник Филиала Центра Института проблем коммуникации.

Филиал Центра находился в нескольких километрах от городка, опоясанного лесом и проплешинами бывших колхозных полей, ныне намертво заросших мутировавшим борщевиком. Климат изменился, и теперь борщевик стоял во всеоружии своего яда уже поздней весной.

Корпуса Филиала располагались в отремонтированных зданиях НИИ ещё советской постройки. Некогда тут был небольшой сельскохозяйственный академгородок, но никакой интеллектуальной базы давно не было, всё вымерло ещё в начале XXI века.

Теперь же академгородок был приведён в относительный порядок, коммуникации восстановлены. Причём архитектор, руководивший возвращением комплекса к жизни, воплотил модный на тот момент «тренд» – «необрежневское ле-корбюзье». Попросту говоря, частично отевроремонтированные здания вновь напоминали типичные для позднего Союза ССР Научно-Исследовательские Институты, причём напоминали как внешне, так и внутри.

Обшарпанность стен беззастенчиво прикрывалась наглядной агитацией. Нет, до кумача дело ещё не дошло, хотя, впрочем, все эти лозунги и рекомендации с той или иной мерой настойчивости призывали жителей приграничья к бдительности.

Антон вышел из автобуса и направился к воротам Филиала. По обеим сторонам ворот были разбиты цветочные клумбы. Над весёленькой геометрией цветов и разноцветных камешков задумчиво возвышались щиты с наглядной агитацией.

На одном из щитов был изображён какой-то деятель ушедшей эпохи, и аккуратным чертёжным шрифтом были напечатаны следующие исторические слова этого деятеля: «Нанoeлектроника будет интегрироваться с биообъектами и обеспечивать непрерывный контроль за поддержанием их жизнедеятельности, улучшением качества жизни, и таким образом сокращать социальные расходы государства».

Надпись на соседнем щите продолжала эту мысль, сгенерированную в «лучших» традициях «нанобюрократизма»: «Широкое распространение получают встроенные беспроводные нанoeлектронные устройства, обеспечивающие постоянный контакт человека с окружающей его интеллектуальной средой, получают распространение средства

прямого беспроводного контакта мозга человека с окружающими его предметами, транспортными средствами и другими людьми».

По периметру обоих изображений были размещены рожицы мультипликационных героев, права на изображение коих некогда выкупил коммерческий банк, финансирующий наночипизацию подданных. И вот теперь персонажи «Союзмультфильма», по замыслу некоего специалиста по душе народа, должны были демонстрировать радость от того, что, наконец, стала реальностью «предиктивная политика реагирования на инциденты: автоматизация слежки и патрулирования; обнаружение нежелательных лиц путём сканирования заданной области».

В воротах НИИ Антон повстречал своего приятеля Фому, который вышел из корпуса покурить:

– Курить – кураторам кадить!

– Кто не курит и не пьёт, тот здоровеньким помрёт, – парировал Фома. – А ещё мой покойный прадед говорил так...

– Да, слышал уже. Слушай, Фома, я вот, о чём сегодня подумал: а зачем всё это?

– Что: «всё это»?

– Ну, контора наша, отчёты. Транспаранты эти в клумбах. Политинформации по понедельникам? Ведь всю политинформацию можно закачать в нас «вражьи голоса» через смартфон, встроенный в башку? Да и работать мы тоже могли бы на удалёнке, как при ковидах. Сидели бы в своих норах и общались по сети. Зачем этот цирк? Просто, чтобы у населения была иллюзия того, что наш кусок глобуса чем-то отличается – ясное дело – в лучшую сторону – от соседних кусков? Где биологические объекты сидят в человекообразных, типа как у нас в «нерезиновой»?

– В общем-то, да. Как это говорят в народе... – Фома почесал затылок и выдал: – «Всякий пернатый высказывается комплиментарно о той части суши с избыточным увлажнением, которая является ареалом его обитания».

И, ухмыльнувшись, тут же добавил:

– Да нет, брат, тут дело посложнее.

Фома закурил и предложил Антону присесть на деревянную старомодную лавочку со спинкой, примостившуюся под двумя берёзками. На щите напротив были изображены Маша и Медведь, втемняшивающие глуповатым Чебурашке и Крокодилу Гене о несомненной пользе «расширения количества льгот и услуг, предоставляемых по единому цифровому идентификатору».

– Понимаешь, брат, – затянулся папиросой «Сила Сибири» младший научный сотрудник Фома Трастов. – Не работает эта Система на все сто. Не работает. Сигналы принимать принимает, причём не только о наших покупках и перемещениях, но даже об изменении пульса и давления. Но в душу влезть не может.

– Как не может? Я попытался заблокировать «вражий голос», так оно меня так шарахнуло по мозгам, таких мультиков показало, что я теперь оставил эту надежду... Приходится

«вполмозга» слушать всю эту ботву политическую. Но не отгораживаться от «вражьих голосов» полностью... О! Сигнал пошёл. Пора нам на политинформацию.

Фома аккуратно погасил папиросу и выбросил окурок в бетонную урну, стоящую рядом со скамейкой.

– Ну, что ж. Пошли. «Блажен муж, иже не иде на совет нечестивых». Но, делать нечего. Если насилие неизбежно, расслабься и постарайся получить удовольствие.

– Слушай, Фома, – Антон не сдавался и не собирался подстраиваться на шутивную волну.

– Я, всё-таки, не понимаю: какой смысл нас собирать всех вместе в «красном уголке», просто ради того, чтобы провести обычный сеанс зомбирования «вражьиими голосами»? Могли бы промыть нам мозг в обычном формате? Не понимаю...

– Ну, смотри. Могли бы нас держать по домам «на удалёнке», чтобы мы свои исследования проводили индивидуально, а потом просто в режиме медитативной конференции обменивались мнениями?

– Нет, не могли. Не работала эта схема.

– Не работала. Потому что творческий процесс – штука строго индивидуальная. Никакие гипнозы не заставят человека сделать нечто, принципиально прорывное. Будет просто бесконечное перетасовывание, прорыва не будет. Как говорится, «процесс протекал неравномерно и противоречиво с трудноуловимой закономерностью».

– «Через ж*пу», говоря человеческим языком.

Молодые научные сотрудники не спеша шли по асфальтированной дорожке, обсаженной берёзками и туями.

– Понимаешь, ну что толку погружать нас в гипно-сны и вытаскивать какие-то импульсы. Соответствующие неким психо-состояниям? Всё это чухня. Не может система читать мысли. Нереально это. Передавать данные о температуре и выделении каких-то там веществ оно может, но не больше того. Вот нас и собирают по старинке в такие шарашки. А что тебе не нравится? Что, хочешь в «нерезиновую»? В капсулу какого-нибудь тридцатизэтажного человеканика? Чем тут-то, на лоне природы, тебе плохо?

– Да мне неплохо, но не могу понять: зачем всю тему с исследованиями обставлять так, как будто мы играем в институт эпохи Советского Союза?

– Ну, играем же, – лениво ответил Фома. – Играем. Одни играют в одни эпохи, наше руководство решило, что нам будет интересны костюмы эпохи позднего «совка». Ну, тебе-то какая разница? Не нравится эстетика «брежневского ле-корбюзье» и наши халаты да политинформации? Забей ты на этот «косплей». Что, разве лучше было бы обитать в человеканике «нерезиновой»?

И добавил, сменив тон:

– О, Борис Моисеевич уже нас поторапливает.

3. Борис Моисеевич Херсонский

– Ну и сколько можно ждать? – скорбно вопрошал Борис Моисеевич, но уже в следующее мгновение интонации, исполненные неподдельного драматизма, обернулись повелительными нотками: – Давайте, парни, ставьте автографы в ведомости и бегом в «красный уголок»!

Младшие научные сотрудники на бегу поставили свои подписи в ведомости, фиксирующей присутствие сотрудников Филиала на еженедельной политинформации, и быстро зашагали в сторону «красного уголка».

Вслед за ними засеменял и Борис Моисеевич. Ведомость была заполнена, все, кто должен был присутствовать на политинформации, расписались, и теперь нужно было отправить скан ведомости Куда Надо, сигнализируя о том, что и сотрудники филиала тоже готовы к демонстрации политической лояльности: их умы и сердца вот-вот распахнутся, чтобы поглотить порцию пропаганды.

На общепланетном уровне закончился очередной раунд боданий между представителями противоборствовавших центров военно-экономических сил.

Один из этих центров ратовал за то, чтобы человечество представляло собою некую глобальную сеть унифицированных цивилизационных блок-пазлов. Эти блок-пазлы являли бы собою некую мега-агломерацию и обеспечивающие её жизнедеятельность агрохолдинги, фабрики по переработке и утилизации бытового мусора, резервуары с питьевой водой, а также зелёные массивы – лёгкие мега-агломераций. При этом сторонники идеи такого уклада намеревались искусственными методами оптимизировать население планеты на порядок, а выживших расселить в упомянутых мега-агломерациях.

Другой центр выступал против унификации и отстаивал право региональных центров на некую идейно-культурную автономию. Этот центр, который можно назвать воплощением идеи «Пирамиды вместо Сети», в итоге одержал верх, и в результате облик планеты хотя и претерпел некоторые изменения, но, человеконенавистический футуризм мега-агломераций, всё-таки, был разбавлен кое-какими элементами самобытности.

Например, место обитания наших героев – Евразийская Конфедерация – теперь выглядела таким образом: вдоль путей перемещения возвышались эти самые агломерации, а примерно в радиусе пятисот километров вокруг них дислоцировались латифундии агрохолдингов, чередовавшиеся с лесными массивами, в глуши которых ютились небольшие городишки и даже города.

На западных рубежах Евразийская Конфедерация упиралась в Междуморье. Непоглощённые агломерациями городишки и даже города Междуморья (т.е. бывшей восточной Европы) выглядели как стилизованные под псевдобарокко местечки, с вкраплениями объектов, сооружённых в некоем гипертрофированно фольклорном вкусе.

Ну, они решили так обставить свой быт. Дело хозяйское.

А вот у нас, в Евразийской Конфедерации, решено было культивировать стилистику уже упоминавшегося выше «позднебрежневского лекорбюзье». Примером которого был – в числе прочих многих – и Филиал.

Борис Моисеевич Херсонский очень дорожил своим рабочим местом и опасался того, что его могут сократить. Вследствие чего могут возникнуть проблемы с выплатой кредита за квартирку – и тогда прощай блаженное житие в своём собственном уголке этого укромного городишки. Здравствуй, «социальное жильё». Отправят в ближайшую агломерацию, поселят в капсулу с койко-местом да душевой кабинкой, совмещённой с санузелом. Прогулки – согласно коду, присваиваемому пенсионерам, – разрешаются два раза в неделю по два часа строго до сквера и обратно. Как всем давно уже внушено – пребывая на открытом пространстве пожилой человек может заразиться чем-нибудь. Например, очередным сезонным коронавирусом. И поэтому он, пенсионер, обязан сидеть в своей капсуле и глядеть стариковские сериалы, которые ему будут транслировать прямо непосредственно в башку, симулируя при этом запрограммированную режиссёрами соответствующую гамму чувственных переживаний.

Нет, в капсулу Борис Моисеевич не хотел.

«По губам меня помажет ...пустота»

Нет. Вдыхать бензин и проклинать судьбу он не будет. Он, человек, который помнит «эпоху Московшвея», будет держаться работы до тех пор, пока, пардон за каламбур, не свернут ему шею. Не дождутся. А сил у него ещё достаточно.

Борис Моисеевич был одинок. Одна его дочка со своей семьёй жила в Междуморье, в агломерации на берегу Чёрного моря, другая – в Благословенной Земле. Иногда удавалось выходить с ними на ноосферную связь, но Борис Моисеевич старался пользоваться этим устройством как можно реже, т.к. замечал странности, которые происходили с ним как во время сеансов связи, так и после них.

Нет, что Вы, что Вы! Херсонский любит своих драгоценных детей и бесценных внуков, он каждый день начинает с того, что целует их фотографии, напечатанные на пластике (электронным базам, как уже понял внимательный читатель, этот мудрый человек не особо доверял). И каждый день он заканчивает поцелуями фотографий своих родных, но вот от общения по ноосферной связи, всё-таки, воздерживается.

Подальше от начальства. Пусть и кибернетического.

Поближе к земельке. Чтоб можно было гулять столько, сколько душе угодно, чтобы жить не в камере-капсуле, а своей квартирке, заваленной милой сердцу разной всячиной – приборами, инструментами, пахнущими плесенью старинными журналами «Наука и жизнь» и «Техника – молодёжи», которые он как-то обнаружил в подвале корпуса НИИ и бережно передислоцировал в своё жилище. Сколько блаженных вечеров провёл он, перелистывая эти журналы, пробуждавшие воспоминания о любимом дедушке, в честь которого он, кстати говоря, и был назван Борисом...

И ещё, в конце концов, окна его квартирке выходили на лесок, а не на футуристические башни человеяников. И чтобы всё оставалось так, как есть, он, Борис Моисеевич, разобьётся в лепёшку, но никакая сила не отодвинет его из штата филиала.

А ведь он уже слышал как-то краем уха, как менеджер по кадрам сетовал на то, что филиал, дескать, превращается в «дом престарелых». В котором персонал – сплошной «список Шиндлера».

Вот вам и образцово поликультурное многоконфессиональное и многонациональное цивилизационное образование, каковым на каждой политинформации преподносили Евразийскую Конфедерацию.

Евразийская Конфедерация – в отличие от неофашистского Междуморья или экстремистской Еврабии – и была именно такой. Но почему-то среди населения распространились всякие шуточки-прибауточки антисемитского содержания.

Впрочем, Антон как-то успокаивал Бориса Моисеевича, объясняя ему, что работают политтехнологи и спецы по социальной инженерии, мобилизуя одни сектора потенциально протестного электората против представителей какого-нибудь социокультурного сектора общества. Чисто из принципа «девочки, против кого дружите». А потом, дескать, просто аккуратно канализируют накопившийся негатив в некое вполне безопасное и десять раз просчитанное русло.

Интересно, что несмотря на то, что глобалисты-традиционалисты разгромили глобалистов-космополитов, единая Система ноосферной сети была окончательно сформирована именно ими. При этом границы между цивилизационными блоками существовали, и преодолеть их было не так уж просто.

Сотрудники филиала Центра Исследования нередко судачили на тему того, что эти границы как-то не совсем сочетаются с самой идеей единой всепланетарной системы ноосферной сети. Однако, поскольку в филиале изучались вопросы не физики, но лирики, то все понимали, что никакого противоречия нет. Всё совершенно логично.

Наилучшим раствором, склеивающим совокупность эгоистов в некое подобие сообщества, является т.н. «негативная эмоция». «Дружба против». Вот население и склеивали этими «дружбами».

Жители Междуморья почитают себя в качестве «остатка Белой Европы», и, как таковые, побаиваются и ненавидят жителей Еврабии (бывшей западной Европы). Вместе с этим, они презирают нас, жителей Евразийской Конфедерации. Как «орду». Мы, впрочем, отвечаем им той же монетой, ненавидя их предательство и продажность. Вот так и приклеиваемся друг ко дружке, отталкиваясь от «общего врага». А что? Работает.

4. Политинформация

Борис Моисеевич аккуратно прикрыл дверь комнаты, малопочтительно нарекаемой сотрудниками «красным уголком».

Это был довольно уютный небольшой конференц-зал со сценой, закрытой старомодным тёмно-фиолетовым занавесом и семью рядами кресел, покрытых таким же тёмно-фиолетовым плюшем. Ряды разделялись двумя проходами, так, что по бокам стояли вдвойне кресла, а посередине – строенные.

Фома, на ходу приветствуя коллег, отправился на галёрку к своим приятелям лингвистам. Антон подсел к очаровательной брюнетке, правда, слегка полноватой. К младшей научной сотруднице Виктории Александровне Мигельанджело, в девичестве – Архангельской, Антон уже много лет питал нежные чувства, но как-то всё у них с этой полуразведённой не складывалось.

Борис Моисеевич, отправив скан ведомости, примостился в первое же попавшееся кресло в первом ряду.

На сцене был установлен мини ретранслятор – стального цвета шар, заключённый в пирамиду из прозрачного пластика.

Шар начал испускать какие-то замысловатые сигналы, и сотрудники филиала – один за другим – погрузились в состояние полусна.

Началась политинформация.

Вначале сообщалось о том, что политика сворачивания индустриальной активности приносит ощутимые плоды: экологическая ситуация на пространстве Евразийской Конфедерации заметно улучшается, в лесных массивах можно без труда обнаружить представителей уже исчезавших было представителей фауны, в реках – более не отравляемых отходами предприятий химической промышленности – как в далёкие эпические времена снова появилась рыба.

Всё это иллюстрировалось пасторальными кадрами, журчала умиротворяющая музыка, в мелодию которой вплетались музыкальные фразы из произведений русской классики XIX века.

Вторая новость как бы подхватывала экологическую тему, и теперь известный всей Евразийской Конфедерации проповедник вегетарианства рассказывал о новых успехах на поприще синтезирования пригодных для пищи углеводов. Теперь, согласно проповеди популяризатора вегетарианства, постепенно можно будет реконструировать систему агрохолдингов таким образом, что уйдут, наконец, в прошлое эти чудовищные концентрационные лагеря, в которых в противоестественных для живых существ условиях выращиваются на убой миллионы несчастных голов скота.

Новость иллюстрировалась кадрами этих жутких скоплений теснящихся бок о бок свиней и коров, музыка стала тревожной, и впечатление усиливалось за счёт того, что режиссёры передачи умудрялись на какие-то неуловимые мгновения заставлять потребителя новостного материала как будто бы в буквальном смысле слова самому влезать в шкуру несчастной свиньи или телёнка.

Видимо, эти спецэффекты должны были «заякорить» в сознании потребителей информации в числе прочего ещё и такие ассоциации. Вдобавок к ощущениям уже внедрённым.

Потом пошло нагнетание.

Дикторша тревожным голосом заявила, что буквально в эти минуты в Оперативный Штаб всеобъемлющего контроля за здоровьем нации поступил сигнал из районного поста контроля за эпидемиологической ситуацией столицы. В сознаниях потребителей информационного продукта, генерируемого службой информации Системы Ноосферного поля Евразийской Конфедерации, появился врач в противоковидном костюме:

– Только что наши локаторы засекали сразу несколько тревожных сигналов, диагностирующие серьёзные проблемы с самочувствием у граждан, которых, естественно тут же идентифицировали и запеленговали их локацию. Судя по данным, уже обработанным нашим компьютером, речь идёт об очередной вспышке коронавируса...

Врача перебила бойкая дикторша:

– Внимание, экстренное сообщение. В связи с тем, что данные о вспышке сверхнового коронавируса подтверждены специалистами аналитического центра эпидемиологической безопасности, градоначальник столицы объявляет о том, что во всех агломерациях Евразийской Конфедерации вводится режим самоизоляции по «оранжевой» схеме. В регионах схема режимов самоизоляции будет определяться исходя из местных условий.

Бойкая трескотня сопровождалась образами бьющихся в конвульсиях больных, мечущихся с каталками медиков в противоковидных костюмах. Ну, и, разумеется, не были забыты потребители информпродукта, которые получили свою дозу стимулирующих стрессоров, в результате чего каждый мог ощутить – каково это задыхаться от сухого кашля.

Но, видимо, режиссёр программы политинформации потерял чувство меры, а, может быть, проводил некий психоэксперимент, потому что вслед за удущем потребители информпродукта вновь ощутили волну ужаса, и теперь уже всякий потребитель, мало-мальски знакомый с приёмами блокировки агрессивного внешнего воздействия, на практике реализовывал свои навыки.

У кого-то из сотрудников филиала это получалось лучше, у кого-то хуже, кто-то впал в оцепенение и корчился в судорогах...

– «Эли, Эли! Лама савахфани...» – Прошептал Антон, в голове что-то взорвалось, он ощутил нарастающий свист как при проблемах с сосудами. А потом вся эта свистопляска прекратилась. Прекратилась совершенно внезапно, оставив в голове лишь лёгкий шум.

«Вот с*ки, что с людьми делают! «Оранжевая» схема – это, значит, жителей пенсионного возраста закупорят в капсулах человекоников, активировав электромагнитные замки. И никто, кроме сотрудников эпидемиологического контроля не сможет их разблокировать. Будут получать стариканы сухой паёк раз в неделю. А всё остальное время уйдёт на доканывание остатков нервной системы. Провайдеры предоставят бесплатные услуги по безлимитному пользованию виртуальной реальности.

А те, кому посчастливилось ещё не доползти до возраста дожития, будут выходить из своих капсул строго по расписанию, и отклонение от маршрутов будет наказываться ударами стрессоров прямо в болевые центры мозга.

Да... Хоть бы самого не отправили в эту проклятую столицу. Живём тут при филиале и горя, на самом-то деле, не ведаем...»

Антон, испугавшись того, что Система засечёт акт саботирования политинформации, постарался вновь настроиться на восприятие сеанса промывки мозгов.

Дальше в программе были новости из других цивилизационных блоков.

Новости из Благословенной Земли (чьи пределы теперь простирались от Нила вплоть до Тигра и Евфрата) Антон пропустил именно в тот промежуток времени, когда Кто-то отключал его сознание от ноосферной сети, и теперь передавали про неонацистов из Междуморья, которые разрушили очередной памятник и категорически запрещали своим гражданам подключаться к Евразийскому сегменту ноосферной сети. Евразийское

Министерство по Коммуникациям с цивилизационными блоками выразило по этому поводу серьёзную озабоченность.

В Еврабии, согласно инсайдерской информации, новейшая вспышка коронавируса уже бушует повсюду. Мобилизован автомобильный парк рефрижераторов, которые будут вывозить из агломераций трупы погибших от вируса и сотрудники Международной Службы Эпидемиологического Контроля будут закапывать продезинфицированные тела в заброшенных карьерах. Видеоряда на этот раз не было, просто с большими помехами продолжал транслироваться голос поставщика инсайдерской информации до тех пор, пока его совсем не заглушили звуки кантаты Карла Орфа «Кармина Бурана».

В заключение были новости спорта, прогноз погоды, гороскоп и прочая чепуха, которую мало кто из сотрудников филиала воспринимал глубже, чем на самой грани психоблокировки сигнала.

Политинформация закончилась, и тишину нарушил голос Фомы:

– Ну вот, никогда хорошо не жили – нечего было и начинать.

Конференцзал наполнился гулом, и народ начал было расходиться:

– Задолбали уже этим коронавирусом...

– Сколько уже можно шпротоедам издеваться над нами, а эти только и умеют, что выражать озабоченности...

Гул был прерван бодрым голосом Бориса Моисеевича:

– Коллеги! Минуточку внимания!

– Сколько уже можно толочь воду в ступе, – недовольно загомонили лингвисты.

– Ага, повышать механическим путём мелкодисперсионность, – тут же вставил свои пять копеек Фома.

– Коллеги! Ещё раз. Минуточку внимания. – Борис Моисеевич говорил уже уверенным спокойным тоном. – Попрошу всех собраться тут в «красном уголке» сразу после обеда. Ровно в 14:00. С собой иметь подготовленный отчёт о проделанной работе. На бумаге. Ну, вы порядки знаете. Давайте. Не забываем про масочки и перчаточки. И без опозданий.

5. Вертолёт и агенты

Коллектив филиала начал сползаться в «красный уголок» задолго до назначенного часа, поскольку в таком, вроде бы заурядном мероприятии, местные конспирологи усмотрели предзнаменование неких роковых перемен:

– Прикроют нашу «шарашку» и отправят по челоуейникам в проклятые капсулы.

– Вот тебе, бабушка, и Юрьев день...

– Да ладно вам, парни, паниковать! Ну, укажут насекомым их место в иерархической системе пирамидального типа, проглотим раздолбон, потупим очи долу, повздыхаем... Всего-то делов!

– Ох, Фома, всё тебе как с гуся вода! Но ты – молодец, – звонко заявила Виктория. – А то мужики кругом как-то обабились, паникуют безо всякого повода!

Послышался странный нарастающий звук работающего двигателя.

– Мальчики, гляньте, кого там несёт неладная?

– Да вертолёт приземлился на площадке. О, какие-то агенты «Смиты» высадились. Моисеич одного из них ведёт в нашу сторону. Ну, шухер!

В помещение конференцзала вкатился совершенно потерянный Борис Моисеевич в сопровождении типчика неуловимой внешности.

– Здравствуйте, господа учёные. Сейчас мы с вами поговорим о некоторых важных вещах, но перед этим Борис Моисеевич раздаст вам всем документки о неразглашении, которые вы подпишете.

– А если не подпишем?

– А если не подпишете, то в вертолёте места много. Полетите в столицу.

– На Лубянку?

– Зачем на Лубянку.

– А... Сбросите вниз.

– Нет, мы же не варвары, зачем вниз сбрасывать.

– Ну да. Не варвары, шарахнете импульсом в мозги – и готов овощ.

– Нет, шарахать в мозги мы не будем. Для этого не обязательно было бы вывозить вас куда бы то ни было. Это можно было бы сделать где угодно. И когда угодно.

Агент вошёл в роль. Видимо, пикировка с фрондирующим научным сотрудником представлялась ему своеобразной игрой. Которую ему удавалось легко контролировать. И самому задавать тон. Дальше он продолжил как по писаному:

– Мы же не «кровавая гэбня». Мы ценим людей, обладающих профессиональными знаниями в такой важной области знаний. Зачем же разрушать такие прекрасные мозги стрессорами? Гораздо разумнее переселить специалиста, демонстрирующего набор качеств, которые классифицировали его как Потенциального Источника Неприятностей, в одну из агломераций. Хотя бы даже и в столицу. Поселить в стандартной капсуле. Не давать возможности разрушать свою нервную систему чрезмерными выходами в виртуальную реальность. Ну, чтобы дать возможность человеку хорошенько подумать о своём выборе образа жизни... И через несколько месяцев такой бунтарь станет шёлковым.

Агент метнул взгляд на Бориса Моисеевича:

– Все поставили подписи?

– Сейчас-сейчас. Минуточку, ещё не все передали бланки.

– Хорошо, обождём ещё минуточку. Так вот, в агломерации не будет ни трéпа вашего расслабленного. Ни прогулок на свежем воздухе. Ни озона, ни хлорофилла. Никакой ботаники. Или вы хотите «человейник»?

К такому цинизму не были готовы даже наши циники.

– Ну, что ж, – выразил общее мнение Фома. – Благодарим за откровенность.

– Вы подписали бумагу? – додавливал поникшего балагура агент.

– Подписал.

– Вот и хорошо. Ну, что, все передали? Хорошо.

Агент раскрыл папку и властно обратился к Борису Моисеевичу:

– Нет, сканировать не нужно. Дайте мне оригиналы. Вот так.

Борис Моисеевич сжался и стал каким-то совсем маленьким.

– Ну, хорошо. К делу. Некоторое время назад был обнаружен цивилизационный блок, существующий в полной изоляции. Необходимо установить контакт с представителями этой цивилизации. И мы с коллегами прибыли сюда в филиал с целью определить состав участников экспедиции.

Агент продолжал:

– Собственно говоря, ваш филиал и создавался в своё время именно с целью выработки инструментария, посредством которого возможно осуществить такого рода контакт. Вы же понимаете, что устанавливать контакт с Междуморьем или Еврабией можно и без всяких специалистов по эсхатологиям и мифологиям.

Таким образом, за те несколько дней, которые наша комиссия пробудет в стенах Филиала, мы изучим профиль работ конкретных лабораторий, лично познакомимся с научными сотрудниками, а на основе этого – сформируем состав экспедиции.

– А что ждёт тех, кто не войдёт в состав экспедиции?

– Отвечать на этот вопрос я не уполномочен. Но, думаю, что экспедиция станет своего рода проверкой Центра Исследований Проблем Коммуникации на профпригодность.

Ещё вопросы есть?

Если вопросов нет, то Борис Моисеевич сейчас соберёт с каждого из вас подписочки о невыезде и займётся временным расселением тех, кто проживает вне академгородка. Все свободны. До завтра.

Обождая несколько мгновений, и, не желая заполнять собой неловкую паузу, агент вышел из «красного уголка», оставив сотрудников переваривать услышанное.

6. Версии

Фома, Антон и Виктория поднялись в библиотеку и решили обсудить неожиданную новость именно там, в своём «закуточке». Собственно говоря, библиотекой это помещение можно было назвать с большой натяжкой, нормальных бумажных книг там было совсем немного, а на стеллажах размещались разнообразнейшие горшки, горшочки и подвесные кашпо с домашними цветами. Среди цветов стояли и ящики из теплозащитного материала, в которых выращивался зелёный лук. Зелёный лук можно было не только употреблять в пищу, но и использовать в качестве платёжного средства при коммерческих операциях с Борисом Моисеевичем.

– М-да, не пройдем проверку у этих «агентов смитов», пожалуй, и грантов больше нам не видать, – промямлил Антон, усаживаясь у приоткрытого окна библиотеки.

– Каких «грантов», Антон?! Окстись! – Виктория заразилась общим духом и даже на какое-время утратила присущее ей стоическое чувство. – Прикроют нашу контору и закончится вся эта синекура.

Виктория подошла к окну, выглянула, затем приоткрыла его пошире и достала из кармашка лаборантского халата сигарету.

– Фома, что думаешь обо всём этом?

– Я думаю, что обнаружена новая субкультура, обосновывающая отказ от чипирования, и эта субкультура по каким-то причинам представляет для Системы опасность. А нас собираются использовать по прямому нашему назначению – решать вопросы, касающиеся проблем установления межцивилизационных контактов.

– Не понимаю. Что может представлять опасность для Системы? Кто может стать воплощением этой опасности? Мировое Зло? Анонимные хакеры? И о чём мы должны будем с ними договариваться? Кроме нас и в парламентёры, что ли, некого отправить?

– Значит, некого, – Антон обижался на тот тон, который позволяла Вика в отношении его. К тому же он вовсе не считал себя таким уж нулём и бездарностью.

– Давайте рассуждать методом исключения. – Антон встал и отошёл в сторону от окна, чтобы быть равноудалённым от обоих собеседников. – Вряд ли речь идёт о некоем обществе наших сограждан, выпавших из ноосферного поля, и, таким образом, ставших недоступными для Системы.

– Да, вряд ли. – Поддержал Антона Фома. – Система фиксирует устойчивый собой сигналов реакций на стрессоры. И такой биообъект моментально фиксировался бы. И затем, любая транзакция, и пеленгуется локация нарушителя. Затем – разряд в башку, и паралич. Короче говоря, речь идёт, всё-таки, не о диссидентах внутри Системы, а о некоем внесистемном сообществе.

– Старообрядцы, что ли, града Китежа? Отыскали в тайге поселение, и теперь думают изучить? Или решили «партизан» перелавливать? Типа тех, кто на вашей, Вика, даче, обретались во время оно? Так для этого у них есть жандармы нацгвардии.

– Нет, не старообрядцы. И не «партизаны». И не в тайге, – уверенно заявил Фома.

– А где? В джунглях Амазонки?

– Нет, в джунглях Амазонки ими бы занимались тамошние агенты со своими карманными спецами. Зачем туда нас тащить?

– Остаётся Тибет. Что, откопали в пещерах неких махатм подземных, которые бузят и не хотят встраиваться в единое ноосферное поле?

– Подземных, но не махатм, – подал голос умолкнувший было Антон. – Подземных, но не в Тибете.

– А где ещё? В заброшенных станциях метрополитена? – Виктория вымещала на Антоне то раздражение, которое вызывало в ней чувство тревоги, нараставшее в ней последние дни. И приезд «агентов» вовсе не был причиной этого чувства.

– Нет. Не в заброшенных станциях метрополитена. – И отвернувшись к Фоме, продолжил:
– А что ты, Фома, думаешь по поводу гипотезы о поллой Земле?

– Началось. – Издевательски процедила молодая женщина. – Мужчины, вы что: от страха совсем остатки здравого смысла утратили. Давайте вспоминать сказки про Плутонию, про Землю Санникова и прочий Парк Юрского периода.

– Ну почему, Вика. Нужно все рабочие гипотезы проработать, – собирался было примирить своих друзей Фома, однако, Виктория порывисто встала и не дала ему закончить.

– Значит так. Я пошла. У меня полно дел, которые нужно закончить. А вы тут философствуйте дальше. Какая разница: где и кого нашли. Придёт время – объявят. Нужно понять: чего им от нас нужно? Каким критериям должен обладать специалист по коммуникациям, который годился бы для этой экспедиции.

Потом, решив сменить гнев на милость:

– Антоша, Фома, приходите вечерком на огонёк. Посидим, выпьем чего-нибудь. Продолжим наши гадания на кофейной гуще. Если, конечно, к тому времени всё не станет на свои места и без наших гаданий.

7. Начало похода в магазин за поллитрой

– Ну, что, надо где-то раздобыть выпить. В местной лавчонке вряд ли будет что-то приличное.

– Надо, – согласился Антон. – Вика любит коньяк или сухое красное. Тут такого не будет. А у тебя нет в заглазнике?

– Нет, у меня в загоршнике никогда ничего нет. Не имею привычки оставлять дела недоделанными.

– И зря. Вот что мне нравится у европейцев, так это их манера прихлёбывать понемногу того-сего.

– У нас, кацапо-монголов так не принято. Ладно, что трепаться? Нужно смотаться в город. Что тут через лес: час туда, час обратно. Придётся пёхом – у автобусной остановки маячит один из этих «смитов». Пасёт, чтоб никто не покидал филиал.

– Давай, захвати рюкзак – и пойдём.

– А рюкзак-то на кой нам? Ради бутылки?

– Не одной же бутылки! Коньяк, сухарь, минералка, сыр, колбаса, то-сё. Ну, ты прямо как вчера родился.

– Да, точно. Я ещё бинокль прихвачу. Будем просматривать «зелёнку». Может, уж обложили нас.

Прихватив рюкзак из своей комнаты в общежитии филиала, расположенной по соседству с корпусом НИИ, Фома вместе с Антоном углубились в лес, который начинался уже в сотне метров от зданий академгородка.

Летом в лесу бывало довольно много грибов, и Фома неплохо знал лесные тропинки, поскольку был он любителем блюд из даров природы, предпочитая их углеводам из химикатов или полуфабрикатам, изготовленным из плоти несчастных зверей, раскормленных перед кончиной всякими препаратами ускорения роста.

Довольно быстро наши герои вышли на пригорок, с которого открывался вид на городок, лежащий за пространством, некогда бывшим колхозным полем. Теперь пространство было заполнено плотными джунглями мутировавшего вечнозелёного борщевика. Посередине возвышались руины бетонной фермы.

– Да, до города тут всего ничего. Но придётся идти в обход, по лесной тропинке.

– Но ведь у борщевика опасен только сам сок. А если не рвать его стебли и листья, то опасен ли он?

– Ну, лучше не рисковать. Да и время есть, распогодилось.

Перейдя через рассекавшую лес автодорогу, младшие научные сотрудники быстро затерялись в лесном массиве. Оба они были большими любителями «внутреннего туризма». Так в послекоронавирусную эпоху в Конфедерации стали именовать старые добрые походы с рюкзаками. Походы эти некогда были нормой и для физиков, и для лириков, и для обычных граждан. Но потом, в период «Второго НЭПа» граждане среднего достатка пристрастились было к поездкам за границу, бахвалясь друг перед другом фотографиями пальм, под которыми они сжививали, и осьминогов, которых они под этими пальмами едали.

Окончилась вся эта эпопея довольно буднично.

И народ вновь потянулся в леса и горы.

8. Воспоминание № 1

Однажды, лет десять тому назад, случилось так, что Антон и Фома оказались на территории дачи, принадлежавшей человеку, сыгравшему впоследствии важную роль в жизни каждого из них. С этим человеком парни познакомились в речном трамвайчике, работу которых тоже восстановили в рамках программы возрождения «внутреннего туризма».

В салоне катера образовалась достаточно шумная компания молодых кавказцев, которые демонстрировали пренебрежение по отношению к прочим евразийцам.

К джигитам, выкрикивавшим, в числе прочего, и нецензурности, подошёл какой-то бодрый смуглолицый старичок. Однако, один из юных кавказцев встал с кресла и, выпучив карие очи, публично выматерил нашего старичка.

Старичок оказался не лыком шит и резко ткнул кавказца в печень. Тот согнулся пополам, но повскакивали остальные. И миг свалили старичка с ног.

Пассажиры катера стали как будто гипсовыми. Связываться с хулиганами, да ещё и представителями солнечного юга, граждан конфедерации давно и надёжно отучили.

Пострадавший джигит медленно разогнулся и провозгласил:

– Так ты гарачый. Сичас будэм купацца.

Кавказцы схватили приговорённого к выбрасыванию за борт и поволокли его на палубу.

Антон встал и твёрдым шагом подошёл к главному джигиту.

– Послушай, ты ведёшь себя не по-мужски, – негромко, но твёрдо сказал Антон. – Разве посмел бы ты так вести себя по отношению к вашим старикам? Почему унижаешь старого человека?

Антон не был мастером рукопашных схваток. Он не представлял себе: что может быть дальше в складывающейся ситуации. Да и вообще, был он человеком, мягко говоря, осторожным. Но иногда – в том числе в этот момент – сердце его наполнялось ощущением спокойной уверенности. И слова обретали силу.

Джигит скомандовал своей свите что-то по своему, и они отпустили старика. Антону он добавил уже по-русски:

– А ну пошли. Выйдем.

Антон, не мешкая, вышел.

«Главное, не показать им того, что я испугался. Ничего страшного не произойдёт, кроме того, чему и так суждено случиться. Грохнет – так грохнет. Сколько уже можно пресмыкаться», – думал он, с некоторой растерянностью, впрочем, ощущая, что ноги

понемногу становятся ватными, а былая уверенность постепенно подтаивает. Драться он не любил, да и не умел, потому что с детства сидело в нём странное чувство жалости к людям. Поэтому если ему и приходилось попадать в переплёт, то он старался уgomонить противника удушающим приёмом, который ему, кстати говоря, удавался.

«Вот и сейчас», думал Антон, «если не убьёт сразу же, главное – выдержать первый удар, не свалиться, вцепиться в противника, сделать удушающий, а там – уже и поражение не будет таким уж позорным».

– Ты зачём влэз не в своё дэло? – Кавказец пружинисто переминался с ноги на ногу. Он понимал, что перед ним не боец, и не стал вырубать противника сразу же. Решил поиграть.

– А ты бы на моём месте терпел бы, когда кто-то стал бы унижать твоего старика?

Кавказец перестал разминаться. Задумался. Потом достал сигарету.

– Курыш?

– Нет, бросил.

Джигит закурил.

– Ладно, я был нэ прав. Ты маладэц. А дэдушька, навэрно, армяшька. Понимает, што ми гаварыли. Но я был нэ прав.

Антон молча смотрел на проплывающие мимо берега, вяло скользя взором по берёзкам и ивам. Он не хотел ничего говорить, поскольку знал, что сейчас силы покинули его, и слова не будут звучать так, как должны. И выйдет просто «заполнение эфира». Которое подорвёт его шаткий – в эту минуту – авторитет.

– Мэня завут Эмиль Асчеров. Мэсний беспрэдэльшыки баяцца миня. Будут быковать – скажешь им, что Эмиль твой брат. Мой номэр мабылы сем-сем-восем-шест-сем-восем-шест. Званы. Аны атвалят. Ну, давай. Иды к дэду, я пакуру тут сам. Адын.

И крепко пожал руку Антону.

Он вернулся в салон катера. Там было тихо. Все – и кавказцы, и пассажиры, и дедушка, к которому подсел Фома – все были напряжены.

– Да всё нормально. Порядок. – Сказал негромко Антон и опустился на кресло рядом с Фомой.

– Парни, а вы куда, собственно говоря, путь держите? – Негромко спросил старичок.

– Конкретно никуда. Ищем красивые места. Мы – туристы. Вон, в рюкзаках палатка и имущество.

– Вот и чудненько. – Старичок оживился и взял инициативу в свои руки. – Я выхожу на следующей пристани. Милости просим к нам на дачу. Мы снимаем дачу в районе заброшенной барской усадьбы. Места – глухомань и Левитан. Как Вы относитесь к живописи передвижников?

– Ну, как сказать, – замялся Фома, – к разным по-разному.

– Разобьёте свою палатку у нас в саду, мы вас поставим на котловое довольствие. Ну, не стесняйтесь! Вы будете приносить из лесу грибы, с речки – рыбу. Зять вам покажет рыбные места. А моя хозяйка вместе с дочкой будут готовить на всех. Каждый будет вносить свою лепту. Идёт?

У Антона появилось чувство уверенности в том, что поступить нужно именно так. А не иначе. С ним. порою, такое случались: когда нет ни сомнений, ни лихорадочного энтузиазма. Но присутствует спокойная уверенность в правильности выбора.

– Да, мы согласны. Спасибо.

– Вот и чудненько. Разрешите представиться, Александр Михайлович Архангельский. Пенсионер. – И тут же: – Так-так, ну, не зеваем, собираем пожитки и готовимся покинуть борт катера.

Катер пристал к старенькому деревянному причалу, часть пассажиров спешно выгрузилась. Наши герои тоже не мешкая вышли. Антон бросил было быстрый взгляд на кавказцев, но с облегчением отметил, что Эмиль не смотрит в их сторону.

На берегу неподалёку от причала стоял трактор с прицепом.

– О, а вот и наш автобус, – радостно провозгласил профессор. Ну, теперь доберёмся, Бог даст, без всяких проблем.

Из кабины трактора выскочил невысокий, но крепко сложенный фермер, и вот уже он подхватывает Александра Михайловича вместе с его пожитками:

– Профессор, а мы уже волноваться начинали. А эти туристы с Вами?

– Да, Куприяныч, ребята поживут у нас.

Минут через десять Антон понял, что для такого лесного бездорожья подходит только трактор. Уже начинало смеркаться, как трактор дотарахтел до озера, на берегу которого расположено было несколько избушек и множество хозяйственных построек.

Встречать профессора вышла его супруга, а также молоденькая черноволосая женщина с долговым плечистым мужчиной. Видимо, дочка с мужем.

– Вечер добрый! Вечер добрый! Так, Броня, накрывай на стол. А ты, дочка, приготовь приборы ещё для двоих гостей. Бартик, давай, дорогой, помоги ребятам устроить за сеновалом бивуак.

Бартик – он же Варфоломей – помог ребятам дотащить рюкзаки, и показал хорошее место для установки палатки.

– Насчёт костра я даже не знаю, наверное, профессор вам покоя не даст, и придётся вам по вечерам составлять нам компанию. Но кормят тут хорошо. О, кажется, нас уже зовут на ужин. Ладно. Я пошёл. Ну, и вы тоже подтягивайтесь.

Бартик отправился по тропинке к беседке, где уже горела лампа, и собиралось общество. На тропинке он столкнулся с дочкой профессора, которая, как раз торопилась к ребятам. Они обменялись быстрыми фразами и разошлись. Через мгновение она была уже рядом с палаткой.

– Кто из вас Антон?

Антон выглянул из палатки и ноги его снова стали ватными. Но уже по другой причине. Женщина ему нравилась безоговорочно. Вылитая «Кавказская пленница» из старинного кино.

«Да, – подумал Антон. – Быть замужем за таким великаном... С таким мужем она и не посмотрит в мою сторону».

– Ну, что же вы? Кто из вас Антон?

Фома подтолкнул Антона в сторону внучки.

– Антон, я тебе очень благодарна за папу!

Подошла вплотную. Схватила двумя ладонями за виски и поцеловала.

Вот так они с Викой и познакомились.

9. Продолжение похода в магазин за поллитрой

– Ну вот, пришли, – Фома оглядел здание универмага, как будто перед ними была, как минимум, купеческие хоромы конца XIX века. – Думаю, тащиться к тебе на квартиру нет никакого смысла. Что время терять? Сейчас возьмём в ближайшем универмаге всё, что нужно. И – бегом в филиал.

– Да, бегом-то чего?

– Ну, как чего? Да чтоб агенты не заругали.

– Оп-па... А это ещё что такое? – растерянно промямли Антон, глядя на объявление, прикреплённое к двери магазина.

«Обслуживание покупателей без защитной маски и перчаток строго воспрещается!»

– Слушай, а ведь сегодня утром на промывке мозгов сообщали про очередную вспышку коронавируса... Я и думать забыл про эту чухню. Ладно, попробуем прорваться.

Фома вошёл в магазин, приложил чип к датчику турникета, но тот и не подумал впустить его в помещение.

– Что за фигня! Девушка, у вас турникет барахлит, не пускает приобщиться к благам агрохолдингов Конфедерации.

– А вас и не впустят. Камера же зафиксировала, что у вас нет масок. Оденьте маски, и турникетпустит вас.

– Но у нас нет при себе масок.

– Значит, я не смогу вас обслужить.

– Ну, так давайте мы купим у вас маски, наденем их и будем выбирать то, для чего и пришли сюда.

– Нет у нас масок в наличии, подвезут завтра.

– Так что же нам делать?

– Не знаю. Пойдите в аптеку. Тут за углом.

– Вот же маразм, – Антон с раздражением выругался в адрес Санитарно-Эпидемиологического Комитета Системы. – «СЭКС» грёбаный!

Но в аптеке произошла та же самая история с турникетом.

– Барышня, послушайте, – обратился Фома к аптекарше. – Нам нужно приобрести у вас два намордника. Самых простых, самых дешёвых, одноразовых.

– И две пары рукавиц. – добавил Антон.

– Да, две маски и две пары рукавиц.

– Ничем не могу вам помочь. Камера всё фиксирует, я обязана соблюдать социальную дистанцию.

– Но какая же может быть социальная дистанция когда мы подойдём к окошку?

– Никакой. Потому что к окошку вы не подойдёте. Пока вы без масок и без защитных перчаток.

– Но у нас нет ни перчаток, ни галош, мы пришли сюда, чтобы купить их!

– Каждый человек, который заботится об общественном благе, должен понимать, что легкомысленное отношение к рекомендациям СЭКСа недопустимо и преступно! Вы должны были иметь при себе комплект защитных принадлежностей, соответствующих требованиям жёлтого уровня эпидемиологической опасности.

Парни вышли из аптеки. Бросился в глаза прикрепленный скотчем к будке автобусной остановки лист бумаги с объявлением: «Нахождение пассажира в транспорте без маски не осуществляется!»

– Слушай, это какой-то бред. Вроде, во время прошлой пандемии такого ещё не было?

– Да было. Просто ты не заморачивался.

– Ну, блин, маразм. Что делать-то будем? Проскакали через лес пёхом. И вернёмся ни с чем? У тебя на квартире есть маски запасные?

– Есть, да только чесать через весь город. В автобус-то нас без масок никто не пустит...

И хотя улицы городка были привычно полупустынны, бросалось в глаза резкое разделение жителей на «масочников» и «безмасочников». Первые смотрели на вторых с выражением страха и неприязни, как будто бы люди, демонстративно нарушавшие предписанные нормы, и вправду оставляли за собой на асфальте кровавые следы. В свою очередь лица с лицами, неприкрытыми маской, поглядывали на дисциплинированных своих сограждан с неприкрытой насмешливостью, переходящей в презрение.

Городок был небольшим по численности населения, но, тем не менее, это был, всё-таки, маленький город. Дело не только в том, что в наличии была тюрьма, музей, два кафедральных собора различных церковных конфессий, театр и синагога. Тут был дух пусть и небольшого, но города. Не большой деревни, распухшей от соседства с железнодорожной веткой до состояния промзоны, облепленной частным сектором и курятниками, а именно города. Который вовсе не был просто сегментом агломерации, где стеклобетонные многоярусные человеяники чередовались с такими вот парково-академическими двухэтажными зонами.

Городок населяли в основном пенсионеры. Их далёкие потомки уезжали в столичную агломерацию в поисках работы и перспективы для детей, но длительное существование в капсулах человеяников натолкнуло некоторых людей на мысль о том, что «так жить нельзя». И нужно стараться при первой же возможности возвращаться домой, на малую родину. Что толку от бонусных баллов на банковских счетах, если платить за это приходится постоянным страхом? Страхом от ожидания того, что вот-вот объявят об очередном режиме «самоизоляции», и электромагнитный замок капсулы будет по решению СЭКС-а мгновенно активирован.

Вот и стал прозревающая часть народа постепенно переоформлять на себя дедовские дома и квартирки.

Впрочем, помимо пенсионеров, в городке проживали семьи офицеров разнообразнейших госслужб. Всё-таки, неподалёку была граница с супостатом, восточноевропейской федеративной республикой Междуморье, а от этих можно было ожидать всяких пакостей.

Третьей категорией жителей была, условно говоря, богема. У художников и скульпторов не было тут, в провинции, никаких проблем с арендой и даже приобретением помещений под мастерские, артисты и музыканты имели возможность не только свободно репетировать, но даже устраивать представления на подмостках местного театра.

В общем, не уездный городок, а настоящие «Новые Васюки»!

И, тем не менее.

Жизнь в полупустом городке била ключом. Особенно летом, когда и он сам, и окрестные деревеньки, умершие в конце XX века, но реанимированные уже в качестве баз отдыха, наполнялись любителями «внутреннего туризма». Впрочем, любителей туризма не «внутреннего» было не так уж и много, поскольку границы были почти всегда «на замке» и поездки «в Турцию-Египет» ушли в прошлое точно так же, как за сто лет до этого ушли в прошлое поездки «в Баден-Баден».

Антон и Фома шли себе по улице, никого не трогали, как вдруг увидели на перекрёстке двух полицейских: мужчину и женщину. Бледно-голубые маски видны были издалека. Их не спутаешь ни с чем...

– Так, брат Антоний, – начал Фома. – Останавливаемся возле той витрины. И переходим на другую сторону улицы. Засекли! Сейчас «прикопаются»! Давай, ускоряем шаг и за угол.

Антон с Фомой свернули за угол дома, но там мимо них медленно проехал автомобиль СЭКСа, на крыше которого был установлен громкоговоритель, оглашающий округу напоминанием о том, что в городе введёт жёлтый уровень о пандемической опасности, и все жители обязаны соблюдать все профилактические меры, соответствующие этому уровню опасности.

– «Матюгальник» установили на своём «бобике». Двадцать первый век. – Брюзжал Антон.
– Не могли, что ли в мозги нам сразу шарахнуть.

– Не могли. Общепланетная система не станет заморачиваться, а вот если бы твой «фэйс» распознала какая-нибудь подсистема, например, база памяти универсама, где ты отовариваешься, то возможно, она отправила бы сигнал в общепланетарную базу, а оттуда тебе в башку чего-то телеграфировали. – Фома достал сигарету и закурил. – Но только зачем всё усложнять? Такой нарочитый контроль вызвал бы в гомо-сапиенсах психологический стресс. Да и в системе возможны всякие сбои. А так – дешево и сердито. Ездит гроб на колёсиках и пугает население, поддерживая в сознании граждан должный уровень бдительности и ответственности.

Проходившая мимо молодая женщина в маске и резиновых перчатках весьма выразительно посмотрела на ребят, демонстрирующих своей безмасочностью высшую степень социального нудизма. Нудизма, на грани вызова.

– Слушай, брат. А ведь мы привлекаем внимание бдительных граждан. Знаешь, что, давай-ка оставим затею с поллитрой и вернёмся в родной филиал.

– Обидно. Быть в полшаге от цели...

– Да ладно тебе. Считай, прогулялись. Сейчас нарвёмся на СЭКС-патруль, начнут мозг выносить, ещё оштрафуют за нарушение масочного режима. А то и агентам наступчат. Пошли, нечего тупить!

Свернув с главной улицы, наши герои переулками двинулись в сторону окраины. Антон брёл совсем уныло, ибо ему в этот вечер хотелось непременно сделать для Виктории какой-нибудь жест, а жесты на трезвую голову у него уже давно перестали получаться.

10. Воспоминание Антона №2

Последний раз такой жест получился у Антона лет пять назад. К тому времени он уже работал в Филиале, готовил доклад к Юбилейному Экуменическому Симпозиуму, который должен был проходить в Университете К***ской агломерации. Благонравов должен был представлять на мероприятии свой Филиал работой, посвящённой

сравнительному анализу апокрифических Апокалипсисов. Короче говоря, был он тогда в принципе предоставлен сам себе.

К указанному времени Александр Михайлович чувствовал себя уже совсем неважно, а потому принял решение немедленно организовать переезд своей семьи из столицы в провинцию. Столичная солидная квартира была успешно продана, на эти деньги были куплены и приведены в порядок две соседние квартиры в академгородке.

Антон тогда курировал процесс ремонта этих квартир, присматривая за строителями и прочими специалистами. Во время ремонта возникла непредвиденная проблема. У внука Александра Михайловича, маленького Антошки, обнаружилась какое-то опасное аллергическое расстройство, и ему категорически невозможно было находиться в помещении, в котором велись строительно-ремонтные работы.

Вика ушла от своего мужа, но официально они разведены не были. Тем не менее, для неё не могло быть и речи о том, чтобы отдать Тошку Бартоломею хотя бы то на некоторое время. Тратить деньги на курорт было неразумно, ведь у Архангельских была прекрасная дача – хутор в заповедной зоне. Вот профессор и предложил Антону сопровождать Вику с внуком в поездке на хутор:

– А заодно в тишине подготовишь свой доклад. Чтобы слова звучали, а не тархтели, их нужно подбирать в безмолвии.

Сам профессор с супругой остались руководить окончательной фазой ремонта. Антон с Викой и её маленьким сынишкой добрались до хутора без особых приключений, но фермер, встретивший их на причале, был как-то странно рассеян, и, как будто, прятал глаза от прощупывавших взглядов профессорской дочери, становившейся всё более и более подозрительной.

– Куприяныч. Давай начистоту. Что-то случилось?

Куприяныч жалко как-то улыбнулся и, наконец, выдавил из себя:

– Да появились в наших краях какие-то «партизаны»-антиглобалисты.

– И что?

Опять тишина. И тяготно так стало – как будто компьютер завис.

– Ну, давайте, что тянуть кота за хвост!

И, не дождавшись ответа, уже решительно:

– Остановите трактор!

Куприяныч притормозил. Виктория была властной в отца.

– Давайте всё начистоту.

– Вот что, Александровна. Болтаются тут банды этих «партизан», жить стало в наших местах неспокойно. Грозилась поселиться на вашем хуторе эти самые антиглобалисты.

– Так какого рожна Вы ничего не сказали отцу?

– Пригрозили они, что если я проболтаюсь о них, то они всё равно скроются, да только меня самого прикончат, а если я скрываться буду, то пожгут всю ферму...

– Так, понятно. В полицию сделали заявление? Понятно, не сделали... Ну хоть с агентами Службы Безопасности могли выйти на связь? Ну, дела... Что же нам теперь делать на ночь глядя в лесу? Антон, что будем делать!?

– Да придумаем что-нибудь, всё равно назад пути нет, катер будет только завтра. Может быть, переночуем у Куприяныча?

Фермер как-то совсем сник.

– Ну, нет – так нет. Слушай, Куприяныч, ну если не рассчитываешь на полицию, что ж «крышу» свою не подключаешь?

– Да какая там «крыша»? Как перешли на безнал по этим проклятым чипам, так и крышка настала всем нашим «крышам». Одно время пытались организовать такую схему: типа услуги всех членов альтернативного экономического сообщества этим банком информации конвертировались в баллы криптовалюты. Да как-то не сложилось.

– Ну, ладно. Нам сейчас не до политэкономии, – оборвала Куприяныча Виктория. – Что будем делать!? Антон!?

– Значит, сделаем так. Куприяныч, одолжите, пожалуйста, парочку фонарей с датчиком движения и парочку камер наблюдения. И помогите запустить генератор на хуторе профессора, я со старинной техникой не особо дружу...

– А зачем тебе датчики и камеры? У меня камера рабочая только одна.

– Ничего, давайте столько, сколько есть. Тут как раз я разберусь сам – что к чему.

– Куприяныч, а теперь расскажи: что собою представляют эти «партизаны»? Чего они хотят? С кем воюют и ради чего?

– Да разные они. Есть такие, идейные. Одни называют себя черносотенцами, они считают, что мы живём при антихристе. Другие – красные бригады – те атеисты-анархисты и просто борются против Системы. Есть просто банды любителей экстрима. А, ещё изредка забредают сюда мусульманские отряды.

– Какова численность отрядов?

– Наши – и красные и чёрные – ходят тройками, исламисты – пятёрками. Экстремальщики и простые мародёры – по-разному.

– И Вы не сообщили об этом в отдел по борьбе с терроризмом! Ну, подождите, дорогой Куприяныч, так это оставлять нельзя!

Куприяныч посмотрел на Викторию как-то не очень хорошо, но промолчал.

– Ладно, генератор я запущу. Всё, что просит Антон, принесу. Об остальном поговорим позже. Тут спешить некуда.

Антон разжёл малую печь-«грубку» и по-хозяйски поставил на плиту, помимо чайника, большую кастрюлю с водой. Виктория пошла осматривать дом. В буфете она обнаружила пачку чая, пакет сахара и консервы, которых она не оставляла два месяца назад, уезжая отсюда. Кроме того, в прошлый приезд на хутор, она привезла сюда из покидаемой квартиры в Москве часть бумажных книг. И они были расставлены на полке не в том порядке.

С одной стороны, тот факт, что незваные гости не оставили после себя свинства, приятно удивил её. Но, с другой стороны, эти следы указывали на то, что незваные гости намерены сосуществовать с ними всерьёз и надолго. Несколько успокаивало то, что всё равно с этими, видимо, придётся смириться. А отсутствие следов вандализма и даже грязи говорило о том, что «партизаны» соблюдают какой-то кодекс чести.

Тем временем Антон установил фонари с датчиками движения. Затем прикрепил на видном месте фасада дома камеры (причём одна, действительно, была нерабочей). Теперь их временное жилище уже не выглядело так сиротливо и беспомощно. Вскоре комары загнали его внутрь помещения, и началось ожидание.

Виктория была «мужиком в юбке», обладательница не только характера, но и способностью к принятию окончательных и непреклонных решений, становившихся результатом холодного рационального расчёта. Год назад она выставила за дверь красавца-итальянца, своего бывшего мужа. Такая не только в горящую избу войдёт, но и с поджигателями управится. Антон тогда ощутил решимость и силу, которой было исполнено всё существо женщины, в которую он был давно и безнадежно влюблён.

И ему было стыдно за себя. Что греха таить: сердце сжималось от страха ожидания предстоящей встречи. Хотя ум подсказывал: «В этой ситуации можно было бы усмотреть Перст Судьбы. Ситуация складывалась таким образом, что он вполне мог бы совершить нечто, способное преподнести в глазах этой женщины его, заурядного младшего научного сотрудника филиала Института Коммуникации, человеком, способным на нечто. А ситуация такова, что тут теперь или – или. Или он решит проблему контакта таким образом, что они останутся победителями, или эти дни на профессорской даче вполне могут стать последними днями его жизни. А то и последними часами...»

Наконец, датчики движения сработали.

– Двое, – коротко сказала Виктория, быстро выглянув в окно.

– Так. Будем блефовать. Пока они не успели опомниться.

– Я с тобой!

Быть может в ином случае Антон и изобразил бы какую-то позу, но теперь он понимал, что Виктория будет полноценным соратником.

– Так, кто такие? Кого мы ищем?

Один из гостей сглотнул слюну и ответил вопросом на вопрос?

– А вы кто такие?

– Мы – хозяева этого дома. А кто такие вы, мы узнаем уже через несколько минут. Стрим нашей встречи транслируется по пакету адресов. Так что Система по мордам ваших лиц распознает и ваши коды. И получите свою дозу стрессоров. Начнёт вас корёжить на камеру – значит, это вы и есть, идентификатор не ошибся.

– Получите тогда уже парализующий заряд.

Сказанное, однако, не возымело никакой реакции на «партизан».

– Не получим.

– ?

– Не получим мы никаких ни стрессоров, ни шокеров, ни шмокеров, – ехидно ответил один из ночных гостей и заметно смелел. – Не получим, потому что мы не прочипированы. Так что напрасно прикрутили вы к дому свои игрушки.

Второй «партизан» тоже перешёл в контратаку:

– Ладно, хватит болтать, нашли чем нас запугивать. Мы устали и хотим есть. Надеюсь, вы не заставите нас ждать с ужином. Скоро сюда подтянутся наши люди.

Антон почувствовал, что какая-то посторонняя сила наполнила всё его существо и даровала ему ясность и воле – необходимую твёрдость.

– Вот, что, господа-товарищи анархисты. Или кто там вы. Никакого ужина мы вам готовить не собираемся. В дом входить вам я не советую. Потому что помимо прочих адресов стрим я отправил на номер семь семь-восемь-шесть семь-восемь-шесть.

И выждав кратенькую паузу, добавил.

– Вы можете наплевать на мой совет. Но я не советую этого делать.

– Семь-восемь-шесть – это позывной исламистов. Это номер Аскера? – Спросил второй «партизан».

– Это номер Эмиля Асчерова. – Спокойно ответил Антон.

– Почему же тракторист ничего нам не говорил?

– Я спрошу его завтра об этом. А сейчас нам всем нужно отдыхать. Всего доброго.

И не давая «партизанам» опомниться, Антон обнял Вику за плечи и они не спеша вошли в дом. Затворив за собой дверь, Антон велел Виктории подняться на второй этаж и наблюдать оттуда за происходящим. Сам он прислонился к стене и ощутил, как силы покидают его и всё тело начинает бить дрожь.

Всё – от начала до конца было чистым блефом. У них не было номеров антитеррористической службы. У него не было никаких намерений выходить среди ночи на связь по тому номеру, который ему несколько лет назад дал кавказец. Этот джигит уже

мог десять раз забыть об их случайном знакомстве. Тем более, что воспоминание вряд ли было столь уж приятным для этого воинственного ребёнка гор. В конце концов, какое качество изображения могла транслировать одна единственная камера. Да мало ли что.

Антон достал из рюкзака плоскую чекушку коньяка и лил себе в горло до тех пор, пока не перехватило дыхание.

«Итак, помимо «религиозников», отказавшихся от чипирования, и целого слоя разного рода фрондёров-лириков, официально сбежавших из агломераций, существуют целые субкультуры, состоящие из групп людей, никогда не связывавших себя с Системой. И теперь нужно будет выработать модель поведения при встречах с представителями этой субкультуры».

Из задумчивости его вывел скрип ступеней лестницы. Виктория позвала его:

– Антон, они ушли в сторону фермы соседа. Пошли спать.

Она подождала, пока Антон поднимется к ней, и взяла его за руку.

– Нет, не сюда, тут Тошка спит. Нам – в эту комнату.

11. Окончание похода в магазин за поллитрой

«Внимание! Молодые люди без средств индивидуальной противоэпидемической защиты. Немедленно становитесь!»

Резкий крик мегафона вернул Антона из мира грёз. Они с Фомой дошли уже почти до окраины городка, но как раз именно на выезде стояла машина оперативного патруля СЭКС-а. Патрульные обратили внимание на лиц, прогуливающихся без масок и перчаток, и решили провести с ними профилактическую беседу. Вот из машины медленно вылезли в своих «скафандрах» стражи Санитарно-Эпидемиологического Комитета и не спеша направились к нашим героям.

Так, теперь они снимут с чипов на запястьях все медицинские и прочие паспортные данные, и через несколько часов Фоме и Антону придётся объяснять агентам – на основании какой такой причины они пренебрегли собственноручно данными ими письменными обязательствами, – и самовольно покинули территорию Филиала?

– Бежим! Быстро!

Стражи СЭКС-а не сразу сообразили, что подозрительные молодые люди рискнули проявить неповиновение Системе. Но пока они выволакивали из своего саквояжа устройство дистанционного распознавания, подключённое к Управлению Единой Базы Определения Биообъекта, наши беглецы были уже так далеко, что ни электронный, ни, тем более, оптический сканер, не мог дать «космонавтам» никакой вразумительной информации.

Стражи засеменили к своему «бобику», намереваясь догнать наглецов на машине, но тех уже и след простыл.

Антон с Фомой, отбежав за угол, прыгнули в канаву и бегом, пригибаясь и падая на четвереньки, стремительно метнулись в заросли борщевика.

– Пока они будут сканировать лесок, мы прорвёмся к разрушенной ферме, а оттуда – напрямик к Филиалу.

Нахлобучив куртки на манер капюшонов и прикрывая лица от ядовитого сока этого растения, завоевавшего за полвека все те пространства, которые некогда были полями и огородами Нечерноземья, беглецы устремились к полуразрушенному строению, видимо, некогда бывшему складом колхозной фермы. Металлические элементы конструкции были срезаны ещё в докоронавирусную эпоху, но шифер с крыш разобрать для нужд приусадебных хозяйств бывшие колхозники, точнее, их наследники, уже не успели. По причине миграции из этих мест в близлежащие агломерации.

В здании склада наши беглецы почувствовали себя в некоторой безопасности, однако, рассиживаться они не собирались, поскольку необходимо было как можно скорее вернуться в Филиал.

Послышалось приближающееся стрекотание.

– Ну, вот. Запустили «змея». Будут искать нас сверху.

«Космонавты» запустили небольшой беспилотник-вертолётник, оснащённый сканирующим устройством, а так же «соплями». «Сопли» – это специальный наногель, который выпрыскивался на жертву преследования. И, если цель была поражена, то к одежде или коже преследуемого прикипал сгусток наногеля, который потом мог растягиваться в километровую липкую светящуюся нить, оборвать которую не представлялось возможным. Несчастные жертвы преследования пытались обрывать эти липкие нити руками, палками, чем угодно. Но тщетно, нить просто приклеивалась к пальцам, палкам, чему угодно и растягивалась по мере того, как человек отчаянно пытался убежать от погони. Всё это снималось камерой беспилотника, выхаркнувшего «сопли», и передавалось в качестве «стрима», т.е. трансляции погони в реальном времени.

Сейчас стражи СЭКС-а внимательно следили за изображением, которое передавал беспилотник на устройство дистанционного распознавания. Вот на мониторе появилась крыша какого-то строения, внутри строения – слабо пульсирующие точки жёлтого цвета.

– Опустить ниже – над самой крышей.

Точки стали правильными кружками оранжевого цвета, однако, сигнал был слишком слаб, поскольку крыша – какая ни есть, но ослабляла действие сканирующего устройства.

– Давай отведи в сторону. Пусть решат, что мы их не засекли.

Беспилотник ушёл вверх и в сторону, нарезая круги в стороне от склада. Оранжевые кружки снова стали жёлтыми точками. Беспилотник уходил всё дальше и дальше от места, где были зафиксированы беглецы, однако, не настолько далеко, чтобы жёлтые точки исчезли с экрана монитора совсем.

Тем временем Антон с Фомой, находившиеся в здании склада всё-таки купились на уловку стражей СЭКС-а и решили выбираться из своего убежища, опасаясь, что убежище станет ловушкой.

Продравшись с десятков метров сквозь заросли борщевика, беглецы с ужасом поняли, что стрекот моторчиков, вращающих винты беспилотника, стремительно нарастает.

– Развели нас! Быстро назад!

Думать было некогда, нужно было действовать. Едва отдышавшись внутри склада, Антон взял инициативу в свои руки, отдавая указания быстро и чётко:

– Фома, сейчас они впустят «змея» к нам под крышу и его сканер нас распознает. Может быть ещё и «соплями» запустит. У нас есть только один шанс. Ты становишься у входа. Как только он появится – что есть силы мочи его своей сумкой. Внутри же бинокль? Его веса хватит для того, чтобы сбить «змея». А я его разможу вот этим кирпичом. Давай! Не подведи!

– Вот он! – Заорал не своим голосом Антон. – Мочи!

Фома слегка растерялся и промахнулся, пытаясь сбить своим импровизированным «цепом» влетевший внутрь склада беспилотник. В этот момент оранжевые круги на мониторе «космонавтов» превратились в красные кольца, внутри которых появились группы цифр. Эти цифры уже через мгновение должны были обратиться в бегущую строку, пересылающего код биологического объекта, зафиксированного сканером беспилотника. Если без помех отослать этот код в УЕБОБ, то тогда не понадобится даже тратить «сопли». Преследуемый биологический объект получит шокирующий разряд, который временно парализует беглеца и стражи возьмут его прямо тёпленьким.

«Космонавты» уже предвкушали, как они возьмут двух нарушителей и получают на свои счета бонусы в размере месячного жалования, как вдруг красные круги исчезли... и монитор предательски погас.

«Змей», избежавший удара сумки с лежащим внутри биноклем, был сбит метким броском кирпича.

– Добивай его! – заорал Антон Фоме, и тот, не жалея прекрасного своего бинокля, что есть силы шархнул по жужжащему на бетонном полу подбитому беспилотнику.

Жужжание прекратилось, лампочки погасли.

– Вот и хорошо, – тихо бормотал Антон. – Вот и славно. Вот так вам и надо, сволочи!

– Слушай, Антон. Теперь нам реальный срок грозит за сопротивление, порчу и тому подобное.

– Нас ещё поймать надо. Дёргаем!

Когда «бобик» добрался до склада, то беглецов и след простыл. «Космонавты» зашли внутрь, тут же обнаружили обломки беспилотника и, грязно ругаясь, наклонились над этими обломками. Один из стражей пытался включить аварийный тумблер «змея», надеясь на то, что летающий шпион, поверженный коварными нарушителями режима самоизоляции, успеет отправить информационный импульс на пульт дистанционного распознавания. И тогда они смогут обезвредить даже не нарушителей режима самоизоляции, а организованную преступную группу, свершившую несколько уголовных

преступлений. Теперь уже можно было рассчитывать не только на бонусы размеров с полугодичное жалование, но и на повышение по службе.

«Космонавт», возившийся с подбитым беспилотником, так размечтался о грядущем повышении, что снял с себя защитные эпидемиологические перчатки, так мешающие копошиться. Затем снял шлем. Кожа лица почувствовала приятную сыроватую прохладу помещения. И вдруг, что-то в беспилотнике щёлкнуло, зажглась лампочка, раздался предательский писк – и в лицо «космонавта», совлёкшего с себя шлем, ударила тугая струя «соплей». К счастью для размечтавшегося стража, «сопли» выплеснулись не на кожу, а, ударив по пластиковым очкам, срикошетили на волосы. «Космонавт» инстинктивно сдёрнул с себя очки, но «сопли» успели приклеиться к его руке, а отлетавшие в сторону очки потянули за собой светящуюся паутину, в которую умудрился вляпаться и второй преследователь нарушителей режима противоэпидемиологических мероприятий.

Ни о каком продолжении преследования не могло быть и речи.

Антон с Фомой тем временем уже почти достигли Филиала.

– Как думаешь, успел «змей» передать наши данные?

– Ну, раз мы не получили по мозгам, стало быть, не успел.

– Логично. Значит, максимум, что у них есть – это несколько секунд съёмки, которую мог осуществить его сканер.

– Ну, по этим данным нас найти будет уже посложнее.

– Посложнее, но можно будет.

– Хоть бы в экспедицию эту попасть. Тогда уже у СЭКС-а руки будут коротки до нас дотянуться. Да, выходит, замести свои следы мы сможем только лишь если станем по-настоящему нужны агентам.

Высоко над филиалом кружил беспилотник.

– Это не за нами случайно?

– Чем быстрее мы смешаемся с народом, тем меньше будет у них шансов поймать нас. Не такие уж они всемогущие!

– Антон, сейчас мы зайдём ко мне в общагу переодеться, а шмотки, которые на нас, нужно бы спрятать куда-нибудь.

12. В общежитии Филиала. Деперсонализация

Общага Филиала была архаичным зданием, как и все постройки академгородка. Стиль «необрежневского лекорбюзье» был не только снаружи, но и внутри. Никаких турникетов, никаких сканеров. Никаких камер распознавания лиц. Всё по-простому. По-старому!

Ребята решили первым делом принять душ, а потом попробовать раздобыть какую-нибудь приличную выпивку у Бориса Моисеевича.

Моисеевич, как и Антон, имел жильё в городке, но Филиал выделил ему комнату в общежитии, которую он, как уже сообщалось выше, заполнил самым разнообразнейшим имуществом – начиная от всё тех же списанных приборов, технических и научно-популярных журналов, и оканчивая продуктами питания в сухом или консервированном виде. Сейчас же Борис Моисеевич сидел в своей комнате и апатично размышлял на тему суеты сует и всяческой суеты. Дверь в свою комнату он оставил открытой, чтобы хорошенько проветрить помещение.

Мимо прошмыгнул запыхавшийся Антон, который тоже имел какое-то жильё в городке и своей комнатой в общежитии пользовался крайне редко.

Достав из кофра гитару, Борис Моисеевич подстроил её и стал тихонечко наигрывать, как он обычно поступал в минуты тягостных раздумий.

После того, как наступил Великий Кризис постиндустриального мира, случившийся ещё во время первой волны коронавируса, в Евразийской Конфедерации (тогда называвшейся ещё Федерацией) начался ренессанс позднесоветской эстетики. Ответственные работники отдела пропаганды и агитации вдруг вспомнили, что помимо Коркира Филиппова и бледнорожих негров, мямлющих свои тягостные рэпы, существует огромный пласт песенной культуры.

И Борис Моисеевич – тогда ещё молодой и ещё полный энтузиазма относительно возможности оздоровления нации посредством культуры – стал звездой возрождённого КСП. Это был уже не тот позднесоветский КСП, который он успел застать в отрочестве, нет. Уже не было наивного и свершено беззащитного подражания кумирам оттепели шестидесятых, теперь уже люди, пытавшиеся что-то созидать, успели переболеть и новейшими ритмами бетонных джунглей, и побегам в бутафорскую старину. Весь этот опыт давал некоторый шанс на успех предприятия в целом.

А просяв за десятилетия десятки тысяч стихотворений, сиротливо растыканных по поэтическим сайтам, он сумел сформировать свой оригинальный репертуар из полусотни песен, каждая из которых была потенциальным шлягером.

«...Скрипнет уключина –

Детства созвучие.

Вечное: как бы успеть...»

Но шлягером его произведениям стать было не суждено. Пока Борис пел в Домах Творчества реанимированных академгородков, радуя физиков и лириков, всё было хорошо. Но дорога в профессиональный шоу-бизнес, – пусть и очищенный от «киркоровщины, блатняка и рэпа», – была для него закрыта.

Хотя по этой дороге пошли другие люди, с другим багажом и совсем иным настроением, «темой рулили» всё те же. Всё те же «цари Мидасы», превращавшие в ширпотреб всё, к чему бы они ни прикасались. Не получилось у социал-мичуринцев создать что-то живое и животворящее. Слепили очередные муляжи.

Ну, что поделаешь. Нет, так нет. Зато благодаря тому, что он когда-то был близок творческой элите Конфедерации, причём это была действительно элита, а не пошлая свора скоморохов шоу-бизнеса «эпохи Алисы Болотниковой», благодаря этому удалось пристроить своих любимых дочерей, выдав их за порядочных и милых молодых людей.

Один из них, несколько напоминающий Антона, сейчас работает в команде архитекторов, занимающихся строительством агломерации «Ур Халдейский».

«М-да... Пожалуй, нужно было не тормозить, а уезжать, пока границы были открыты... Захотелось, тщеславному дураку славы Великого Барда. Теперь остался у разбитого корыта».

За стенкой, в комнате, которую занимал Антон, послышалась какая-то возня, и на Бориса Моисеевича что-то нашло.

«Одиночество – это когда один. Ночью // Одни очи. Один «Отче»...»

Однако, за стеной что-то происходило!

Возня, вырвавшая Бориса Моисеевича из состояния светлой печали, была произведена Антоном, который вдруг с ужасом обнаружил, что всё его тело буквально на глазах покрывается волдырями.

Обнаружив эту ужасную вещь, он ткнул кончиками трёх пальцев себя по чипу, вставленному на лбу, а затем прижал большим пальцем левой руки чип, вживлённый на запястье левой руки. Выйдя в пространство всепланетной ноосферной сети, он попытался связаться с Фомой. Фома почувствовал сигнал и вышел на связь.

– Антон, что за срочность? Сейчас же увидимся в реале?

– Фома! Я весь в волдырях! Наверное, сок этого проклятого борщевика!

– Да нет у тебя ничего такого!

– Ты не можешь видеть меня таким, какой я есть. Ты видишь сейчас тот образ, который остался в твоём сознании после нашего последнего разговора в реале.

– Ладно. Бегу к тебе. Конец связи.

По коридору мимо раскрытой двери комнаты Бориса Моисеевича пролетел Фома, без всяких стуков ворвавшийся к Антону. Тот стоял посреди комнаты, ошарашено глядя в зеркало, оставленное на память о бывшей обительнице этой комнаты.

– Фома, что со мной? Это борщевик? Или какая-то аллергия?

Фома с недоумением таращился на Антона: на его коже не было и ни волдырей, ни каких бы то ни было покраснений.

– Слушай, брат. Ты меня видишь? Слушай, пока ещё ты можешь соображать, слушай и соображай. Кто-то вошёл в Систему и транслирует тебе в башку импульсы, которые провоцируют лошадиные дозы стрессоров. Эта хрень вытаскивает из твоего подсознания образы, которые смешиваются с тем, что видят твои глаза и ощущает твоя кожа.

Антон зажмурился изо всех сил, пытаясь таким образом выйти из состояния морока.

– Во что бы то ни стало мобилизуйвай свою волю и останови действие этого наваждения. Читай мантры, молитвы, что угодно! Иначе они... Включат тебе «кино про Навуходоносора».

Антон открыл глаза и вздрогнул от ужаса.

То, что несколько секунд назад было Фомой... теперь превратилось в уродливого рептилоида. Такого, как их изображают в самых неприятных комиксах, спекулирующих на суевериях, связанных с конспирологиями. Рептилоид продолжал говорить:

– Ну, ты же должен помнить, как работает это кино. Это же классика экспериментов по дистанционной деперсонализации! Сопrotивляйся! Автометаморфозе можешь противостоять только ты сам! Господи, Антон, сопротивляйся же! Это всё морок!

Антон посмотрел на свои руки.

Волдыри превратились в гноящиеся язвы.

– А ты. Фома. Оказывается. Рептилоид. Ха-ха. И ты тоже...

«Всё, это конец». В голове усиливался звон, в котором растаяли звуки голоса «рептилоида» Фомы. Звуки слов то растягивались и плавались, превращаясь в его утасующем сознании в вой, рассыпающийся потом с треском и щелчками. То, вдруг слова сворачивались в какие-то сюрреалистические разноцветные косички, щебечущие птичьими голосами.

«Анто-о-он... надави-и-и н-на глаза пальцами!» сквозь пелену бреда слышал он голос, по-видимому, принадлежавший Фоме. «Если я начну раздваиваться... значит я – то, что ты видишь глазами. Если нет – значит, это образ, которым ты галлюцинируешь».

Но Фома увидел, что Антон уже отключается... Обмякает, медленно опускается и ложится на пол. Говорить дальше было уже бессмысленно, и он решил действовать не мешкая.

Первым делом он заскочил к Борису Моисеевичу.

– Борис Моисеевич! Беда. Некогда объяснять. Антона плющит. Деперсонализация. Ему включили кино про то, что он гниёт заживо. Ваши балконы смежные, залезьте к нему на балкон и следите оттуда за ним. Старайтесь, чтобы он вас не увидел. А то Ваш образ в его сознании превратят в какую-нибудь хрень. Я бегу к Вике, она должна знать – как выводить людей из этих состояний.

Фома выскочил из общежития и побежал в сторону жилых коттеджей академгородка, которые находились через парк от корпусов Филиала. Вводить её в курс дела при посредстве Системы Фома не хотел, дело было весьма деликатным. Впрочем, он предупредил Вику о том, что необходимо срочно обсудить очень важное дело.

Антону казалось, что он уже полностью растворён в разноцветном «мультфильме», лишившем его последних остатков твёрдой опоры осознания себя личностью.

Смирившись с тщетностью противоборства разрушающей его сознание силе методами аутотренинга, в угасавшем сознании мелькнуло:

«Боже мой. Зачем Ты меня оставил? Впрочем. Это я. Оставил Тебя. Уже давно. Поделом мне»...

Теперь уже Антон отчётливо увидел себя со стороны, начал будто бы подниматься, пока не ощутил сильный удар головой о какую-то твёрдую преграду. «Мультфильм» погас. И в следующее мгновение Антон открыл глаза и увидел над собой потолок своей комнаты в общежитии.

Он приподнялся. В голове оставалось эхо какого-то удаляющегося звона, но в целом – всё возвращалось на круги своя. Кожа рук была чистой. Никаких гнойников.

«Хорошо. Стук в дверь. Открылась. Это ещё кто такой?»

– Фома. Ты, почему-то, в моём сознании похож на агента. То был рептилоидом. Теперь превратился в агента «Смита».

– Антон Павлович, я не Фома. Я пришёл говорить с Вами серьёзно.

В дверь зашёл кто-то, похожий на одного из этих безликих «агентов Смитов».

Часть 2

1. Антон и планетарная ноосферная сеть

«Я в междуречьи роли и речи»...

Антон Павлович Коржов, мужчина тридцати пяти лет, с удовлетворением посмотрел на текст поэтической фразы, появившейся на экране старомодного ноутбука. Саму фразу он только что отпечатал на клавишах старинной немецкой пишущей машинки, превращённой мастерами-электронщиками в клавиатуру, которая при посредстве какого-то передатчика отправляла сигналы прямо в электрические мозги компьютера. Этот маленький штрих создавал прелестную иллюзию того, что и сам компьютер, и его обладатель будто бы никоим образом не включены во всемирную ноосферную сеть.

Это было не так.

Наш герой, работник филиала Исследовательского Центра Проблем Коммуникации, конечно же был подключён к сети. Никто его насильно не принуждал к подключению. Но... ведь это так удобно. К тому же «неподключённые» жители Евразийской Конфедерации были ограничены в доступе ко всему тому, что так или иначе связано с функционированием капризного механизма под названием «социальный лифт».

Так что, хочешь – не хочешь, приходилось смиряться с некоторыми неудобствами, возникающими при пользовании этим инструментом. Не хочешь ехать в вагоне, иди пешком.

А если нет желания идти пешком – и тяжело, и далеко не доползёшь, но при этом хочется ощущать свою инаковость от прочих пассажиров лифтов и вагонов, то выручают такие вот упражнения в творчестве. Помогают фантазировать, рисуя в сердце ощущения свободы. Чувства, наподобие тех, которые испытывает школьник младших классов, впервые ушедший самостоятельно гулять в соседний микрорайон.

При этом для кого-то, в том числе и для Антона Павловича, были важны некие внешние ритуалы, вроде ударов пальцами по клавиатуре. Порою он и вправду начинал верить в то, что чем плотнее он срастётся с «кирпичиками реальности», тем надёжнее будет стена, ограждающая его душу от щупалец Всемирной ноосферной сети.

И хотя в глубине души он понимал, что такого рода стены малопригодны для создания надёжных убежищ от чего-то действительно сильного и опасного, тем не менее, продолжал цепляться за эту мнимость. В этом было что-то от веры всякого просыпающегося, даже и не школьника, в то, что привидевшаяся во время ночных грёз игрушка на этот раз точно удержится в благодарных пальцах...

«Роли калечат, хоть речи беспечны», – продолжил Антон.

И откинулся на спинку стула. Стул был из абсолютно неантикварного ширпотреба середины XX-го века. Но это был деревянный стул, а не кресло из полимеров. Так что и на том спасибо.

Теперь на душе было хорошо.

Звуковая вязь была музыкальна, да и смысл тоже вполне соответствовал той идее, которую он был не прочь запечатлеть этими строками.

Из блаженного чувства парения в эмпиреях Антона вывело нарастающее чувство присутствия в сознании чего-то постороннего. Это был сигнал, повелевающий подключить свой мозг к ноосети.

Нахмурившись, он дотронулся сжатыми пальцами правой руки – указательным и средним – ко лбу, а затем прижал большой палец левой руки к запястью правой. Прижал к тому месту, где на руке была нанесена нано-татуировка, служившая своего рода «кнопкой», включавшей механизм настройки человека на подключение к сети.

Ощущение свободы испарилось, как испаряется нарисованный водой иероглиф: кисть только отрывается от последнего мазка по тёплой плите камня, а первое пятнышко уже начинает неотвратимо исчезать.

«Но ведь было мгновение свободы?», – неуклюже пытался обмануть самого себя Антон, но сознание начало цепенеть, и стали явственно проклёвываться образы наваждения ноосферного поля.

Он и не пытался сопротивляться вторжению в сознание этих посторонних образов.

Себе дороже.

Однажды он уже пробовал поэкспериментировать и изо всех душевных своих сил пытался противиться наваждению. Антон повторял разорванные куски молитв на нескольких

языках, которые, впрочем, воспринимал он не как моление о заступничестве, но как мантры – подспорья для поддержания обладания собой.

Но... потом было только хуже. Вместо привычной промывки сознания он получил такую дозу состояния ужаса и подавленности, что стало ясно – станешь сопротивляться включению в ноосферное поле – получишь по мозгам.

Вернулись все те давно забытые образы, приходившие к нему в детстве во время галлюцинаций, сопутствующих бреду от высокой температуры, и время куда-то пропало.

А ведь это был уже не первый случай, когда Система напоминала о себе.

В голове тогда начал нарастать звон, доходя до совершенно нестерпимого уровня. Система напомнила о себе недвусмысленно. Привлекая внимание к сигналам, которые воспринимались вживлёнными в тела устройствами, давно и безвозвратно заменившими многое из того, что определяло образ жизни постиндустриального человечества.

Ноосферное поле работало таким образом, что эти шпионы преобразовывали полученные сигналы в т.н. «стрессоры». Которые влияли на те центры нервной системы, которые и формировали в сознании чувственные образы. Иными словами, человек, глядя в книгу, видел... то кино, которое крутили гипнотизёры Системы.

Оно, конечно, ещё не «матрица», но уже на пути к ней.

К всепланетной ноосферной сети подключены были все те, кто не видел особых причин отказываться от очевидно удобного инструмента. Отказники вынуждены были пользоваться устаревшими электронными браслетами, в которых помещались чипы. Однако, невключение во всепланетную сеть не просто лишало человека массы удобств, но закрывало доступ в верхние этажи социума.

Подавляющее большинство потребителей товаров и услуг восприняли этот шаг технической революции с восторгом и энтузиазмом. Ну, а как же иначе: ведь теперь у подключённых к Системе отпадала необходимость в каких бы то ни было устройствах, передававших картинку и звук. Всё возникало прямо в башке. Хоть кино, хоть собеседник.

Кроме того, шпионское устройство, принятое сторонниками всего того, что объявлялось «прогрессом», непрерывно передавало сигналы, оповещавшие Систему о психическом и физическом состоянии человека. А система навигации позволяла относительно оперативно обнаружить биологический объект, передатчик которого транслировал бы сигналы о помощи.

Гражданин мог лишь начать ощущать некие симптомы телесного недомогания или же закипающего раздражения, а добровольно помещённый в собственное тело дятел уже подавал сигналы Системе, где эти самые сигналы воспринимались в качестве индикаторов опасного состояния. Которое – во имя Всеобщего Блага – необходимо было пресечь.

В голове Антона тихонько, но тошнотворно гудел сигнал, напоминающий о том, что пора на работу, времени осталось как раз столько, чтобы доковылять до остановки автобуса.

Не хотелось выбираться из уютного состояния мысленной неги, но делать нечего... Антон, отключив сигнал, прикоснувшись к запястью, сунул ноги в кроссовки и покинул помещение.

Нанотатуировка на запястье помимо «кнопки включения мыслесвязи» исполняла функцию ключа, открывающего разнообразным аппаратам возможность подключаться к базе данных, соответствующих обладателю уникального кода. И теперь прочипированные человекоединицы освобождались от массы хлопот, связанных с поисками копий и оригиналов многочисленных справок.

Когда ещё только вводилась эта Система, некоторые знатные учёные-нейрофизиологи утверждали, что технически невозможно создать нечто подобное. Но Систему ввели – и она заработала.

2. Молодой циник м.н.с. Фома Трастов

По дороге на остановку Антон почувствовал, что в обувь попал какой-то посторонний предмет. Остановился. Не спеша стянул кроссовок и вытряхнул из него камешек. И вдруг увидел, что автобус-то уже выворачивает из-за угла, а до остановки ещё метров двести.

Еле успел.

Водитель увидел своего постоянного пассажира бегущим и, конечно же, постоял чуть дольше.

– Спасибо Вам! Ух.. А в агломерациях никто бы ждать не стал. Уехали бы без меня. Не попал бы вовремя к месту трудовых свершений, – попытался пошутить младший научный сотрудник Филиала Центра Института проблем коммуникации.

Филиал Центра находился в нескольких километрах от городка, опоясанного лесом и проплешинами бывших колхозных полей, ныне намертво заросших мутировавшим борщевиком. Климат изменился, и теперь борщевик стоял во всеоружии своего яда уже поздней весной.

Корпуса Филиала располагались в отремонтированных зданиях НИИ ещё советской постройки. Некогда тут был небольшой сельскохозяйственный академгородок, но никакой интеллектуальной базы давно не было, всё вымерло ещё в начале XXI века.

Теперь же академгородок был приведён в относительный порядок, коммуникации восстановлены. Причём архитектор, руководивший возвращением комплекса к жизни, воплотил модный на тот момент «тренд» – «необрежневское ле-корбюзье». Попросту говоря, частично отевроремонтированные здания вновь напоминали типичные для позднего Союза ССР Научно-Исследовательские Институты, причём напоминали как внешне, так и внутри.

Обшарпанность стен беззастенчиво прикрывалась наглядной агитацией. Нет, до кумача дело ещё не дошло, хотя, впрочем, все эти лозунги и рекомендации с той или иной мерой настойчивости призывали жителей приграничья к бдительности.

Антон вышел из автобуса и направился к воротам Филиала. По обеим сторонам ворот были разбиты цветочные клумбы. Над весёленькой геометрией цветов и разноцветных камешков задумчиво возвышались щиты с наглядной агитацией.

На одном из щитов был изображён какой-то деятель ушедшей эпохи, и аккуратным чертёжным шрифтом были напечатаны следующие исторические слова этого деятеля: «Нанoeлектроника будет интегрироваться с биообъектами и обеспечивать непрерывный контроль за поддержанием их жизнедеятельности, улучшением качества жизни, и таким образом сокращать социальные расходы государства».

Надпись на соседнем щите продолжала эту мысль, сгенерированную в «лучших» традициях «нанобюрократизма»: «Широкое распространение получают встроенные беспроводные нанoeлектронные устройства, обеспечивающие постоянный контакт человека с окружающей его интеллектуальной средой, получают распространение средства прямого беспроводного контакта мозга человека с окружающими его предметами, транспортными средствами и другими людьми».

По периметру обоих изображений были размещены рожицы мультипликационных героев, права на изображение коих некогда выкупил коммерческий банк, финансировавший наночипизацию подданных. И вот теперь персонажи «Союзмультфильма», по замыслу некоего специалиста по душе народа, должны были демонстрировать радость от того, что, наконец, стала реальностью «предиктивная политика реагирования на инциденты: автоматизация слежки и патрулирования; обнаружение нежелательных лиц путём сканирования заданной области».

В воротах НИИ Антон повстречал своего приятеля Фому, который вышел из корпуса покурить:

– Курить – кураторам кадить!

– Кто не курит и не пьёт, тот здоровеньким помрёт, – парировал Фома. – А ещё мой покойный прадед говорил так...

– Да, слышал уже. Слушай, Фома, я вот, о чём сегодня подумал: а зачем всё это?

– Что: «всё это»?

– Ну, контора наша, отчёты. Транспаранты эти в клумбах. Политинформации по понедельникам? Ведь всю политинформацию можно закачать в нас «вражьими голосами» через смартфон, встроенный в башку? Да и работать мы тоже могли бы на удалёнке, как при ковидах. Сидели бы в своих норах и общались по сети. Зачем этот цирк? Просто, чтобы у населения была иллюзия того, что наш кусок глобуса чем-то отличается – ясное дело – в лучшую сторону – от соседних кусков? Где биологические объекты сидят в человежниках, типа как у нас в «нерезиновой»?

– В общем-то, да. Как это говорят в народе... – Фома почесал затылок и выдал: – «Всякий пернатый высказывается комплиментарно о той части суши с избыточным увлажнением, которая является ареалом его обитания».

И, ухмыльнувшись, тут же добавил:

– Да нет, брат, тут дело посложнее.

Фома закурил и предложил Антону присесть на деревянную старомодную лавочку со спинкой, примостившуюся под двумя берёзками. На щите напротив были изображены Маша и Медведь, втягивающие глуповатым Чебурашке и Крокодилу Гене о

несомненной пользе «расширения количества льгот и услуг, предоставляемых по единому цифровому идентификатору».

– Понимаешь, брат, – затянулся папиросой «Сила Сибири» младший научный сотрудник Фома Трастов. – Не работает эта Система на все сто. Не работает. Сигналы принимать принимает, причём не только о наших покупках и перемещениях, но даже об изменении пульса и давления. Но в душу влезть не может.

– Как не может? Я попытался заблокировать «вражий голос», так оно меня так шарахнуло по мозгам, таких мультиков показало, что я теперь оставил эту надежду... Приходится «вполмозга» слушать всю эту ботву политическую. Но не отгораживаться от «вражских голосов» полностью... О! Сигнал пошёл. Пора нам на политинформацию.

Фома аккуратно погасил папиросу и выбросил окурок в бетонную урну, стоящую рядом со скамейкой.

– Ну, что ж. Пошли. «Блажен муж, иже не иде на совет нечестивых». Но, делать нечего. Если насилие неизбежно, расслабься и постарайся получить удовольствие.

– Слушай, Фома, – Антон не сдавался и не собирался подстраиваться на шутовскую волну. – Я, всё-таки, не понимаю: какой смысл нас собирать всех вместе в «красном уголке», просто ради того, чтобы провести обычный сеанс зомбирования «вражскими голосами»? Могли бы промыть нам мозг в обычном формате? Не понимаю...

– Ну, смотри. Могли бы нас держать по домам «на удалёнке», чтобы мы свои исследования проводили индивидуально, а потом просто в режиме медитативной конференции обменивались мнениями?

– Нет, не могли. Не работала эта схема.

– Не работала. Потому что творческий процесс – штука строго индивидуальная. Никакие гипнозы не заставят человека сделать нечто, принципиально прорывное. Будет просто бесконечное перетасовывание, прорыва не будет. Как говорится, «процесс протекал неравномерно и противоречиво с трудноуловимой закономерностью».

– «Через ж*пу», говоря человеческим языком.

Молодые научные сотрудники не спеша шли по асфальтированной дорожке, обсаженной берёзками и туями.

– Понимаешь, ну что толку погружать нас в гипно-сны и вытаскивать какие-то импульсы. Соответствующие неким психо-состояниям? Всё это чухня. Не может система читать мысли. Нереально это. Передавать данные о температуре и выделении каких-то там веществ оно может, но не больше того. Вот нас и собирают по старинке в такие шарашки. А что тебе не нравится? Что, хочешь в «нерезиновую»? В капсулу какого-нибудь тридцатипятиэтажного человеиника? Чем тут-то, на лоне природы, тебе плохо?

– Да мне неплохо, но не могу понять: зачем всю тему с исследованиями обставлять так, как будто мы играем в институт эпохи Советского Союза?

– Ну, играем же, – лениво ответил Фома. – Играем. Одни играют в одни эпохи, наше руководство решило, что нам будет интересны костюмы эпохи позднего «совка». Ну,

тебе-то какая разница? Не нравится эстетика «брежневского ле-корбюзье» и наши халаты да политинформации? Забей ты на этот «косплей». Что, разве лучше было бы обитать в человеинике «нерезиновой»?

И добавил, сменив тон:

– О, Борис Моисеевич уже нас поторапливает.

3. Борис Моисеевич Херсонский

– Ну и сколько можно ждать? – скорбно вопрошал Борис Моисеевич, но уже в следующее мгновение интонации, исполненные неподдельного драматизма, обернулись повелительными нотками: – Давайте, парни, ставьте автографы в ведомости и бегом в «красный уголок»!

Младшие научные сотрудники на бегу поставили свои подписи в ведомости, фиксирующей присутствие сотрудников Филиала на еженедельной политинформации, и быстро зашагали в сторону «красного уголка».

Вслед за ними засеменял и Борис Моисеевич. Ведомость была заполнена, все, кто должен был присутствовать на политинформации, расписались, и теперь нужно было отправить скан ведомости Куда Надо, сигнализируя о том, что и сотрудники филиала тоже готовы к демонстрации политической лояльности: их умы и сердца вот-вот распахнутся, чтобы поглотить порцию пропаганды.

На общепланетном уровне закончился очередной раунд боданий между представителями противоборствовавших центров военно-экономических сил.

Один из этих центров ратовал за то, чтобы человечество представляло собою некую глобальную сеть унифицированных цивилизационных блок-пазлов. Эти блок-пазлы являли бы собою некую мега-агломерацию и обеспечивающие её жизнедеятельность агрохолдинги, фабрики по переработке и утилизации бытового мусора, резервуары с питьевой водой, а также зелёные массивы – лёгкие мега-агломераций. При этом сторонники идей такого уклада намеревались искусственными методами оптимизировать население планеты на порядок, а выживших расселить в упомянутых мега-агломерациях.

Другой центр выступал против унификации и отстаивал право региональных центров на некую идейно-культурную автономию. Этот центр, который можно назвать воплощением идеи «Пирамиды вместо Сети», в итоге одержал верх, и в результате облик планеты хотя и претерпел некоторые изменения, но, человеконенавистический футуризм мега-агломераций, всё-таки, был разбавлен кое-какими элементами самобытности.

Например, место обитания наших героев – Евразийская Конфедерация – теперь выглядела таким образом: вдоль путей перемещения возвышались эти самые агломерации, а примерно в радиусе пятисот километров вокруг них дислоцировались латифундии агрохолдингов, чередовавшиеся с лесными массивами, в глуши которых ютились небольшие городишки и даже города.

На западных рубежах Евразийская Конфедерация упиралась в Междуморье. Непоглощённые агломерациями городишки и даже города Междуморья (т.е. бывшей

восточной Европы) выглядели как стилизованные под псевдобарокко местечки, с вкраплениями объектов, сооружённых в некоем гипертрофированно фольклорном вкусе.

Ну, они решили так обставить свой быт. Дело хозяйское.

А вот у нас, в Евразийской Конфедерации, решено было культивировать стилистику уже упоминавшегося выше «позднебрежневского лекорбюзье». Примером которого был – в числе прочих многих – и Филиал.

Борис Моисеевич Херсонский очень дорожил своим рабочим местом и опасался того, что его могут сократить. Вследствие чего могут возникнуть проблемы с выплатой кредита за квартирку – и тогда прощай блаженное житие в своём собственном уголке этого укромного городишки. Здравствуй, «социальное жильё». Отправят в ближайшую агломерацию, поселят в капсулу с койко-местом да душевой кабинкой, совмещённой с санузлом. Прогулки – согласно коду, присваиваемому пенсионерам, – разрешаются два раза в неделю по два часа строго до сквера и обратно. Как всем давно уже внушено – пребывая на открытом пространстве пожилой человек может заразиться чем-нибудь. Например, очередным сезонным коронавирусом. И поэтому он, пенсионер, обязан сидеть в своей капсуле и глядеть стариковские сериалы, которые ему будут транслировать прямо непосредственно в башку, симулируя при этом запрограммированную режиссёрами соответствующую гамму чувственных переживаний.

Нет, в капсулу Борис Моисеевич не хотел.

«По губам меня помажет ...пустота»

Нет. Вдыхать бензин и проклинать судьбу он не будет. Он, человек, который помнит «эпоху Москвошвея», будет держаться работы до тех пор, пока, пардон за каламбур, не свернут ему шею. Не дождутся. А сил у него ещё достаточно.

Борис Моисеевич был одинок. Одна его дочка со своей семьёй жила в Междуморье, в агломерации на берегу Чёрного моря, другая – в Благословенной Земле. Иногда удавалось выходить с ними на ноосферную связь, но Борис Моисеевич старался пользоваться этим устройством как можно реже, т.к. замечал странности, которые происходили с ним как во время сеансов связи, так и после них.

Нет, что Вы, что Вы! Херсонский любит своих драгоценных детей и бесценных внуков, он каждый день начинает с того, что целует их фотографии, напечатанные на пластике (электронным базам, как уже понял внимательный читатель, этот мудрый человек не особо доверял). И каждый день он заканчивает поцелуями фотографий своих родных, но вот от общения по ноосферной связи, всё-таки, воздерживается.

Подальше от начальства. Пусть и кибернетического.

Поближе к земельке. Чтоб можно было гулять столько, сколько душе угодно, чтобы жить не в камере-капсуле, а своей квартирке, заваленной милой сердцу разной всячиной – приборами, инструментами, пахнущими плесенью старинными журналами «Наука и жизнь» и «Техника – молодёжи», которые он как-то обнаружил в подвале корпуса НИИ и бережно передислоцировал в своё жилище. Сколько блаженных вечеров провёл он, перелистывая эти журналы, пробуждавшие воспоминания о любимом дедушке, в честь которого он, кстати говоря, и был назван Борисом...

И ещё, в конце концов, окна его квартирки выходили на лесок, а не на футуристические башни человеичников. И чтобы всё оставалось так, как есть, он, Борис Моисеевич, разобьётся в лепёшку, но никакая сила не отодвинет его из штата филиала.

А ведь он уже слышал как-то краем уха, как менеджер по кадрам сетовал на то, что филиал, дескать, превращается в «дом престарелых». В котором персонал – сплошной «список Шиндлера».

Вот вам и образцово поликультурное многоконфессиональное и многонациональное цивилизационное образование, каковым на каждой политинформации преподносили Евразийскую Конфедерацию.

Евразийская Конфедерация – в отличие от неофашистского Междуморья или экстремистской Еврабии – и была именно такой. Но почему-то среди населения распространялись всякие шуточн-прибауточн антисемитского содержания.

Впрочем, Антон как-то успокаивал Бориса Моисеевича, объясняя ему, что работают политтехнологи и спецы по социальной инженерии, мобилизуя одни сектора потенциально протестного электората против представителей какого-нибудь социокультурного сектора общества. Чисто из принципа «девочки, против кого дружите». А потом, дескать, просто аккуратно канализируют накопившийся негатив в некое вполне безопасное и десять раз просчитанное русло.

Интересно, что несмотря на то, что глобалисты-традиционалисты разгромили глобалистов-космополитов, единая Система ноосферной сети была окончательно сформирована именно ими. При этом границы между цивилизационными блоками существовали, и преодолеть их было не так уж просто.

Сотрудники филиала Центра Исследования нередко судачили на тему того, что эти границы как-то не совсем сочетаются с самой идеей единой всепланетарной системы ноосферной сети. Однако, поскольку в филиале изучались вопросы не физики, но лирики, то все понимали, что никакого противоречия нет. Всё совершенно логично.

Наилучшим раствором, склеивающим совокупность эгоистов в некое подобие сообщества, является т.н. «негативная эмоция». «Дружба против». Вот население и склеивали этими «дружбами».

Жители Междуморья почитают себя в качестве «остатка Белой Европы», и, как таковые, побаиваются и ненавидят жителей Еврабии (бывшей западной Европы). Вместе с этим, они презирают нас, жителей Евразийской Конфедерации. Как «орду». Мы, впрочем, отвечаем им той же монетой, ненавидя их предательство и продажность. Вот так и приклеиваемся друг ко дружке, отталкиваясь от «общего врага». А что? Работает.

4. Политинформация

Борис Моисеевич аккуратно прикрыл дверь комнаты, малопочтительно нарекаемой сотрудниками «красным уголком».

Это был довольно уютный небольшой конференц-зал со сценой, закрытой старомодным тёмно-фиолетовым занавесом и семью рядами кресел, покрытых таким же тёмно-

фиолетовым плюшем. Ряды разделялись двумя проходами, так, что по бокам стояли сдвоенные кресла, а посередине – строенные.

Фома, на ходу приветствуя коллег, отправился на галёрку к своим приятелям лингвистам. Антон подсел к очаровательной брюнетке, правда, слегка полноватой. К младшей научной сотруднице Виктории Александровне Мигельанджело, в девичестве – Архангельской, Антон уже много лет питал нежные чувства, но как-то всё у них с этой полуразведённой не складывалось.

Борис Моисеевич, отправив скан ведомости, примостился в первое же попавшееся кресло в первом ряду.

На сцене был установлен мини ретранслятор – стального цвета шар, заключённый в пирамиду из прозрачного пластика.

Шар начал испускать какие-то замысловатые сигналы, и сотрудники филиала – один за другим – погрузились в состояние полусна.

Началась политинформация.

Вначале сообщалось о том, что политика сворачивания индустриальной активности приносит ощутимые плоды: экологическая ситуация на пространстве Евразийской Конфедерации заметно улучшается, в лесных массивах можно без труда обнаружить представителей уже исчезавших было представителей фауны, в реках – более не отравляемых отходами предприятий химической промышленности – как в далёкие эпические времена снова появилась рыба.

Всё это иллюстрировалось пасторальными кадрами, журчала умиротворяющая музыка, в мелодию которой вплетались музыкальные фразы из произведений русской классики XIX века.

Вторая новость как бы подхватывала экологическую тему, и теперь известный всей Евразийской Конфедерации проповедник вегетарианства рассказывал о новых успехах на поприще синтеза пригодных для пищи углеводов. Теперь, согласно проповеди популяризатора вегетарианства, постепенно можно будет реконструировать систему агрохолдингов таким образом, что уйдут, наконец, в прошлое эти чудовищные концентрационные лагеря, в которых в противоестественных для живых существ условиях выращиваются на убой миллионы несчастных голов скота.

Новость иллюстрировалась кадрами этих жутких скоплений теснящихся бок о бок свиней и коров, музыка стала тревожной, и впечатление усиливалось за счёт того, что режиссёры передачи умудрялись на какие-то неуловимые мгновения заставлять потребителя новостного материала как будто бы в буквальном смысле слова самому влезать в шкуру несчастной свиньи или телёнка.

Видимо, эти спецэффекты должны были «заякорить» в сознании потребителей информации в числе прочего ещё и такие ассоциации. Вдобавок к ощущениям уже внедрённым.

Потом пошло нагнетание.

Дикторша тревожным голосом заявила, что буквально в эти минуты в Оперативный Штаб всеобъемлющего контроля за здоровьем нации поступил сигнал из районного поста контроля за эпидемиологической ситуацией столицы. В сознаниях потребителей информационного продукта, генерируемого службой информации Системы Ноосферного поля Евразийской Конфедерации, появился врач в противоковидном костюме:

– Только что наши локаторы засекали сразу несколько тревожных сигналов, диагностирующие серьёзные проблемы с самочувствием у граждан, которых, естественно тут же идентифицировали и запеленговали их локацию. Судя по данным, уже обработанным нашим компьютером, речь идёт об очередной вспышке коронавируса...

Врача перебила бойкая дикторша:

– Внимание, экстренное сообщение. В связи с тем, что данные о вспышке сверхнового коронавируса подтверждены специалистами аналитического центра эпидемиологической безопасности, градоначальник столицы объявляет о том, что во всех агломерациях Евразийской Конфедерации вводится режим самоизоляции по «оранжевой» схеме. В регионах схема режимов самоизоляции будет определяться исходя из местных условий.

Бойкая трескотня сопровождалась образами бьющихся в конвульсиях больных, мечущихся с каталками медиков в противоковидных костюмах. Ну, и, разумеется, не были забыты потребители информпродукта, которые получили свою дозу стимулирующих стрессоров, в результате чего каждый мог ощутить – каково это задыхаться от сухого кашля.

Но, видимо, режиссёр программы политинформации потерял чувство меры, а, может быть, проводил некий психоэксперимент, потому что вслед за удушьем потребители информпродукта вновь ощутили волну ужаса, и теперь уже всякий потребитель, мало-мальски знакомый с приёмами блокировки агрессивного внешнего воздействия, на практике реализовывал свои навыки.

У кого-то из сотрудников филиала это получалось лучше, у кого-то хуже, кто-то впал в оцепенение и корчился в судорогах...

– «Эли, Эли! Лама савахфани...» – Прошептал Антон, в голове что-то взорвалось, он ощутил нарастающий свист как при проблемах с сосудами. А потом вся эта свистопляска прекратилась. Прекратилась совершенно внезапно, оставив в голове лишь лёгкий шум.

«Вот с*ки, что с людьми делают! «Оранжевая» схема – это, значит, жителей пенсионного возраста закупорят в капсулах челоуейников, активировав электромагнитные замки. И никто, кроме сотрудников эпидемиологического контроля не сможет их разблокировать. Будут получать стариканы сухой паёк раз в неделю. А всё остальное время уйдёт на доканывание остатков нервной системы. Провайдеры предоставят бесплатные услуги по безлимитному пользованию виртуальной реальности.

А те, кому посчастливилось ещё не доползти до возраста дожития, будут выходить из своих капсул строго по расписанию, и отклонение от маршрутов будет наказываться ударами стрессоров прямо в болевые центры мозга.

Да... Хоть бы самого не отправили в эту проклятую столицу. Живём тут при филиале и горя, на самом-то деле, не ведаем...»

Антон, испугавшись того, что Система засечёт акт саботирования политинформации, постарался вновь настроиться на восприятие сеанса промывки мозгов.

Дальше в программе были новости из других цивилизационных блоков.

Новости из Благословенной Земли (чьи пределы теперь простирались от Нила вплоть до Тигра и Евфрата) Антон пропустил именно в тот промежуток времени, когда Кто-то отключал его сознание от ноосферной сети, и теперь передавали про неофашистов из Междуморья, которые разрушили очередной памятник и категорически запрещали своим гражданам подключаться к Евразийскому сегменту ноосферной сети. Евразийское Министерство по Коммуникациям с цивилизационными блоками выразило по этому поводу серьёзную озабоченность.

В Еврабии, согласно инсайдерской информации, новейшая вспышка коронавируса уже бушует повсюду. Мобилизован автомобильный парк рефрижераторов, которые будут вывозить из агломераций трупы погибших от вируса и сотрудники Международной Службы Эпидемиологического Контроля будут закапывать продезинфицированные тела в заброшенных карьерах. Видеоряда на этот раз не было, просто с большими помехами продолжал транслироваться голос поставщика инсайдерской информации до тех пор, пока его совсем не заглушили звуки кантаты Карла Орфа «Кармина Бурана».

В заключение были новости спорта, прогноз погоды, гороскоп и прочая чепуха, которую мало кто из сотрудников филиала воспринимал глубже, чем на самой грани психоблокировки сигнала.

Политинформация закончилась, и тишину нарушил голос Фомы:

– Ну вот, никогда хорошо не жили – нечего было и начинать.

Конференцзал наполнился гулом, и народ начал было расходиться:

– Задолбали уже этим коронавирусом...

– Сколько уже можно шпротоедам издеваться над нами, а эти только и умеют, что выражать озабоченности...

Гул был прерван бодрым голосом Бориса Моисеевича:

– Коллеги! Минуточку внимания!

– Сколько уже можно толочь воду в ступе, – недовольно загомонили лингвисты.

– Ага, повышать механическим путём мелкодисперсионность, – тут же вставил свои пять копеек Фома.

– Коллеги! Ещё раз. Минуточку внимания. – Борис Моисеевич говорил уже уверенным спокойным тоном. – Попрошу всех собраться тут в «красном уголке» сразу после обеда. Ровно в 14:00. С собой иметь подготовленный отчёт о проделанной работе. На бумаге. Ну, вы порядка знаете. Давайте. Не забываем про масочки и перчаточки. И без опозданий.

5. Вертолёт и агенты

Коллектив филиала начал сползаться в «красный уголок» задолго до назначенного часа, поскольку в таком, вроде бы заурядном мероприятии, местные конспирологи усмотрели предзнаменование неких роковых перемен:

– Прикроют нашу «шарашку» и отправят по человекникам в проклятые капсулы.

– Вот тебе, бабушка, и Юрьев день...

– Да ладно вам, парни, паниковать! Ну, укажут насекомым их место в иерархической системе пирамидального типа, проглотим раздолбон, потупим очи долу, повздыхаем... Всего-то делов!

– Ох, Фома, всё тебе как с гуся вода! Но ты – молодец, – звонко заявила Виктория. – А то мужики кругом как-то обабились, паникуют безо всякого повода!

Послышался странный нарастающий звук работающего двигателя.

– Мальчики, гляньте, кого там несёт неладная?

– Да вертолёт приземлился на площадке. О, какие-то агенты «Смиты» высадились. Моисеич одного из них ведёт в нашу сторону. Ну, шухер!

В помещение конференцзала вкатился совершенно потерянный Борис Моисеевич в сопровождении типчика неуловимой внешности.

– Здравствуйте, господа учёные. Сейчас мы с вами поговорим о некоторых важных вещах, но перед этим Борис Моисеевич раздаст вам всем документки о неразглашении, которые вы подпишете.

– А если не подпишем?

– А если не подпишете, то в вертолёте места много. Полетите в столицу.

– На Лубянку?

– Зачем на Лубянку.

– А... Сбросите вниз.

– Нет, мы же не варвары, зачем вниз сбрасывать.

– Ну да. Не варвары, шархнете импульсом в мозги – и готов овощ.

– Нет, шархать в мозги мы не будем. Для этого не обязательно было бы вывозить вас куда бы то ни было. Это можно было бы сделать где угодно. И когда угодно.

Агент вошёл в роль. Видимо, пикировка с фрондирующим научным сотрудником представлялась ему своеобразной игрой. Которую ему удавалось легко контролировать. И самому задавать тон. Дальше он продолжил как по писаному:

– Мы же не «кровавая гэбня». Мы ценим людей, обладающих профессиональными знаниями в такой важной области знаний. Зачем же разрушать такие прекрасные мозги стрессорами? Гораздо разумнее переселить специалиста, демонстрирующего набор качеств, которые классифицировали его как Потенциального Источника Неприятностей, в одну из агломераций. Хотя бы даже и в столицу. Поселить в стандартной капсуле. Не давать возможности разрушать свою нервную систему чрезмерными выходами в виртуальную реальность. Ну, чтобы дать возможность человеку хорошенько подумать о своём выборе образа жизни... И через несколько месяцев такой бунтарь станет шёлковым.

Агент метнул взгляд на Бориса Моисеевича:

– Все поставили подписи?

– Сейчас-сейчас. Минуточку, ещё не все передали бланки.

– Хорошо, обождём ещё минуточку. Так вот, в агломерации не будет ни трёпа вашего расслабленного. Ни прогулок на свежем воздухе. Ни озона, ни хлорофилла. Никакой ботаники. Или вы хотите «человейник»?

К такому цинизму не были готовы даже наши циники.

– Ну, что ж, – выразил общее мнение Фома. – Благодарим за откровенность.

– Вы подписали бумагу? – додавливал поникшего балагура агент.

– Подписал.

– Вот и хорошо. Ну, что, все передали? Хорошо.

Агент раскрыл папку и властно обратился к Борису Моисеевичу:

– Нет, сканировать не нужно. Дайте мне оригиналы. Вот так.

Борис Моисеевич сжался и стал каким-то совсем маленьким.

– Ну, хорошо. К делу. Некоторое время назад был обнаружен цивилизационный блок, существующий в полной изоляции. Необходимо установить контакт с представителями этой цивилизации. И мы с коллегами прибыли сюда в филиал с целью определить состав участников экспедиции.

Агент продолжал:

– Собственно говоря, ваш филиал и создавался в своё время именно с целью выработки инструментария, посредством которого возможно осуществить такого рода контакт. Вы же понимаете, что устанавливать контакт с Междуморьем или Еврабией можно и без всяких специалистов по эсхатологиям и мифологиям.

Таким образом, за те несколько дней, которые наша комиссия пробудет в стенах Филиала, мы изучим профиль работ конкретных лабораторий, лично познакомимся с научными сотрудниками, а на основе этого – сформируем состав экспедиции.

– А что ждёт тех, кто не войдёт в состав экспедиции?

– Отвечать на этот вопрос я не уполномочен. Но, думаю, что экспедиция станет своего рода проверкой Центра Исследований Проблем Коммуникации на профпригодность.

Ещё вопросы есть?

Если вопросов нет, то Борис Моисеевич сейчас соберёт с каждого из вас подписочки о невыезде и займётся временным расселением тех, кто проживает вне академгородка. Все свободны. До завтра.

Обождая несколько мгновений, и, не желая заполнять собой неловкую паузу, агент вышел из «красного уголка», оставив сотрудников переваривать услышанное.

6. Версии

Фома, Антон и Виктория поднялись в библиотеку и решили обсудить неожиданную новость именно там, в своём «закуточке». Собственно говоря, библиотекой это помещение можно было назвать с большой натяжкой, нормальных бумажных книг там было совсем немного, а на стеллажах размещались разнообразнейшие горшки, горшочки и подвесные кашпо с домашними цветами. Среди цветов стояли и ящики из теплозащитного материала, в которых выращивался зелёный лук. Зелёный лук можно было не только употреблять в пищу, но и использовать в качестве платёжного средства при коммерческих операциях с Борисом Моисеевичем.

– М-да, не пройдем проверку у этих «агентов смитов», пожалуй, и грантов больше нам не видать, – проямлил Антон, усаживаясь у приоткрытого окна библиотеки.

– Каких «грантов», Антон?! Окстись! – Виктория заразилась общим духом и даже на какое-время утратила присущее ей стоическое чувство. – Прикроют нашу контору и закончится вся эта синекура.

Виктория подошла к окну, выглянула, затем приоткрыла его пошире и достала из кармашка лаборантского халата сигарету.

– Фома, что думаешь обо всём этом?

– Я думаю, что обнаружена новая субкультура, обосновывающая отказ от чипирования, и эта субкультура по каким-то причинам представляет для Системы опасность. А нас собираются использовать по прямому нашему назначению – решать вопросы, касающиеся проблем установления межцивилизационных контактов.

– Не понимаю. Что может представлять опасность для Системы? Кто может стать воплощением этой опасности? Мировое Зло? Анонимные хакеры? И о чём мы должны будем с ними договариваться? Кроме нас и в парламентёры, что ли, некого отправить?

– Значит, некого, – Антон обижался на тот тон, который позволяла Вика в отношении его. К тому же он вовсе не считал себя таким уж нулём и бездарностью.

– Давайте рассуждать методом исключения. – Антон встал и отошёл в сторону от окна, чтобы быть равноудалённым от обоих собеседников. – Вряд ли речь идёт о некоем

обществе наших сограждан, выпавших из ноосферного поля, и, таким образом, ставших недоступными для Системы.

– Да, вряд ли. – Поддержал Антона Фома. – Система зафиксирует устойчивый сбой сигналов реакций на стрессоры. И такой биообъект моментально фиксировался бы. И затем, любая транзакция, и пеленгуется локация нарушителя. Затем – разряд в башку, и паралич. Короче говоря, речь идёт, всё-таки, не о диссидентах внутри Системы, а о неком внесистемном сообществе.

– Старообрядцы, что ли, града Китежа? Отыскали в тайге поселение, и теперь думают изучить? Или решили «партизан» перелавливать? Типа тех, кто на вашей, Вика, даче, обрелись во время оно? Так для этого у них есть жандармы нацгвардии.

– Нет, не старообрядцы. И не «партизаны». И не в тайге, – уверенно заявил Фома.

– А где? В джунглях Амазонки?

– Нет, в джунглях Амазонки ими бы занимались тамошние агенты со своими карманными спецами. Зачем туда нас тащить?

– Остаётся Тибет. Что, откопали в пещерах неких махатм подземных, которые бузят и не хотят встраиваться в единое ноосферное поле?

– Подземных, но не махатм, – подал голос умолкнувший было Антон. – Подземных, но не в Тибете.

– А где ещё? В заброшенных станциях метрополитена? – Виктория вымещала на Антоне то раздражение, которое вызывало в ней чувство тревоги, нараставшее в ней последние дни. И приезд «агентов» вовсе не был причиной этого чувства.

– Нет. Не в заброшенных станциях метрополитена. – И отвернувшись к Фоме, продолжил: – А что ты, Фома, думаешь по поводу гипотезы о поллой Земле?

– Началось. – Издевательски процедила молодая женщина. – Мужчины, вы что: от страха совсем остатки здравого смысла утратили. Давайте вспоминать сказки про Плутонию, про Землю Санникова и прочий Парк Юрского периода.

– Ну почему, Вика. Нужно все рабочие гипотезы проработать, – собирался было примирить своих друзей Фома, однако, Виктория порывисто встала и не дала ему закончить.

– Значит так. Я пошла. У меня полно дел, которые нужно закончить. А вы тут философствуйте дальше. Какая разница: где и кого нашли. Придёт время – объявят. Нужно понять: чего им от нас нужно? Каким критериям должен обладать специалист по коммуникациям, который годился бы для этой экспедиции.

Потом, решив сменить гнев на милость:

– Антоша, Фома, приходите вечером на огонёк. Посидим, выпьем чего-нибудь. Продолжим наши гадания на кофейной гуще. Если, конечно, к тому времени всё не станет на свои места и без наших гаданий.

7. Начало похода в магазин за поллитрой

– Ну, что, надо где-то раздобыть выпить. В местной лавчонке вряд ли будет что-то приличное.

– Надо, – согласился Антон. – Вика любит коньяк или сухое красное. Тут такого не будет. А у тебя нет в загашнике?

– Нет, у меня в загашнике никогда ничего нет. Не имею привычки оставлять дела недоделанными.

– И зря. Вот что мне нравится у европейцев, так это их манера прихлёбывать понемногу того-сего.

– У нас, кацапо-монголов так не принято. Ладно, что трепаться? Нужно смотаться в город. Что тут через лес: час туда, час обратно. Придётся пёхом – у автобусной остановки маячит один из этих «смитов». Пасёт, чтоб никто не покидал филиал.

– Давай, захвати рюкзак – и пойдём.

– А рюкзак-то на кой нам? Ради бутылки?

– Не одной же бутылки! Коньяк, сухарь, минералка, сыр, колбаса, то-сё. Ну, ты прямо как вчера родился.

– Да, точно. Я ещё бинокль прихватчу. Будем просматривать «зелёнку». Может, уж обложили нас.

Прихватив рюкзак из своей комнаты в общежитии филиала, расположенной по соседству с корпусом НИИ, Фома вместе с Антоном углубились в лес, который начинался уже в сотне метров от зданий академгородка.

Летом в лесу бывало довольно много грибов, и Фома неплохо знал лесные тропинки, поскольку был он любителем блюд из даров природы, предпочитая их углеводам из химикатов или полуфабрикатам, изготовленным из плоти несчастных зверей, раскормленных перед кончиной всякими препаратами ускорения роста.

Довольно быстро наши герои вышли на пригорок, с которого открывался вид на городок, лежащий за пространством, некогда бывшим колхозным полем. Теперь пространство было заполнено плотными джунглями мутировавшего вечнозелёного борщевика. Посередине возвышались руины бетонной фермы.

– Да, до города тут всего ничего. Но придётся идти в обход, по лесной тропинке.

– Но ведь у борщевика опасен только сам сок. А если не рвать его стебли и листья, то опасен ли он?

– Ну, лучше не рисковать. Да и время есть, распогодилось.

Перейдя через рассекавшую лес автодорогу, младшие научные сотрудники быстро затерялись в лесном массиве. Оба они были большими любителями «внутреннего туризма». Так в послекоронавирусную эпоху в Конфедерации стали именовать старые

добрые походы с рюкзаками. Походы эти некогда были нормой и для физиков, и для лириков, и для обычных граждан. Но потом, в период «Второго НЭПа» граждане среднего достатка пристрастились было к поездкам за границу, бахвалясь друг перед другом фотографиями пальм, под которыми они сживали, и осьминогов, которых они под этими пальмами едали.

Окончилась вся эта эпопея довольно буднично.

И народ вновь потянулся в леса и горы.

8. Воспоминание № 1

Однажды, лет десять тому назад, случилось так, что Антон и Фома оказались на территории дачи, принадлежавшей человеку, сыгравшему впоследствии важную роль в жизни каждого из них. С этим человеком парни познакомились в речном трамвайчике, работу которых тоже восстановили в рамках программы возрождения «внутреннего туризма».

В салоне катера образовалась достаточно шумная компания молодых кавказцев, которые демонстрировали пренебрежение по отношению к прочим евразийцам.

К джигитам, выкрикивавшим, в числе прочего, и нецензурности, подошёл какой-то бодрый смуглолицый старичок. Однако, один из юных кавказцев встал с кресла и, выпучив карие очи, публично выматерил нашего старичка.

Старичок оказался не лыком шит и резко ткнул кавказца в печень. Тот согнулся пополам, но повскакивали остальные. И вмиг свалили старичка с ног.

Пассажиры катера стали как будто гипсовыми. Связываться с хулиганами, да ещё и представителями солнечного юга, граждан конфедерации давно и надёжно отучили.

Пострадавший джигит медленно разогнулся и провозгласил:

– Так ты гарачый. Сичас будэм купацца.

Кавказцы схватили приговорённого к выбрасыванию за борт и поволокли его на палубу.

Антон встал и твёрдым шагом подошёл к главному джигиту.

– Послушай, ты ведёшь себя не по-мужски, – негромко, но твёрдо сказал Антон. – Разве посмел бы ты так вести себя по отношению к вашим старикам? Почему унижаешь старого человека?

Антон не был мастером рукопашных схваток. Он не представлял себе: что может быть дальше в складывающейся ситуации. Да и вообще, был он человеком, мягко говоря, осторожным. Но иногда – в том числе в этот момент – сердце его наполнялось ощущением спокойной уверенности. И слова обретали силу.

Джигит скомандовал своей свите что-то по своему, и они отпустили старика. Антону он добавил уже по-русски:

– А ну пошли. Выйдем.

Антон, не мешкая, вышел.

«Главное, не показать им того, что я испугался. Ничего страшного не произойдёт, кроме того, чему и так суждено случиться. Грохнет – так грохнет. Сколько уже можно пресмыкаться», – думал он, с некоторой растерянностью, впрочем, ощущая, что ноги понемногу становятся ватными, а былая уверенность постепенно подтаивает. Драться он не любил, да и не умел, потому что с детства сидело в нём странное чувство жалости к людям. Поэтому если ему и приходилось попадать в переплёт, то он старался угомонить противника удушающим приёмом, который ему, кстати говоря, удавался.

«Вот и сейчас», думал Антон, «если не убьёт сразу же, главное – выдержать первый удар, не свалиться, вцепиться в противника, сделать удушающий, а там – уже и поражение не будет таким уж позорным».

– Ты зачём влез не в своё дело? – Кавказец пружинисто переминался с ноги на ногу. Он понимал, что перед ним не боец, и не стал вырубать противника сразу же. Решил поиграть.

– А ты бы на моём месте терпел бы, когда кто-то стал бы унижать твоего старика?

Кавказец перестал разминаться. Задумался. Потом достал сигарету.

– Курыш?

– Нет, бросил.

Джигит закурил.

– Ладно, я был нэ прав. Ты маладэц. А дэдушька, навэрно, армяшьяка. Понимает, што ми гаварыли. Но я был нэ прав.

Антон молча смотрел на проплывающие мимо берега, вяло скользя взором по берёзкам и ивам. Он не хотел ничего говорить, поскольку знал, что сейчас силы покинули его, и слова не будут звучать так, как должны. И выйдет просто «заполнение эфира». Которое подорвёт его шаткий – в эту минуту – авторитет.

– Мэня завут Эмиль Асчеров. Мэсний беспрэдэльшыки баяцца миня. Будут быковать – скажешь им, что Эмиль твой брат. Мой номэр мабылы сем-сем-восем-шест-сем-восем-шест. Званы. Аны атвалят. Ну, давай. Иды к дэду, я пакуру тут сам. Адын.

И крепко пожал руку Антону.

Он вернулся в салон катера. Там было тихо. Все – и кавказцы, и пассажиры, и дедушка, к которому подсел Фома – все были напряжены.

– Да всё нормально. Порядок. – Сказал негромко Антон и опустился на кресло рядом с Фомой.

– Парни, а вы куда, собственно говоря, путь держите? – Негромко спросил старичок.

– Конкретно никуда. Ищем красивые места. Мы – туристы. Вон, в рюкзаках палатка и имущество.

– Вот и чудненько. – Старичок оживился и взял инициативу в свои руки. – Я выхожу на следующей пристани. Милости просим к нам на дачу. Мы снимаем дачу в районе заброшенной барской усадьбы. Места – глухомань и Левитан. Как Вы относитесь к живописи передвижников?

– Ну, как сказать, – замялся Фома, – к разным по-разному.

– Разобьёте свою палатку у нас в саду, мы вас поставим на котловое довольствие. Ну, не стесняйтесь! Вы будете приносить из лесу грибы, с речки – рыбу. Зять вам покажет рыбные места. А моя хозяйка вместе с дочкой будут готовить на всех. Каждый будет вносить свою лепту. Идёт?

У Антона появилось чувство уверенности в том, что поступить нужно именно так. А не иначе. С ним. порою, такое случались: когда нет ни сомнений, ни лихорадочного энтузиазма. Но присутствует спокойная уверенность в правильности выбора.

– Да, мы согласны. Спасибо.

– Вот и чудненько. Разрешите представиться, Александр Михайлович Архангельский. Пенсионер. – И тут же: – Так-так, ну, не зеваем, собираем пожитки и готовимся покинуть борт катера.

Катер пристал к старенькому деревянному причалу, часть пассажиров спешно выгрузилась. Наши герои тоже не мешкая вышли. Антон бросил было быстрый взгляд на кавказцев, но с облегчением отметил, что Эмиль не смотрит в их сторону.

На берегу неподалёку от причала стоял трактор с прицепом.

– О, а вот и наш автобус, – радостно провозгласил профессор. Ну, теперь доберёмся, Бог даст, без всяких проблем.

Из кабины трактора выскочил невысокий, но крепко сложенный фермер, и вот уже он подхватывает Александра Михайловича вместе с его пожитками:

– Профессор, а мы уже волноваться начинали. А эти туристы с Вами?

– Да, Куприяныч, ребята поживут у нас.

Минут через десять Антон понял, что для такого лесного бездорожья подходит только трактор. Уже начинало смеркаться, как трактор дотарахтел до озера, на берегу которого расположено было несколько избушек и множество хозяйственных построек.

Встречать профессора вышла его супруга, а также молоденькая черноволосая женщина с долговым плечистым мужчиной. Видимо, дочка с мужем.

– Вечер добрый! Вечер добрый! Так, Броня, накрывай на стол. А ты, дочка, приготовь приборы ещё для двоих гостей. Бартик, давай, дорогой, помоги ребятам устроить за сеновалом бивуак.

Бартик – он же Варфоломей – помог ребятам дотащить рюкзаки, и показал хорошее место для установки палатки.

– Насчёт костра я даже не знаю, наверное, профессор вам покоя не даст, и придётся вам по вечерам составлять нам компанию. Но кормят тут хорошо. О, кажется, нас уже зовут на ужин. Ладно. Я пошёл. Ну, и вы тоже подтягивайтесь.

Бартик отправился по тропинке к беседке, где уже горела лампа, и собиралось общество. На тропинке он столкнулся с дочкой профессора, которая, как раз торопилась к ребятам. Они обменялись быстрыми фразами и разошлись. Через мгновение она была уже рядом с палаткой.

– Кто из вас Антон?

Антон выглянул из палатки и ноги его снова стали ватными. Но уже по другой причине. Женщина ему нравилась безоговорочно. Вылитая «Кавказская пленница» из старинного кино.

«Да, – подумал Антон. – Быть замужем за таким великаном... С таким мужем она и не посмотрит в мою сторону».

– Ну, что же вы? Кто из вас Антон?

Фома подтолкнул Антона в сторону внучки.

– Антон, я тебе очень благодарна за папу!

Подошла вплотную. Схватила двумя ладонями за виски и поцеловала.

Вот так они с Викой и познакомились.

9. Продолжение похода в магазин за поллитрой

– Ну вот, пришли, – Фома оглядел здание универмага, как будто перед ними была, как минимум, купеческие хоромы конца XIX века. – Думаю, тащиться к тебе на квартиру нет никакого смысла. Что время терять? Сейчас возьмём в ближайшем универмаге всё, что нужно. И – бегом в филиал.

– Да, бегом-то чего?

– Ну, как чего? Да чтоб агенты не заругали.

– Оп-па... А это ещё что такое? – растерянно промямли Антон, глядя на объявление, прикреплённое к двери магазина.

«Обслуживание покупателей без защитной маски и перчаток строго воспрещается!»

– Слушай, а ведь сегодня утром на промывке мозгов сообщали про очередную вспышку коронавируса... Я и думать забыл про эту чухню. Ладно, попробуем прорваться.

Фома вошёл в магазин, приложил чип к датчику турникета, но тот и не подумал впустить его в помещение.

– Что за фигня! Девушка, у вас турникет барахлит, не пускает приобщиться к благам агрохолдингов Конфедерации.

– А вас и не впустят. Камера же зафиксировала, что у вас нет масок. Оденьте маски, и турникет впустит вас.

– Но у нас нет при себе масок.

– Значит, я не смогу вас обслужить.

– Ну, так давайте мы купим у вас маски, наденем их и будем выбирать то, для чего и пришли сюда.

– Нет у нас масок в наличии, подвезут завтра.

– Так что же нам делать?

– Не знаю. Пойдите в аптеку. Тут за углом.

– Вот же маразм, – Антон с раздражением выругался в адрес Санитарно-Эпидемиологического Комитета Системы. – «СЭКС» грёбаный!

Но в аптеке произошла та же самая история с турникетом.

– Барышня, послушайте, – обратился Фома к аптекарше. – Нам нужно приобрести у вас два намордника. Самых простых, самых дешёвых, одноразовых.

– И две пары рукавиц. – добавил Антон.

– Да, две маски и две пары рукавиц.

– Ничем не могу вам помочь. Камера всё фиксирует, я обязана соблюдать социальную дистанцию.

– Но какая же может быть социальная дистанция когда мы подойдём к окошку?

– Никакой. Потому что к окошку вы не подойдёте. Пока вы без масок и без защитных перчаток.

– Но у нас нет ни перчаток, ни галош, мы пришли сюда, чтобы купить их!

– Каждый человек, который заботится об общественном благе, должен понимать, что легкомысленное отношение к рекомендациям СЭКСа недопустимо и преступно! Вы должны были иметь при себе комплект защитных принадлежностей, соответствующих требованиям жёлтого уровня эпидемиологической опасности.

Парни вышли из аптеки. Бросился в глаза прикрепленный скотчем к будке автобусной остановки лист бумаги с объявлением: «Нахождение пассажира в транспорте без маски не осуществляется!»

– Слушай, это какой-то бред. Вроде, во время прошлой пандемии такого ещё не было?

– Да было. Просто ты не заморачивался.

– Ну, блин, маразм. Что делать-то будем? Проскакали через лес пёхом. И вернёмся ни с чем? У тебя на квартире есть маски запасные?

– Есть, да только чесать через весь город. В автобус-то нас без масок никто не пустит...

И хотя улицы городка были привычно полупустынны, бросалось в глаза резкое деление жителей на «масочников» и «безмасочников». Первые смотрели на вторых с выражением страха и неприязни, как будто бы люди, демонстративно нарушавшие предписанные нормы, и вправду оставляли за собой на асфальте кровавые следы. В свою очередь лица с лицами, неприкрытыми маской, поглядывали на дисциплинированных своих сограждан с неприкрытой насмешливостью, переходящей в презрение.

Городок был небольшим по численности населения, но, тем не менее, это был, всё-таки, маленький город. Дело не только в том, что в наличии была тюрьма, музей, два кафедральных собора различных церковных конфессий, театр и синагога. Тут был дух пусть и небольшого, но города. Не большой деревни, распухшей от соседства с железнодорожной веткой до состояния промзоны, облепленной частным сектором и курятниками, а именно города. Который вовсе не был просто сегментом агломерации, где стеклобетонные многоярусные челевейники чередовались с такими вот парково-академическими двухэтажными зонами.

Городок населяли в основном пенсионеры. Их далёкие потомки уезжали в столичную агломерацию в поисках работы и перспективы для детей, но длительное существование в капсулах челевейников натолкнуло некоторых людей на мысль о том, что «так жить нельзя». И нужно стараться при первой же возможности возвращаться домой, на малую родину. Что толку от бонусных баллов на банковских счетах, если платить за это приходится постоянным страхом? Страхом от ожидания того, что вот-вот объявят об очередном режиме «самоизоляции», и электромагнитный замок капсулы будет по решению СЭКС-а мгновенно активирован.

Вот и стал прозревающая часть народа постепенно переоформлять на себя дедовские дома и квартирки.

Впрочем, помимо пенсионеров, в городке проживали семьи офицеров разнообразнейших госслужб. Всё-таки, неподалёку была граница с супостатом, восточноевропейской федеративной республикой Междуморье, а от этих можно было ожидать всяких пакостей.

Третьей категорией жителей была, условно говоря, богема. У художников и скульпторов не было тут, в провинции, никаких проблем с арендой и даже приобретением помещений под мастерские, артисты и музыканты имели возможность не только свободно репетировать, но даже устраивать представления на подмостках местного театра.

В общем, не уездный городок, а настоящие «Новые Васюки»!

И, тем не менее.

Жизнь в полупустом городке была ключом. Особенно летом, когда и он сам, и окрестные деревеньки, умершие в конце XX века, но реанимированные уже в качестве баз отдыха,

наполнялись любителями «внутреннего туризма». Впрочем, любителей туризма не «внутреннего» было не так уж и много, поскольку границы были почти всегда «на замке» и поездки «в Турцию-Египет» ушли в прошлое точно так же, как за сто лет до этого ушли в прошлое поездки «в Баден-Баден».

Антон и Фома шли себе по улице, никого не трогали, как вдруг увидели на перекрёстке двух полицейских: мужчину и женщину. Бледно-голубые маски видны были издали. Их не спутаешь ни с чем...

– Так, брат Антоний, – начал Фома. – Останавливаемся возле той витрины. И переходим на другую сторону улицы. Засекли! Сейчас «прикопаются»! Давай, ускоряем шаг и за угол.

Антон с Фомой свернули за угол дома, но там мимо них медленно проехал автомобиль СЭКСа, на крыше которого был установлен громкоговоритель, оглашающий округу напоминанием о том, что в городе введёт жёлтый уровень о пандемической опасности, и все жители обязаны соблюдать все профилактические меры, соответствующие этому уровню опасности.

– «Матюгальник» установили на своём «бобике». Двадцать первый век. – Брюзжал Антон. – Не могли, что ли в мозги нам сразу шарахнуть.

– Не могли. Общепланетная система не станет заморачиваться, а вот если бы твой «фэйс» распознала какая-нибудь подсистема, например, база памяти универмага, где ты отовариваешься, то возможно, она отправила бы сигнал в общепланетарную базу, а оттуда тебе в башку чего-то телеграфировали. – Фома достал сигарету и закурил. – Но только зачем всё усложнять? Такой нарочитый контроль вызвал бы в гомо-сапиенсах психологический стресс. Да и в системе возможны всякие сбои. А так – дёшево и сердито. Ездит гроб на колёсиках и пугает население, поддерживая в сознании граждан должный уровень бдительности и ответственности.

Проходившая мимо молодая женщина в маске и резиновых перчатках весьма выразительно посмотрела на ребят, демонстрирующих своей безмасочностью высшую степень социального нудизма. Нудизма, на грани вызова.

– Слушай, брат. А ведь мы привлекаем внимание бдительных граждан. Знаешь, что, давай-ка оставим затею с поллитрой и вернёмся в родной филиал.

– Обидно. Быть в полшаге от цели...

– Да ладно тебе. Считай, прогулялись. Сейчас нарвёмся на СЭКС-патруль, начнут мозг выносить, ещё оштрафуют за нарушение масочного режима. А то и агентам настучат. Пошли, нечего тупить!

Свернув с главной улицы, наши герои переулками двинулись в сторону окраины. Антон брёл совсем уныло, ибо ему в этот вечер хотелось непременно сделать для Виктории какой-нибудь жест, а жесты на трезвую голову у него уже давно перестали получаться.

10. Воспоминание Антона №2

Последний раз такой жест получился у Антона лет пять назад. К тому времени он уже работал в Филиале, готовил доклад к Юбилейному Экуменическому Симпозиуму, который должен был проходить в Университете К***ской агломерации. Благонравов должен был представлять на мероприятии свой Филиал работой, посвящённой сравнительному анализу апокрифических Апокалипсисов. Короче говоря, был он тогда в принципе предоставлен сам себе.

К указанному времени Александр Михайлович чувствовал себя уже совсем неважно, а потому принял решение немедленно организовать переезд своей семьи из столицы в провинцию. Столичная солидная квартира была успешно продана, на эти деньги были куплены и приведены в порядок две соседние квартиры в академгородке.

Антон тогда курировал процесс ремонта этих квартир, присматривая за строителями и прочими специалистами. Во время ремонта возникла непредвиденная проблема. У внука Александра Михайловича, маленького Антошки, обнаружилась какое-то опасное аллергическое расстройство, и ему категорически невозможно было находиться в помещении, в котором велись строительно-ремонтные работы.

Вика ушла от своего мужа, но официально они разведены не были. Тем не менее, для неё не могло быть и речи о том, чтобы отдать Тошку Бартоломею хотя бы то на некоторое время. Тратить деньги на курорт было неразумно, ведь у Архангельских была прекрасная дача – хутор в заповедной зоне. Вот профессор и предложил Антону сопроводить Вику с внуком в поездке на хутор:

– А заодно в тишине подготовишь свой доклад. Чтобы слова звучали, а не тархтели, их нужно подбирать в безмолвии.

Сам профессор с супругой остались руководить окончательной фазой ремонта. Антон с Викой и её маленьким сынишкой добрались до хутора без особых приключений, но фермер, встретивший их на причале, был как-то странно рассеян, и, как будто, прятал глаза от прощупывавших взглядов профессорской дочери, становившейся всё более и более подозрительной.

– Куприяныч. Давай начистоту. Что-то случилось?

Куприяныч жалко как-то улыбнулся и, наконец, выдал из себя:

– Да появились в наших краях какие-то «партизаны»-антиглобалисты.

– И что?

Опять тишина. И тяготно так стало – как будто компьютер завис.

– Ну, давайте, что тянуть кота за хвост!

И, не дождавшись ответа, уже решительно:

– Остановите трактор!

Куприяныч притормозил. Виктория была властной в отца.

– Давайте всё начистоту.

– Вот что, Александровна. Болтаются тут банды этих «партизан», жить стало в наших местах беспокойно. Грозилась поселиться на вашем хуторе эти самые антиглобалисты.

– Так какого рожна Вы ничего не сказали отцу?

– Пригрозили они, что если я проболтаюсь о них, то они всё равно скроются, да только меня самого прикончат, а если я скрываться буду, то пожгут всю ферму...

– Так, понятно. В полицию сделали заявление? Понятно, не сделали... Ну хоть с агентами Службы Безопасности могли выйти на связь? Ну, дела... Что же нам теперь делать на ночь глядя в лесу? Антон, что будем делать!?

– Да придумаем что-нибудь, всё равно назад пути нет, катер будет только завтра. Может быть, переночуем у Куприяныча?

Фермер как-то совсем сник.

– Ну, нет – так нет. Слушай, Куприяныч, ну если не рассчитываешь на полицию, что ж «крышу» свою не подключаешь?

– Да какая там «крыша»? Как перешли на безнал по этим проклятым чипам, так и крышка настала всем нашим «крышам». Одно время пытались организовать такую схему: типа услуги всех членов альтернативного экономического сообщества этим банком информации конвертировались в баллы криптовалюты. Да как-то не сложилось.

– Ну, ладно. Нам сейчас не до политэкономии, – оборвала Куприяныча Виктория. – Что будем делать!? Антон!?

– Значит, сделаем так. Куприяныч, одолжите, пожалуйста, парочку фонарей с датчиком движения и парочку камер наблюдения. И помогите запустить генератор на хуторе профессора, я со старинной техникой не особо дружу...

– А зачем тебе датчики и камеры? У меня камера рабочая только одна.

– Ничего, давайте столько, сколько есть. Тут как раз я разберусь сам – что к чему.

– Куприяныч, а теперь расскажи: что собою представляют эти «партизаны»? Чего они хотят? С кем воюют и ради чего?

– Да разные они. Есть такие, идейные. Одни называют себя черносотенцами, они считают, что мы живём при антихристе. Другие – красные бригады – те атеисты-анархисты и просто борются против Системы. Есть просто банды любителей экстрима. А, ещё изредка забредают сюда мусульманские отряды.

– Какова численность отрядов?

– Наши – и красные и чёрные – ходят тройками, исламисты – пятёрками. Экстремальщики и простые мародёры – по-разному.

– И Вы не сообщили об этом в отдел по борьбе с терроризмом! Ну, подождите, дорогой Куприяныч, так это оставлять нельзя!

Куприяныч посмотрел на Викторию как-то не очень хорошо, но промолчал.

– Ладно, генератор я запущу. Всё, что просит Антон, принесу. Об остальном поговорим позже. Тут спешить некуда.

Антон разжёт малую печь-«грубку» и по-хозяйски поставил на плиту, помимо чайника, большую кастрюлю с водой. Виктория пошла осматривать дом. В буфете она обнаружила пачку чая, пакет сахара и консервы, которых она не оставляла два месяца назад, уезжая отсюда. Кроме того, в прошлый приезд на хутор, она привезла сюда из покидаемой квартиры в Москве часть бумажных книг. И они были расставлены на полке не в том порядке.

С одной стороны, тот факт, что незваные гости не оставили после себя свинства, приятно удивил её. Но, с другой стороны, эти следы указывали на то, что незваные гости намерены сосуществовать с ними всерьёз и надолго. Несколько успокаивало то, что всё равно с этими, видимо, придётся смириться. А отсутствие следов вандализма и даже грязи говорило о том, что «партизаны» соблюдают какой-то кодекс чести.

Тем временем Антон установил фонари с датчиками движения. Затем прикрепил на видном месте фасада дома камеры (причём одна, действительно, была нерабочей). Теперь их временное жилище уже не выглядело так сиротливо и беспомощно. Вскоре комары загнали его внутрь помещения, и началось ожидание.

Виктория была «мужиком в юбке», обладательница не только характера, но и способностью к принятию окончательных и непреклонных решений, становившихся результатом холодного рационального расчёта. Год назад она выставила за дверь красавца-итальянца, своего бывшего мужа. Такая не только в горящую избу войдёт, но и с поджигателями управится. Антон тогда ощутил решимость и силу, которой было исполнено всё существо женщины, в которую он был давно и безнадежно влюблён.

И ему было стыдно за себя. Что греха таить: сердце сжималось от страха ожидания предстоящей встречи. Хотя ум подсказывал: «В этой ситуации можно было бы усмотреть Перст Судьбы. Ситуация складывалась таким образом, что он вполне мог бы совершить нечто, способное преподнести в глазах этой женщины его, заурядного младшего научного сотрудника филиала Института Коммуникации, человеком, способным на нечто. А ситуация такова, что тут теперь или – или. Или он решит проблему контакта таким образом, что они останутся победителями, или эти дни на профессорской даче вполне могут стать последними днями его жизни. А то и последними часами...»

Наконец, датчики движения сработали.

– Двое, – коротко сказала Виктория, быстро выглянув в окно.

– Так. Будем блефовать. Пока они не успели опомниться.

– Я с тобой!

Быть может в ином случае Антон и изобразил бы какую-то позу, но теперь он понимал, что Виктория будет полноценным соратником.

– Так, кто такие? Кого мы ищем?

Один из гостей сглотнул слюну и ответил вопросом на вопрос?

– А вы кто такие?

– Мы – хозяева этого дома. А кто такие вы, мы узнаем уже через несколько минут. Стрим нашей встречи транслируется по пакету адресов. Так что Система по мордам ваших лиц распознает и ваши коды. И получите свою дозу стрессоров. Начнёт вас корёжить на камеру – значит, это вы и есть, идентификатор не ошибся.

– Получите тогда уже парализующий заряд.

Сказанное, однако, не возымело никакой реакции на «партизан».

– Не получим.

– ?

– Не получим мы никаких ни стрессоров, ни шокеров, ни шмокеров, – ехидно ответил один из ночных гостей и заметно смелел. – Не получим, потому что мы не прочипированы. Так что напрасно прикрутили вы к дому свои игрушки.

Второй «партизан» тоже перешёл в контратаку:

– Ладно, хватит болтать, нашли чем нас запугивать. Мы устали и хотим есть. Надеюсь, вы не заставите нас ждать с ужином. Скоро сюда подтянутся наши люди.

Антон почувствовал, что какая-то посторонняя сила наполнила всё его существо и даровала уму ясность и воле – необходимую твёрдость.

– Вот, что, господа-товарищи анархисты. Или кто там вы. Никакого ужина мы вам готовить не собираемся. В дом входить вам я не советую. Потому что помимо прочих адресов стрим я отправил на номер семь семь-восемь-шесть семь-восемь-шесть.

И выждав кратенькую паузу, добавил.

– Вы можете наплевать на мой совет. Но я не советую этого делать.

– Семь-восемь-шесть – это позывной исламистов. Это номер Аскера? – Спросил второй «партизан».

– Это номер Эмиля Асчерова. – Спокойно ответил Антон.

– Почему же тракторист ничего нам не говорил?

– Я спрошу его завтра об этом. А сейчас нам всем нужно отдыхать. Всего доброго.

И не давая «партизанам» опомниться, Антон обнял Вику за плечи и они не спеша вошли в дом. Затворив за собой дверь, Антон велел Виктории подняться на второй этаж и наблюдать оттуда за происходящим. Сам он прислонился к стене и ощутил, как силы покидают его и всё тело начинает бить дрожь.

Всё – от начала до конца было чистым блефом. У них не было номеров антитеррористической службы. У него не было никаких намерений выходить среди ночи на связь по тому номеру, который ему несколько лет назад дал кавказец. Этот джигит уже мог десять раз забыть об их случайном знакомстве. Тем более, что воспоминание вряд ли было столь уж приятным для этого воинственного ребёнка гор. В конце концов, какое качество изображения могла транслировать одна единственная камера. Да мало ли что.

Антон достал из рюкзака плоскую чекушку коньяка и лил себе в горло до тех пор, пока не перехватило дыхание.

«Итак, помимо «религиозников», отказавшихся от чипирования, и целого слоя разного рода фрондёров-лириков, официально сбежавших из агломераций, существуют целые субкультуры, состоящие из групп людей, никогда не связывавших себя с Системой. И теперь нужно будет выработать модель поведения при встречах с представителями этой субкультуры».

Из задумчивости его вывел скрип ступеней лестницы. Виктория позвала его:

– Антон, они ушли в сторону фермы соседа. Пошли спать.

Она подождала, пока Антон поднимется к ней, и взяла его за руку.

– Нет, не сюда, тут Тошка спит. Нам – в эту комнату.

11. Окончание похода в магазин за поллитрой

«Внимание! Молодые люди без средств индивидуальной противоэпидемической защиты. Немедленно становитесь!»

Резкий крик мегафона вернул Антона из мира грёз. Они с Фомой дошли уже почти до окраины городка, но как раз именно на выезде стояла машина оперативного патруля СЭКС-а. Патрульные обратили внимание на лиц, прогуливающих без масок и перчаток, и решили провести с ними профилактическую беседу. Вот из машины медленно вылезли в своих «скафандрах» стражи Санитарно-Эпидемиологического Комитета и не спеша направились к нашим героям.

Так, теперь они снимут с чипов на запястьях все медицинские и прочие паспортные данные, и через несколько часов Фоме и Антону придётся объяснять агентам – на основании какой такой причины они пренебрегли собственноручно данными ими письменными обязательствами, – и самовольно покинули территорию Филиала?

– Бежим! Быстро!

Стражи СЭКС-а не сразу сообразили, что подозрительные молодые люди рискнули проявить неповиновение Системе. Но пока они выволакивали из своего саквояжа устройство дистанционного распознавания, подключённое к Управлению Единой Базы Определения Биообъекта, наши беглецы были уже так далеко, что ни электронный, ни, тем более, оптический сканер, не мог дать «космонавтам» никакой вразумительной информации.

Стражи засеменили к своему «бобику», намереваясь догнать наглецов на машине, но тех уже и след простыл.

Антон с Фомой, отбежав за угол, прыгнули в канаву и бегом, пригибаясь и падая на четвереньки, стремительно метнулись в заросли борщевика.

– Пока они будут сканировать лесок, мы прорвёмся к разрушенной ферме, а оттуда – напрямик к Филиалу.

Нахлобучив куртки на манер капюшонов и прикрывая лица от ядовитого сока этого растения, завоевавшего за полвека все те пространства, которые некогда были полями и огородами Нечерноземья, беглецы устремились к полуразрушенному строению, видимо, некогда бывшему складом колхозной фермы. Металлические элементы конструкции были срезаны ещё в докоронавирусную эпоху, но шифер с крыш разобрать для нужд приусадебных хозяйств бывшие колхозники, точнее, их наследники, уже не успели. По причине миграции из этих мест в близлежащие агломерации.

В здании склада наши беглецы почувствовали себя в некоторой безопасности, однако, рассиживаться они не собирались, поскольку необходимо было как можно скорее вернуться в Филиал.

Послышалось приближающееся стрекотание.

– Ну, вот. Запустили «змея». Будут искать нас сверху.

«Космонавты» запустили небольшой беспилотник-вертолётчик, оснащённый сканирующим устройством, а так же «соплями». «Сопли» – это специальный наногель, который выпрыскивался на жертву преследования. И, если цель была поражена, то к одежде или коже преследуемого прикипал сгусток наногеля, который потом мог растягиваться в километровую липкую светящуюся нить, оборвать которую не представлялось возможным. Несчастные жертвы преследования пытались обрывать эти липкие нити руками, палками, чем угодно. Но тщетно, нить просто приклеивалась к пальцам, палкам, чему угодно и растягивалась по мере того, как человек отчаянно пытался убежать от погони. Всё это снималось камерой беспилотника, выхаркнувшего «сопли», и передавалось в качестве «стрима», т.е. трансляции погони в реальном времени.

Сейчас стражи СЭКС-а внимательно следили за изображением, которое передавал беспилотник на устройство дистанционного распознавания. Вот на мониторе появилась крыша какого-то строения, внутри строения – слабо пульсирующие точки жёлтого цвета.

– Опустни ниже – над самой крышей.

Точки стали правильными кружками оранжевого цвета, однако, сигнал был слишком слаб, поскольку крыша – какая ни есть, но ослабляла действие сканирующего устройства.

– Давай отведи в сторону. Пусть решат, что мы их не засекли.

Беспилотник ушёл вверх и в сторону, нарезая круги в стороне от склада. Оранжевые кружки снова стали жёлтыми точками. Беспилотник уходил всё дальше и дальше от места, где были зафиксированы беглецы, однако, не настолько далеко, чтобы жёлтые точки исчезли с экрана монитора совсем.

Тем временем Антон с Фомой, находившиеся в здании склада всё-таки купились на уловку стражей СЭКС-а и решили выбираться из своего убежища, опасаясь, что убежище станет ловушкой.

Продравшись с десятков метров сквозь заросли борщевика, беглецы с ужасом поняли, что стрекот моторчиков, вращающих винты беспилотника, стремительно нарастает.

– Развели нас! Быстро назад!

Думать было некогда, нужно было действовать. Едва отдышавшись внутри склада, Антон взял инициативу в свои руки, отдавая указания быстро и чётко:

– Фома, сейчас они впустят «змея» к нам под крышу и его сканер нас распознает. Может быть ещё и «соплями» запустит. У нас есть только один шанс. Ты становишься у входа. Как только он появится – что есть силы мочи его своей сумкой. Внутри же бинокль? Его веса хватит для того, чтобы сбить «змея». А я его разможжу вот этим кирпичом. Давай! Не подведи!

– Вот он! – Заорал не своим голосом Антон. – Мочи!

Фома слегка растерялся и промахнулся, пытаясь сбить своим импровизированным «цепом» влетевший внутрь склада беспилотник. В этот момент оранжевые круги на мониторе «космонавтов» превратились в красные кольца, внутри которых появились группы цифр. Эти цифры уже через мгновение должны были обратиться в бегущую строку, пересылающего код биологического объекта, зафиксированного сканером беспилотника. Если без помех отослать этот код в УЕБОБ, то тогда не понадобится даже тратить «сопли». Преследуемый биологический объект получит шокирующий разряд, который временно парализует беглеца и стражи возьмут его прямо тёпленьким.

«Космонавты» уже предвкушали, как они возьмут двух нарушителей и получат на свои счета бонусы в размере месячного жалования, как вдруг красные круги исчезли... и монитор предательски погас.

«Змей», избежавший удара сумки с лежащим внутри биноклем, был сбит метким броском кирпича.

– Добивай его! – заорал Антон Фоме, и тот, не жалея прекрасного своего бинокля, что есть силы шарахнул по жужжащему на бетонном полу подбитому беспилотнику.

Жужжание прекратилось, лампочки погасли.

– Вот и хорошо, – тихо бормотал Антон. – Вот и славно. Вот так вам и надо, сволочи!

– Слушай, Антон. Теперь нам реальный срок грозит за сопротивление, порчу и тому подобное.

– Нас ещё поймать надо. Дёргаем!

Когда «бобик» добрался до склада, то беглецов и след простыл. «Космонавты» зашли внутрь, тут же обнаружили обломки беспилотника и, грязно ругаясь, наклонились над этими обломками. Один из стражей пытался включить аварийный тумблер «змея», надеясь на то, что летающий шпион, поверженный коварными нарушителями режима

самоизоляции, успеет отправить информационный импульс на пульт дистанционного распознавания. И тогда они смогут обезвредить даже не нарушителей режима самоизоляции, а организованную преступную группу, совершившую несколько уголовных преступлений. Теперь уже можно было рассчитывать не только на бонусы размеров с полугодовое жалование, но и на повышение по службе.

«Космонавт», возившийся с подбитым беспилотником, так размечтался о грядущем повышении, что снял с себя защитные эпидемиологические перчатки, так мешающие копошиться. Затем снял шлем. Кожа лица почувствовала приятную сыроватую прохладу помещения. И вдруг, что-то в беспилотнике щёлкнуло, зажглась лампочка, раздался предательский писк – и в лицо «космонавта», совлёкшего с себя шлем, ударила тугая струя «соплей». К счастью для размечтавшегося стража, «сопли» выплеснулись не на кожу, а, ударив по пластиковым очкам, срикошетили на волосы. «Космонавт» инстинктивно сдёрнул с себя очки, но «сопли» успели приклеиться к его руке, а отлетавшие в сторону очки потянули за собой светящуюся паутину, в которую умудрился вляпаться и второй преследователь нарушителей режима противоэпидемиологических мероприятий.

Ни о каком продолжении преследования не могло быть и речи.

Антон с Фомой тем временем уже почти достигли Филиала.

– Как думаешь, успел «змей» передать наши данные?

– Ну, раз мы не получили по мозгам, стало быть, не успел.

– Логично. Значит, максимум, что у них есть – это несколько секунд съёмки, которую мог осуществить его сканер.

– Ну, по этим данным нас найти будет уже посложнее.

– Посложнее, но можно будет.

– Хоть бы в экспедицию эту попасть. Тогда уже у СЭКС-а руки будут коротки до нас дотянуться. Да, выходит, замести свои следы мы сможем только лишь если станем по-настоящему нужны агентам.

Высоко над филиалом кружил беспилотник.

– Это не за нами случайно?

– Чем быстрее мы смешаемся с народом, тем меньше будет у них шансов поймать нас. Не такие уж они всемогущие!

– Антон, сейчас мы зайдём ко мне в общагу переодеться, а шмотки, которые на нас, нужно бы спрятать куда-нибудь.

12. В общежитии Филиала. Деперсонализация

Общага Филиала была архаичным зданием, как и все постройки академгородка. Стиль «необрежневского лекорбюзье» был не только снаружи, но и внутри. Никаких турникетов, никаких сканеров. Никаких камер распознавания лиц. Всё по-простому. По-старому!

Ребята решили первым делом принять душ, а потом попробовать раздобыть какую-нибудь приличную выпивку у Бориса Моисеевича.

Моисеевич, как и Антон, имел жильё в городке, но Филиал выделил ему комнату в общежитии, которую он, как уже сообщалось выше, заполнил самым разнообразнейшим имуществом – начиная от всё тех же списанных приборов, технических и научно-популярных журналов, и оканчивая продуктами питания в сухом или консервированном виде. Сейчас же Борис Моисеевич сидел в своей комнате и апатично размышлял на тему суеты сует и всяческой суеты. Дверь в свою комнату он оставил открытой, чтобы хорошенько проветрить помещение.

Мимо прошмыгнул запыхавшийся Антон, который тоже имел какое-то жильё в городке и своей комнатой в общегаге пользовался крайне редко.

Достав из кофра гитару, Борис Моисеевич подстроил её и стал тихонечко наигрывать, как он обычно поступал в минуты тягостных раздумий.

После того, как наступил Великий Кризис постиндустриального мира, случившийся ещё во время первой волны коронавируса, в Евразийской Конфедерации (тогда называвшейся ещё Федерацией) начался ренессанс позднесоветской эстетики. Ответственные работники отдела пропаганды и агитации вдруг вспомнили, что помимо Коркира Филиппова и бледнорожих негров, мямлющих свои тягомотные рэпы, существует огромный пласт песенной культуры.

И Борис Моисеевич – тогда ещё молодой и ещё полный энтузиазма относительно возможности оздоровления нарда посредством культуры – стал звездой возрождённого КСП. Это был уже не тот позднесоветский КСП, который он успел застать в отрочестве, нет. Уже не было наивного и свершено беззастенчивого подражания кумирам оттепели шестидесятых, теперь уже люди, пытавшиеся что-то созидать, успели переболеть и новейшими ритмами бетонных джунглей, и побегами в бутафорскую старину. Весь этот опыт давал некоторый шанс на успех предприятия в целом.

А просеяв за десятилетия десятки тысяч стихотворений, сиротливо растыканных по поэтическим сайтам, он сумел сформировать свой оригинальный репертуар из полусотни песен, каждая из которых была потенциальным шлягером.

«...Скрипнет уключина –

Детства созвучие.

Вечное: как бы успеть...»

Но шлягерам его произведениям стать было не суждено. Пока Борис пел в Домах Творчества реанимированных академгородков, радуя физиков и лириков, всё было хорошо. Но дорога в профессиональный шоу-бизнес, – пусть и очищенный от «киркоровщины, блатняка и рэпа», – была для него закрыта.

Хотя по этой дороге пошли другие люди, с другим багажом и совсем иным настроением, «темой рулили» всё те же. Всё те же «цари Мидасы», превращавшие в ширпотреб всё, к чему бы они ни прикасались. Не получилось у социал-мичуринцев создать что-то живое и животворящее. Слепили очередные муляжи.

Ну, что поделаешь. Нет, так нет. Зато благодаря тому, что он когда-то был близок творческой элите Конфедерации, причём это была действительно элита, а не пошлая свора скоморохов шоу-бизнеса «эпохи Алисы Болотниковой», благодаря этому удалось пристроить своих любимых дочерей, выдав их за порядочных и милых молодых людей.

Один из них, несколько напоминающий Антона, сейчас работает в команде архитекторов, занимающихся строительством агломерации «Ур Халдейский».

«М-да... Пожалуй, нужно было не тормозить, а уезжать, пока границы были открыты... Захотелось, тщеславному дураку славы Великого Барда. Теперь остался у разбитого корыта».

За стенкой, в комнате, которую занимал Антон, послышалась какая-то возня, и на Бориса Моисеевича что-то нашло.

«Одиночество – это когда один. Ночью // Одни очи. Один «Отче»...»

Однако, за стеной что-то происходило!

Возня, вырвавшая Бориса Моисеевича из состояния светлой печали, была произведена Антоном, который вдруг с ужасом обнаружил, что всё его тело буквально на глазах покрывается волдырями.

Обнаружив эту ужасную вещь, он ткнул кончиками трёх пальцев себя по чипу, вставленному на лбу, а затем прижал большим пальцем левой руки чип, вживлённый на запястье левой руки. Выйдя в пространство всепланетной ноосферной сети, он попытался связаться с Фомой. Фома почувствовал сигнал и вышел на связь.

– Антон, что за срочность? Сейчас же увидимся в реале?

– Фома! Я весь в волдырях! Наверное, сок этого проклятого борщевика!

– Да нет у тебя ничего такого!

– Ты не можешь видеть меня таким, какой я есть. Ты видишь сейчас тот образ, который остался в твоём сознании после нашего последнего разговора в реале.

– Ладно. Бегу к тебе. Конец связи.

По коридору мимо раскрытой двери комнаты Бориса Моисеевича пролетел Фома, без всяких стуков ворвавшийся к Антону. Тот стоял посреди комнаты, ошарашено глядя в зеркало, оставленное на память о бывшей обитательнице этой комнаты.

– Фома, что со мной? Это борщевик? Или какая-то аллергия?

Фома с недоумением таращился на Антона: на его коже не было и ни волдырей, ни каких бы то ни было покраснений.

– Слушай, брат. Ты меня видишь? Слушай, пока ещё ты можешь соображать, слушай и соображай. Кто-то вошёл в Систему и транслирует тебе в башку импульсы, которые провоцируют лошадиные дозы стрессоров. Эта хрень вытаскивает из твоего подсознания образы, которые смешиваются с тем, что видят твои глаза и ощущает твоя кожа.

Антон зажмурился изо всех сил, пытаясь таким образом выйти из состояния морока.

– Во что бы то ни стало мобилизуй свою волю и останови действие этого наваждения. Читай мантры, молитвы, что угодно! Иначе они... Включат тебе «кино про Навуходносора».

Антон открыл глаза и вздрогнул от ужаса.

То, что несколько секунд назад было Фомой... теперь превратилось в уродливого рептилоида. Такого, как их изображают в самых непритязательных комиксах, спекулирующих на суевериях, связанных с конспирологиями. Рептилоид продолжал говорить:

– Ну, ты же должен помнить, как работает это кино. Это же классика экспериментов по дистанционной деперсонализации! Сопrotивляйся! Автометаморфозе можешь противостоять только ты сам! Господи, Антон, сопротивляйся же! Это всё морок!

Антон посмотрел на свои руки.

Волдыри превратились в гноящиеся язвы.

– А ты, Фома. Оказывается. Рептилоид. Ха-ха. И ты тоже...

«Всё, это конец». В голове усиливался звон, в котором растаяли звуки голоса «рептилоида» Фомы. Звуки слов то растягивались и плавилась, превращаясь в его угасающем сознании в вой, рассыпающийся потом с треском и щелчками. То, вдруг слова сворачивались в какие-то сюрреалистические разноцветные косички, щебечущие птичьими голосами.

«Анто-о-он... надави-и-и н-на глаза пальцами!» сквозь пелену бреда слышал он голос, по-видимому, принадлежавший Фоме. «Если я начну раздваиваться... значит я – то, что ты видишь глазами. Если нет – значит, это образ, которым ты галлюцинируешь».

Но Фома увидел, что Антон уже отключается... Обмякает, медленно опускается и ложится на пол. Говорить дальше было уже бессмысленно, и он решил действовать не мешкая.

Первым делом он заскочил к Борису Моисеевичу.

– Борис Моисеевич! Беда. Некогда объяснять. Антона плющит. Деперсонализация. Ему включили кино про то, что он гниёт заживо. Ваши балконы смежные, залезьте к нему на балкон и следите оттуда за ним. Старайтесь, чтобы он вас не увидел. А то Ваш образ в его сознании превратят в какую-нибудь хрень. Я бегу к Вике, она должна знать – как выводить людей из этих состояний.

Фома выскочил из общежития и побежал в сторону жилых коттеджей академгородка, которые находились через парк от корпусов Филиала. Вводить её в курс дела при

посредстве Системы Фома не хотел, дело было весьма деликатным. Впрочем, он предупредил Вику о том, что необходимо срочно обсудить очень важное дело.

Антону казалось, что он уже полностью растворён в разноцветном «мультифильме», лишившем его последних остатков твёрдой опоры осознания себя личностью.

Смирившись с тщетностью противоборства разрушающей его сознание силе методами аутотренинга, в угасавшем сознании мелькнуло:

«Боже мой. Зачем Ты меня оставил? Впрочем. Это я. Оставил Тебя. Уже давно. Поделом мне»...

Теперь уже Антон отчётливо увидел себя со стороны, начал будто бы подниматься, пока не ощутил сильный удар головой о какую-то твёрдую преграду. «Мультифильм» погас. И в следующее мгновение Антон открыл глаза и увидел над собой потолок своей комнаты в общежитии.

Он приподнялся. В голове оставалось эхо какого-то удаляющегося звона, но в целом – всё возвращалось на круги своя. Кожа рук была чистой. Никаких гнойников.

«Хорошо. Стук в дверь. Открылась. Это ещё кто такой?»

– Фома. Ты, почему-то, в моём сознании похож на агента. То был рептилоидом. Теперь превратился в агента «Смита».

– Антон Павлович, я не Фома. Я пришёл говорить с Вами серьёзно.

В дверь зашёл кто-то, похожий на одного из этих безликих «агентов Смитов».

Часть третья

1. Антона первым из сотрудников Филиала пригласили в состав

Борис Моисеевич аккуратно перебрался на свою сторону балкона, а затем, бесшумно полавировав между стопками книг и журналов, медленно опустился в кресло. Только что из комнаты Антона вышел один из этих «агентов Смитов».

«Нет, не один из безликих агентов, а, видимо, какой-то особенный агент. Не простой оперативник, а из тех, кто принимает решения.

Господи, как я устал бояться всех и вся... Хочу одного: прийти к себе в Дом, а не в эти бесконечные комнатки общаг... И не в гроб «капсулы доживания», где тебя, убаюкав бесконечными сериалами, незаметно усыпят на веки вечные, включив дистанционную программу деперсонализации. Потом за таким «овощем» приедет наряд санитаров, которые уволочут тело одинокого деперсонализованного человека для своих вивисекций. Разбирать на запчасти, отсортировывая годную для трансплантаций требуху от никчёмной. И никто и искать меня не будет. Отправят по этой проклятой сети соболезнования дочерям. И концы в воду».

По коридору затопотали шаги спешащих на выручку товарища наших мэнээсов, ещё не догадывающихся о том, что топочут они на встречу с тем, от кого – в числе прочих – будет зависеть и их будущее. Топочут к тому, кто уже назначен в состав.

Антон продолжал сидеть на полу, в той самой части пространства комнаты, в котором его оставил убежавший за подмогой Фома.

Когда агент зашёл в его комнату – как давно это было? – когда агент зашёл в комнату, то Антон, только что переживший шок от соприкосновения с состоянием деперсонализации, воспринял его появление совершенно равнодушно. Из чисто научного интереса надавил себе пальцами на глазные яблоки. Агент, объявивший о том, что он – это он, а вовсе не Фома, – на мгновение раздвоился. Это подтвердило тот факт, что гость не является продуктом наваждения.

– Антон Павлович, я не Фома. Нам есть о чём с Вами поговорить.

Антон указал непрошеному гостю на стул, а сам отодвинулся к стене, упёршись в неё спиной.

– Я посижу на полу. Вы не против?

Агент пропустил это мимо ушей и продолжил, аккуратно усевшись на стуле:

– Антон Павлович, Вы знаете, что Вам грозит, если «космонавты» идентифицируют Вашу личность и передадут Вас копам?

– Копам, копам, землекопам... – апатично пробормотал Антон.

– Соппротивление представителям СЭКС-а. Выведение из строя дорогостоящего оборудования. Могут деперсонализировать Вас на несколько лет. А потом Вы очнётесь – а у Вас почки не хватает. Или ещё чего-нибудь. Это же мясники. Их не интересует наука. Их, на самом деле, не интересуют проблемы планетарного масштаба. Им нужно, чтобы их тупо боялись.

– А вам не нужно того же самого?

– Нам. Не нужно. Чтобы нас боялись. Нам нужно. Чтобы нас уважали. И верили нам.

– «Если ты веришь мне, ты пойдёшь со мной. Если ты веришь...» – Всё так же отстранённо процитировал Антон.

Ему совсем не хотелось утруждать себя разговором. Все события сегодняшнего дня опустошили его. Но, вместе с тем, он испытывал какое-то странное чувство, как будто из ранки выдавили гной. И пусть его душа и не наполнялась чем-то, вселяющим внутреннюю силу и уверенность, но, во всяком случае, избавилась от того, что нудило его своей инородностью.

– Антон Павлович. Я сейчас предложу Вам кое-что. Но речь идёт не о примитивном шантаже. Не покупкой Вас, спасением от неминуемого наказания по статье такой-то Свода Законов Криминального Кодекса Евразийской Конфедерации.

Антон взглянул в лицо агенту – впервые за эти несколько минут. И ему показалось, что лицо это он уже когда-то видел.

– Вы, Антон Павлович, обладаете рядом достоинств. Обладание этими достоинствами позволит Вам исполнить... решить одну специфическую задачу.

– Я что, не реагирую на какие-то особенные излучения башен зомбирования? – и добавил:
– Реагирую. Очень даже реагирую. В обоих смыслах.

– Остроумно. Мы тоже с одноклассниками в молодости любили щеголять цитированием фраз, принадлежавших героям любимых книг и старинных кинофильмов.

Да и голос агента показался Антону тоже как будто знакомым. Он ещё раз присмотрелся к агенту, и, кстати, обратил внимание на то, что у собеседника на лбу не было чипа.

«Странно. Разве их не прочипировали?»

Но вслух спокойно вымолвил:

– Вы – серьёзный человек. Представляете такую контору убедительную... Давайте уже по существу. И, кстати. Как мне к Вам лично обращаться?

– Антон Павлович, мы с коллегами прибыли в Филиал для того, чтобы отобрать нескольких специалистов, которые войдут в состав одной экспедиции. Помимо того, что Вы обладаете определёнными знаниями в интересующей нас области, Вы проявили способность к решительным действиям. И, главное, Ваша психика выдержала деперсонализирующее воздействие. Это, пожалуй, стало основным аргументом в пользу того, чтобы мы остановили свой выбор на Вас.

Агент встал.

– О деталях будем разговаривать завтра.

И, подойдя к двери, обернулся. Ещё раз встретившись взглядом, произнёс:

– Можете называть меня Дон Кихотом.

2. Воспоминание Антона №3. Дон Кихот

Дон Кихот появился в их жизни совсем некстати.

Антон раскрыл глаза в то время, когда «скоро утро, но ещё ночь». Ночь была тихой и даже безветренной, однако, где-то далеко раздавались приглушённые раскаты грома, и картина леса, заключённая в раму окна – от одного края к другому – подсвечивалась сполохами молний.

Антон широко распахнул окно, задёрнутое противокмаринной сеткой, и вернулся в кровать. Как-то всё прошло не так, как мечталось ему. И вообще, что-то его неотступно беспокоило. Ощущение прикосновения к счастью более не возвращалось.

Нет, дело то не в каких-то там морально-нравственных проблемах. Таких проблем он, как раз, перед собой не видел: Вика была фактически свободной женщиной, уже больше года не жившая с бывшим мужем под одной крышей. Быть может, проблема была внутри его самого? И не моральная проблема, а духовная? И камешком в башмаке, доставляющим беспокойство его душе, являются не какие-то возвышенные принципы, но нечто, точнее, Некто, с Кем ниточка духовной связи ещё не была утрачена окончательно...

А вот в Церкви Антон не был уже давно.

Первая волна ежегодных коронавирусов выставила церковь земную не в самом лучшем свете. Антон хорошо помнил то чувство неловкости, которое овладело им в храме, в котором строго исполнялись все предписания Санитарно-Эпидемиологической Комиссии. Впрочем, нет. Тогда ещё Комиссия не называлась так, как она называется сегодня. Тогда это было не отделение всепланетной структуры СЭКС. Это была просто какая-то организация, формально подчинявшаяся местному губернатору.

Памятна эта растерянность, которой был охвачен архиереем. Тот самый, который ещё вчера почитал себя сидящим одесную губернатора, а сегодня уже осознавший свою полную зависимость от микроскопических клерков СЭКС-а. Точнее, не СЭКС-а, а просто каких-то эпидемиологов. Это позже они станут частью всепланетной Системы. Позже.

В Церкви сказали, что спастись можно и дома.

Святой Антоний, небесный покровитель Антона, спасался же. И ничего. Спасся. С Божией помощью.

Антон пытался объяснить своим знакомым священникам, что пойдя по этому пути, по пути проповеди автономного спасения, Церковь подтолкнёт людей к протестантизации сознания. Ибо сказав «А», нельзя будет отвертеться ни от «Б», ни от всего последующего смыслового ряда.

Свою мысль он иллюстрировал мыслью Л.Н.Толстого, которая стала девизом расцерковления сознания: «Если все грехи за меня свершил Адам, а потом все грехи за меня искупил Христос, то что же остаётся мне: всего-то расписаться в получении?»

Слова эти горькие показывали вовсе не то, какими плохими и бездуховными были наши разночинцы с пишущими дворянами. Просто дело спасения души ради Жизни Вечной понималось именно так: исполнил религиозный закон – получиай «билетик на Лестницу в Небо».

«Как же так!» – думал Антон. «Ведь был уже тогда адаптирован главный труд прп.Паисия Величковского. И что мешало вырвать церковное сознание из паутины схоластики, сплетённой в католических бурсах Польши, а потом навязанной у нас, на Руси, в качестве «единственно правильного учения»?

А ведь были же уже тогда известны мысли великого Хомякова, о том, что Церковь – это не политическая партия, включающая в свою программу некий религиозный элемент, но нечто, принципиально иное. Хомяков учил, что Церковь – это действие Благодати Духа Святого в душах, открытых этой божественной энергии.

Но нет. Святость известных наших подвижников не осмыслялась в этих контекстах. Может быть, по своему оно и неплохо – иначе смастерили бы какую-нибудь

«православную йогу». Но не смастерили. А просто выплеснули с водой немецких философий да латинских схоластик и самого младенца веры.

Вот и сейчас.

Если с экранов телевизоров рассказывать самоизолированной пастве о том, что «спасаться можно и дома», то тогда сам собой напрашивается вопрос: А вы сами-то для чего тогда нужны? Для того, чтобы организовывать освящение куличей и пение колядок? Для того, чтобы демонстрировать этим самым одну из пресловутых «скреп»?

Вопросов возникло тогда много, но ответы на них так и не прозвучали, поскольку людей, таким образом ставивших вопросы, обозначили в качестве «антицерковных либеральных подстрекателей к майдану», и этого охранителям показалось достаточным.

Настроения же, тем не менее, никуда не исчезли. Носители такого обидного прозвища распространились в том тонком слое жителей Евразийской Конфедерации, которые всё ещё почитали себя в качестве носителей русской православной культуры.

И когда суждено было случиться нестроениям, народ, точнее, представители тонкой этой прослойки, заметались из одной крайности в другую. Прослойка-то тоненькой оказалась, ведь для основной массы народа эти проблемы были, мягко говоря, «не особо актуальны».

Антону были интеллектуально близки те, кого обзывали «лютеранствующими». Но, получалась вот какая штука. Хотя люди эти высказывали мысли, созвучные тому настрою, который присущ был молодому религиоведу, на практике получалось так, что общаться с носителями этих идей не представлялось возможным. Отцы эти лютеранствующие, а также их духовные чада в живом общении чаще всего оказывались изрядно тщеславными. А то и просто гнилыми.

Ревнителю благочестия были симпатичны Антону как личности, но он совершенно не собирался отождествлять себя с тем корпусом идей, за который новые старообрядцы готовы были положить свой живот.

Антон признавал, что наиболее трезвой и взвешенной позицией является то, что озвучивает официальная Церковь.

Так-то так, да вот что-то в нём сломалось. И условный «баламут» протоптал в его душу аккуратную тропинку, регулярно посещая эту душу и тщательно лелея в ней ростки скепсиса.

В храм Антон больше не ходил.

И если поначалу душа его ещё могла ощущать какую-то пустоту после совершения им неких грехов, тем более, грехов осознанных, то по прошествии некоторого времени чувства эти, некогда томившие душу, куда-то ушли.

И сама вера, точнее, различные традиции осмысления православной этой веры, стали восприниматься специалистом по установлению связей между цивилизациями просто в качестве практических примеров эсхатологических мировоззрений.

Не более того.

Свежий предутренный воздух наполнил комнатку, и Антон укутался в одеяло, предвкушая пару часиков утреннего сна.

Рассвело.

В сетку что-то ударило.

«Жук, что ли?» – подумал Антон и встал с постели.

Удар повторился уже в другой части сетки.

Выглянув из окна, увидел незнакомца, стоявшего прямо под окном. Тот, заметив Антона, приветливо помахал рукой и произнёс негромко, но достаточно властно:

– Доброе утро. Мир Вашему дому. Выходите, есть разговор. Да. Пока не нужно будить хозяйку, пусть они с сынишкой отдохнут с дороги.

Что-то подсказывало Антону, что блеф больше не сработает. Но если новые гости не отморозки, то нужно, как минимум, держать себя с достоинством и спокойно выяснить: насколько реально дальнейшее беспроблемное сосуществование с представителями внесистемных сообществ. Сообществ, которыми, видимо, кишела обезлюженная провинция Нечерноземья. Впрочем, с достоинством следует вести себя даже в том случае, если гости окажутся отморозками. Так что... «наверх вы, товарищи, все по местам!»

Антон вышел на крылечко и сразу же увидел лежащие на крылечке скрученные камеры слежения.

– Вот, пока вы отдыхали, мы решили не терять времени и демонтировали это. Отнесём фермеру. Это же его имущество.

– Так это он рассказал вам о том, что мы приехали?

– Да он предупредил нас заранее. И мы временно перебрались к нему на ферму.

– Перебрались?

– Перебрались. На хуторе профессора нам, конечно, удобнее. Но мы уважаем частную собственность, поэтому хотим заключить с вашей спутницей сделку.

Антон поёжился от утренней лесной сырости.

– Пока они отдыхают, давайте пройдем в летнюю кухню. Там брат уже вскипятил чай. У нас там баллон газовый стоит, чтобы всякий раз печь не растапливать. В Средние века, если помните из школьного курса истории, люди никогда не завтракали горячей пищей.

В летней кухне, представлявшей собою, скорее, беседку с двумя глухими стенами, частично укрывавшими от ветра, сидел смиренного вида увалень с аккуратно подстриженной бородой. При приближении «главного партизана», он встал и поставил на стол алюминиевый чайник.

«Партизаны» повернулись на восток и, осенив себя двуперсными знаменами, расположились за столом. Антон тоже присел. Подумав, он тоже перекрестился. Правда, троеперстием.

В уголке беседки Антон заметил небольшой образок. Видимо, «партизаны-черносотенцы» тут обосновались всерьёз и надолго.

– Куприяныч нам ничего не говорил о том, что на хуторе теперь тайный скит, – Антон решил начать разговор по существу, поскольку полагал, что его отмалчивание будет восприниматься как паническая трусость.

– Ну, не совсем скит, – отхлебнув горячего настоя, заметил «главный».

«Главный» не выглядел «лесным человеком». Его «испанская» бородка была идеально подправлена, его пальцы не были похожи на пальцы человека, ведущего образ жизни в экстремальных условиях. Наконец, его одежда не издавала того резкого запаха пота и дыма, по которому можно безошибочно распознать людей, обитающих вне цивилизации.

– Если не совсем скит, – продолжил Антон, – тогда дела наши плохи.

– Вот как? Это почему же Вы так решили? – спросил «испанская бородка».

– Ну, конспирацию же должны вы соблюдать. Зачем вам свидетели?

– А, свидетели, – отхлёбывал чай «испанская бородка». – Да, Вы правы. Свидетели нам не нужны.

Допил чай, перевернул кружку вверх дном, и, отодвинув её от себя, посмотрел Антону прямо в глаза:

– Свидетели не нужны, но это же не значит того, что мы будем превращаться в душегубов.

И, неприятно рассмеявшись, продолжил:

– У Вашей спутницы прекрасный хутор. За которым мы присматриваем, отгоняя от него всяких бродяг экстремалов и не позволяя занять его бойцам «красных бригад». У нас с ними заключены определённые конвенции.

И, переглянувшись со смиренным увальнем, продолжил:

– И потом. Если бы мы решили вас убрать – как ненужных свидетелей, то вас бы начали искать. Сюда прилетели бы вертолёты с оперативниками. Те обнаружили бы, что на хуторе кто-то обитает. Даже если бы не раскололи фермера, – «испанская бородка» опять неприятно рассмеялся, – то есть, если бы нам пришлось убрать и его... То многое операм показалось бы странным. Устроили бы тут засаду. Наставили бы настоящих «жучков», а не эту бутафорию, которой вы вчера отпугивали бродяг-экстремалов.

Теперь уже и смиренный бородач изобразил лёгкую форму восторга.

– Так скажите, ради осьминога: а оно нам надо? Проще договориться с Вашей спутницей об условиях пользования хутором на принципах кондоминиума. Вы приехали, мы подвинулись ненадолго. Вы уехали, мы вернулись.

Дверь домика заскрипела, и на сцене появилась заспанная Виктория. Увидев новую порцию незваных гостей, её сразу же и понесло:

– О! Господа поджигатели. Собственными персонами. – И, подойдя к чаёвничавшим, добавила: – Или не господа, а товарищи?

– Да вот, видимо, не товарищи, а «братья», – подал голос Антон.

– Братья? Братья-иллюминаты? Или Братья-розенкрейцеры? А ну давайте, признавайтесь: когда поджигать нас будете?

Вика умела «гнать волну». Говорила, вроде бы, колкие вещи, причём делала это без малейших признаков клоунады, как бы совершенно серьёзно. При этом в интонациях не было и намёка на сварливость.

– Мы – братья во Христе, – подал голос смиренный увалень.

– «Во Христе». «Высокие. Высокие отношения!» Соседа нашего вы собирались сжечь как: на костре, как инквизиторы? Или внутри сруба, как отечественные радетели общественной нравственности?

– Виктория, послушайте, – «испанская борода» решил, что хозяйка уже окончательно проснулась, и можно поговорить с ней по существу. – Да, мы не знакомы, но Куприяныч рассказал нам о хозяевах хутора.

– Нам он о вас ничего не рассказывал.

– Ну и правильно делал. Расскажи он вам о нас, вы бы донесли в антитеррористическую службу. Система навела бы тут шороху ненужного. Мы бы лишились лесного жилья. Да и вы бы, кстати, тоже. Все же знают, что получить разрешение на проживание в зоне действия контртеррористической операции нельзя. Сообщили бы «куда следует», и лишились бы дачи в заповеднике. Вам это надо?

– Зато теперь вы устроили в нашем доме свою «ложу». Или боевой монастырь? «Православный Шаолинь»?

– Ну, устроили. А где нам его устраивать? В заброшенных деревнях необъятного нашего Нечерноземья? Так избушку нужно ещё в порядок привести. И потом, вдруг дирижабль-беспилотник Метеоцентра засечёт появление жилья в вымершей местности? Нам это не нужно.

– Хорошо. Фермера вы шантажируете, и он вас кормит-поит и привечает. Сообщает о приезде хозяев хутора, который вы превратили в ложу, точнее в свой схрон. Но зачем вы нам всё это выкладываете? Не логичнее ли было вам сделать вид, что вас вообще нет, обождать недельку, пока мы тут погостим?

– Во-первых, вы бы заметили следы нашего присутствия в своём доме. Это бы вас насторожило. Во-вторых, вы бы сегодня припёрли к стенке Куприяныча. Вы – дама

энергичная, волевая. Авторитетная. Куприяныч бы опятьбрякнул какую-нибудь ерунду про поджигателей. Ну, и, наконец, третье. Мы же не собираемся до конца своих жизней прятаться. Мы ищем своих единомышленников. А как их найти, если не расширять контакты с представителями творческой и научной элиты?

– Ага, вы, значит, робин-гуды, благородные разбойники. И хотите нас завербовать в свою ложу. Понятно. Ну, вот что, господа дон-кихоты, с вами всё понятно. Живите. Заодно за домом присмотрите, а то шастают тут всякие. А сейчас мне нужно ребёнка будить и завтрак ему готовить. Так что до новых встреч!

«Испанская бородка» взял со стола свою кружку и встал.

– Да, вот ещё что. Как Вас величать-то?

– Можете называть меня Дон Кихотом.

3. Виктория

– Антоша! Ты как!? В порядке? Не ополоумел?

Антон, всё ещё сидя полу, поднял взгляд на ворвавшуюся вместе с Фомой Вику.

«Интересно. Она пришла сюда как медсестра? Как просто сестра? Или не просто как сестра?»

Решив, что мысленный ответ на свой мысленный вопрос может ему не понравиться, Антон решил сменить тему:

– А мы с Фомой ничего не достали. Гранаты оказались не той системы.

И добавил:

– Там без намордников не отпускают в универмаге.

– Да ладно, нашёл время! У меня кое-чего тоже найдётся. В «интеллигентных домах» не одни только бюсты Нефертити водятся.

Когда покойный профессор Архангельский принял решение переселяться из столицы в провинцию, то он не стал следовать по пути своих приятелей, которые покупали «евроизбы» во всяческих коттеджных городках, где ютилась тогдашняя знать и более-менее обеспеченная челядь.

Это переселение было бы, по его глубокому убеждению, неразумным со многих точек зрения.

Жить в таких городках можно только лишь при наличии постоянного дохода, получаемого, само собой, в неких структурах, так или иначе вплетённых в социальную, культурную или экономическую ткань всей Конфедерации (тогда – Федерации, прим. рассказчика). Человек же, не встроенный в разного рода «схемы», в таких населённых

пунктах просто проедал бы свои накопления, которых у Архангельских было не очень много.

Народ вообще серьёзно пообнищал везде и всюду, поэтому многие люди ожидали революционных перемен как чего-то, само собою разумеющегося. А революции, как правило, весьма чувствительно сказываются на владельцах недешёвого имущества, тем более, когда эти владельцы удобно сгруппированы в таких вот коттеджных городках.

Аналитики тогдашнего руководства Федерацией приняли стратегически верное решение: самим возглавить процесс. В результате чего социальная революция пошла не «снизу», а «сверху», что избавило граждан от разного рода серьёзных и фундаментальных потрясений. Красные бригады разгромили несколько наиболее одиозных городков, охрана которых смоталась со вверенных объектов тихо и незаметно, будучи предупреждённой заранее. Черносотенцы координировали свои действия с исламистами. И охотились в основном на разного рода скоморохов, доселе обслуживавших культурные потребности раскулаченных ныне олигархов – на «звёзд» эстрады, телевидения и сетевых блогов.

После – образно говоря – вываливания в перьях общественного презрения часть потускневших звёзд быстро переместилась на свои дачи в республики Троебалтики. Те же, кто теперь оказался никому не нужен, были, в конце концов, прощёны и приняты на службу в Государственную Корпорацию поддержки художественного творчества. С эпохой отупляющего дегенеративного искусства было, наконец, к общему ликованию, покончено, и новое искусство Федерации воссоздавало на новейшем техническом уровне то, что в общих чертах соответствовало позднесоветской эстетике.

Так вот, профессор всё это примерно так и просчитал заранее, а потому принял правильное решение – переселяться в провинцию. Но не просто в провинцию, а в такой уездный городок, который имеет шансы на реанимацию своего культурного, научного и производственного потенциала.

Таковых мест имелось некоторое количество, и тогда без особого ещё труда удалось купить в практически полуумершем академгородке две смежные трёхкомнатные квартиры. Квартиры были соединены прорубленной дверью, так, что в результате получилась шестикомнатная квартира с двумя входами. И теперь, когда у Виктории собиралось местное общество, бабушка Броня забирала внука на свою половину, прекрасно понимая, что с Варфоломеем ничего не выйдет, и дочери нужно устраивать личную жизнь.

Как один из вариантов Бронислава Сигизмундовна воспринимала и Антона.

Который нынче сидел, упершись на стенку, и отстранённо слушал Викторю.

В это время Фома рыскал по академгородку, надеясь отыскать исчезнувшего куда-то Херсонского. На стук Борис Моисеевич не откликнулся, а Фоме необходимо было, во-первых, обсудить с ним происшествие, невольным свидетелем которого тот стал, а также раздобыть какой-нибудь приличной выпивки, которая наверняка была в закромах у столь хозяйственного человека.

Вика, повелев Фоме не особо задерживаться и подтягиваться к ней домой, осталась у Антона.

– Антоша, ну ты уже можешь нормально всё воспринимать? Звуки, запахи? Мой голос слышишь нормально? Заглючившие коты, ну, типа как в «Матрице», не мельтешат?

– Да всё нормально, – несколько отстранённо отвечал Антон. – Коты не мельтешат.

Он продолжал сидеть на полу, однако, вместо того, чтобы размышлять о предстоящих коренных переменах в жизни, подумал о том, что женщины по своему естеству, пожалуй, и вправду ценят в мужчине вовсе не богатство и даже не таланты, а наличие внутренней силы. Нутром своим чуют, когда она есть, льнут к обладателю таковой, и презирают человека без стержня.

Презирают человека без внутренней силы...

«А где ж её, эту силу взять? Коли природа не одарила?»

– Бабушка Броня Тошку забрала на свою половинку.

«А ведь внутренняя сила – это не меньший талант, нежели способность к песням и пляскам», – продолжал свои размышления Антон.

– У меня, Антоша, кое-какие неприятности. С Бартиком.

– Так. Погоди. Рассказывай.

– Бартик решил воссоединиться. Мы же не разведены. А правительство у нас нынче топит за семейные ценности. «Дети не должны расти в неполных семьях». Теоретически всё это замечательно. Но я к нему не вернусь. А вот Тошку по новым законам он запросто у меня отсудит.

– В рамках реализации политики восстановления патриархального уклада?

– Его самого.

– Когда ты об этом узнала?

– Вчера вечером вышел на связь по ноосети, осчастливил своим явлением народу. А сегодня уже почта бумагу прислала. Типа «социально-экономический статус отца позволяет ему претендовать на инициативы, связанные с реализацией политики...»

– Он снова на коне?

– Да, выиграл конкурсы разработки каких-то логотипов госкорпорациям, теперь имеет возможность неплохо упаковаться.

– Он уже в городе?

– Нет, в резиновой.

– Ну, тогда всё нормально, пошли, покормишь меня.

Антон почувствовал, что морок окончательно отступил от его души, и на смену всему этому пришло, наконец, полузабытое ощущение уверенности в своих действиях.

Он поднялся с пола, подал Виктории руку и сказал:

– В столице «оранжевый» уровень этого долбанного вируса, так что скоро он не появится. Пока будет самоизолироваться в своей мастерской, что-нибудь придумаем. Пошли, есть хочу.

По пути из общаги в жилые корпуса Антон в очередной раз размышлял о том, что женщина, очутившись в удручённом состоянии духа, ожидает от мужчины не охов и ахов (которыми её могут одарить и подруги), но спокойной уверенности, проявления всё той же внутренней силы, которой нам, современным мужчинам, так часто не хватает. Эта сила может быть лишь проявлением в человеке действия, имеющего источник где-то вовне.

В том, что этим источником, точнее, Источником, является вовсе не тёмное бессознание и не сверхсветлая ноосфера, Антон не сомневался. Другое дело, что сомневался он в тех, кто преподносил свои собственные традиции сопребывания с действием этой энергии, или, скорее, этого Духа, – в качестве чего-то безальтернативного.

Собственно говоря, в Филиале он как раз и занимался сравнительным анализом эсхатологических воззрений и аскетических практик. Впрочем, толку от теоретизирования по поводу практик не так уж и много...

Пока Вика разогревала на кухне какую-то нехитрую стряпню, Антон разглядывал картину, которую Бартик подарил профессору в бытность свою претендентом на высокое звание профессорского зятя.

Картина была беспредметной: мощный бордовый прямоугольник со светло-лимонным квадратиком в правой верхней части. Прямоугольник был окружён разводами охры, образующими своего рода паспарту. Лимонный квадратик отбрасывал полоску света до края бордового пятна, а нижняя часть работы – от левого края и до половины – пересекалась мощным грубым широким мазком светло-синего цвета «электрик».

Картина называлась «Одинокое окно». Профессор любил передвижников и не жаловал авангардистов, считая картины подобного рода просто подготовительными работами к какому-то дизайнерским решениям. Однако, «Одинокое окно» повесил на стену, хотя долго не мог подобрать раму. Но, поскольку итальянский зять пользовался подрамниками из широких реек и холсты натягивал аккуратно, то Архангельский решил, что эта работа довольно стильно будет смотреться и без рамы.

Теперь профессора уже не было с ними, он упокоился больше года назад, и главой небольшой семьи из ребёнка и двух женщин – молодой и пожилой – была Виктория. Глядя на «Одинокое окно», Антон вспоминал Варфоломея, но ревности не испытывал.

Антон ревновал Викторию к другому человеку.

И небезосновательно.

4. Ещё одно воспоминание Антона. Хутор

Дон Кихот вернулся от Куприяныча уже ближе к вечеру.

– Вечер добрый, соседи!

– Шо, опять? – Съязвила Вика, увидев гостя. Надо сказать, что весь сегодняшний день она пребывала в состоянии на грани феминизма, чем изрядно подпортила настроение Антона, тщетно пытавшегося поработать над текстом доклада.

– Приглашаю вас к нашему огоньку. На берегу озера. Двойная уха только с костра.

– А сегодня что: постный день?

– Во всяком случае, – рыбный.

– Ладно, попробуем. Тошка, собирайся.

Подошла к окну комнаты, в которой Антон довольно вяленько анализировал апокрифические апокалипсисы.

– Антон, пойдём есть рыбный суп. «Партизаны» угощают.

– Я не пойду.

– Давай, всё равно, раз уж не пошло, так и не пойдёт сегодня, а так проведёшь лабораторное исследование – опрос реальных носителей апокалиптического сознания.

– Не пойду.

– Ну, смотри сам.

Дон Кихот с Викторией и Тошкой ушли к озеру, а Антон начал грызть себя за то, что так нелепо демонстрирует своё дурное расположение. Теперь присоединиться к компании было уже просто глупо.

Раскрыв блокнот, Антон предпринял очередную попытку зафиксировать что-нибудь стоящее. Делать записи в блокноте, кстати говоря, ему в своё время посоветовал профессор, отец Виктории. Блокнот сохраняет самые разные варианты развития мысли. Слова – пусть и перечёркнутые – остаются на бумаге, нередко к ним приходится возвращаться и находить тот верный путь в лабиринте рассуждений, который бесследно исчезает при наборе текста на электроприборе.

«Принципиальным отличием апокалиптического текста от иных форм фиксации пророчеств, пусть даже самых пессимистичных...»

«Нет, не то, какая-то канцелярщина», подумал Антон и перечеркнул написанное.

«Пророк предрекает будущее, апокалиптик – записывает откровения о «последних временах». Кроме того, следует отличать футурологию от эсхатологии...»

«Нет, опять не то». Но перечёркивать написанное не стал, решив, что сама по себе мысль достаточно важная, впоследствии неплохо было бы её разработать.

Антон отложил блокнот и вышел прогуляться по лесу. Хоть что-то нацарапал, и то ладно. А солнце, между тем, хотя и не посрамлялось в этот день, однако, уже садилось. Впрочем,

караулить Вику он не стал, а вернулся в свою комнату и попытался оформить ещё некоторое количество чахленьких мыслей, в надежде на то, что на безмозглье сойдёт и это.

«Существует ли традиция осмысления множественности миров во Вселенной, основанная на том способе осмысления, который мы почитаем в качестве эсхатологической мысли? Надо будет посмотреть, что пишут об этом неортодоксальные мусульмане, воспитанные в традициях европейской философии».

Отчётливо раздалась звуки шагов поднимавшихся по лестнице Вики и Тошки. Антону стало уже не до последователей Джемалья Гейдарова. К нему Вика в тот вечер так и не заглянула. Сам же он решил разобидеться всерьёз: «Вот же. Люди вопросы решают. О Рубиконах. А у меня баба на уме. Самому тошно».

Утром Вика, как ни в чём не бывало, сообщила Антону, что сегодня «партизаны» нанесут ответный визит.

– Они присматривают за хутором, нет смысла с ними ссориться. Да и вообще, – молодая хозяйка дачи решила завершить эту неприятную для неё часть разговора, – за всё нужно платить.

– Ага. Платить. Или – расплачиваться.

Вика не нашла, что ответить, а потому сделала вид, что не расслышала колкости.

– Кстати, отличные ребята. Совсем не маргиналы. И не фанатики.

Антон отказался принимать участие в подготовке к торжеству и до самого вечера возился с разного рода гностическими и неортодоксально мусульманскими текстами.

Вечером чаёвничали в той самой беседке, в которой состоялось первое знакомство. Вика нажарила блинов, поскольку печной духовкой пользоваться как следует не умела. Варенье было обнаружено в подполье, а мёд принесли с собой «партизаны».

– Ну вот, можем обойтись и без агрохолдингов. Если захотим, – начал Дон Кихот, тихонечко подстраивая прихваченную с собой гитару.

– А ради чего? Нужно отказываться от услуг агрохолдингов? – Антон под впечатлением целого дня пребывания в обществе текстов, отражавших дух субъективного идеализма, был настроен подчёркнуто скептически.

– Ну, если вам нравится поедать плоть несчастных узников этих мега-концлагерей для свиней и телят, тогда – дело хозяйское.

– Ага. Понятно. Вы тоже веганы. А как же вчерашняя уха?

– Во-первых, мы вовсе не веганы. Вы допускаете вопиющую некорректность в своих рассуждениях. Подменили собеседника самодельным фантомом; наделили этот фантом произвольным набором качеств; а потом как бы доблестно сражаетесь с ветряной мельницей.

– Дон Кихот как раз не я, а Вы, – малоуспешно пытался острить Антон. – Вы ещё расскажите про то, что человек «ест то, что он ест».

– Нет, этого я не скажу. – Дон Кихот решил взять инициативу в свои руки безоговорочно.
– Смысл жизни определяется только одним. Тем смыслом, который человек вкладывает в свою смерть.

И резко ударил по струнам гитары.

Антон не успел опомниться, как всё пространство было наполнено плотным валом слов. Это была настоящая поэзия. Настоящая Русская поэзия конца прошлого века.

«Без трех минут — бал восковых фигур.

Без четверти — смерть.

С семи драных шкур — да хоть шерсти клок.

Как хочется жить.

Не меньше, чем петь.

Свяжи мою нить в узелок».

Дон Кихот пел страстно, пел красиво, так, что надрыв стихотворных строк отнюдь не выглядел истерикой припадочного – как это иногда бывает у самодеятельных исполнителей. Нет, это была настоящая драма.

«...Я знаю, зачем иду по земле,

Мне будет легко улетать.

...Ну, что ты? Смелей! Нам нужно лететь!

А ну от винта! Все. Все – от винта!»

Песня оборвалась тек же внезапно, как и зазвучала. Никто не решался нарушить наступившую тишину. Наконец, Антон заговорил:

– У Вас неплохой вкус. Русские барды 60-х и рокеры 80-х создали много стоящих текстов. Однако. Это же глубоко нехристианская поэзия. Кто автор слов?

– Автор – Александр Башлачёв. Песня и вправду – не совсем христианская. – Дон Кихот не собирался сдаваться. – Да только что толку от того способа толкования христианства, которое позволило всех загнать в человейники и усыпить ноосферной сетью?

– Люди сами выбрали свой путь. И потом. Ко мне – какие претензии? Я при патриархе Мефодии должностей не занимаю. А вот вы-то как раз обозначили себя в качестве «православного джихада»? Или что-то там в таком роде. Не так ли?

– Нет. Не так ли. Не нужно лепить на собеседника ярлыков, отвлекающих от главного. Да и не отвлекающих, а вообще – включающих в мозгах всякие примитивные нарративы.

Заботливо помещённые туда специалистами по социальной инженерии. И вообще, речь-то совсем о другом.

Дон Кихот аккуратно поставил гитару в сторонку и придвинул к себе кружку с чаем.

– Правильное отношение к жизни рождается из правильного отношения к кончине. Знаю одного старичка из ГРУ. Он приехал как-то к нам в лагерь со своими старичками патриотами и говорит буквально следующее: «Ребята, я могу научить вас убирать противника куском алюминиевой проволоки. Могу научить вас избегать смерти в экстремальных условиях. Но есть вещи, в которых вы разбираетесь лучше нас, старых головорезов. Мы умеем убивать и умеем выживать. Да только не знаем – ради чего жить?»

Черносотенец отхлебнул чая и продолжил:

– Вот таких людей посылал нам Господь. Сейчас таких людей не делают. Сейчас наш брат, русскомовный евразиец, и не заморачивается Главными Вопросами.

Поставил кружку на стол и процедил тихо, но решительно:

– Живёте – как скот. Перед мусульманами за род свой стыдно.

Виктория, буквально растаявшая от того драйва, которым было исполнено выступление Дон Кихота под гитару, теперь же, по-видимому, очнулась от чар. Сказывалось решительное неприятие ею любых форм политической информации.

– А вы и способ знаете? – Вика, рассердившись на себя за то, что она почти сутки пребывала в совершенно зачарованном состоянии, теперь активировала свои навыки школы злословия.

Не дожидаясь ответа, она бросилась в контратаку:

– То есть получается так, что и у вас, и у исламистов, одна и та же цель – красиво погибнуть? И это – всё?

– Почему же «красиво погибнуть»? Правильно окончить время земной жизни. Выйти отсюда таким образом, чтобы очутиться в Царствии Небесном, а не в капкане бесовской матрицы.

– Ну, я и говорю: «православный джихад»! Вы решили дом наш не сжигать, а завербовать нас в свои шахиды. А потом, когда мы прикончим какого-нибудь неправильного гражданина, можно будет жилплощадь прибрать в свои руки.

И вдруг она всё свела к шутке:

– То-то я смотрю, уже расположилось какое-то мурло. К нашему имуществу привыкает.

Дон Кихот почувствовал внезапную перемену настроения и не дал присутствующим никаких шансов опомниться. В его руках вновь была гитара, и он запел теперь уже нежную лирическую песню:

«Тысяча глаз. У ночи – тысяча глаз.

Из тысячи выберу два. Это – твои...»

– А этого автора я не слышал.

– Ещё услышите.

– Да. Жаль что всё это неизвестно девяносто девяти и девяти десятым процентов наших единопольных сограждан. – Теперь уже Антон решил не отдавать инициативы. – Что тут прибавить. От себя могу добавить только то, что Создатель, увы, не наградил меня талантами музыкальными. А потому вступить в творческое единоборство я не сумею. И никакого состязания бардов и трубадууров у нас не получится. Но ведь собрались мы тут не только для того, чтобы насладиться Вашим пением. Не так ли?

И, не давая возможности ответить, продолжил:

– Неужели мы Вам интересны просто как потенциальные неопиты вашей катакомбной секты?

Дон Кихот заметно замешкался.

И тут Антона несколько подвела его природная интеллигентность, нежелание добивать оппонента. Он сам спас миссионера, уведя от этого опасного поворота разговора. Который, между тем, бесхитроно расставил бы точки над *i*. Вместо этого Антон водрузил разговор в плоскость философствования.

– Для людей, которых не устраивает что-то в окружающем мире, существует два основных образа действия. Либо изменить окружающий мир, либо изменить своё отношение к этому миру. Я, к примеру, ничего менять не собираюсь. Пытаюсь держать дистанцию по отношению к тому, что мир предлагает мне в качестве «реальности». Меняю, таким образом, своё отношение к миру. Вы, по всей вероятности, намерены изменять реальность. Дело хозяйское. Да вот только всё упирается в тот факт, что для девяти человек из десяти, в общем-то, ничего менять не нужно. Всё нормально.

Все молчали. Дон Кихот не стал ничего петь, ибо в сложившейся ситуации это выглядело бы как неспособность сформулировать свою позицию по существу вопроса. Он решил попробовать проверить мировоззрение Антона на прочность:

– Вот уж не думал, что Вы, Антон, демократ.

– Демократ? Ну, что Вы. Скорее, мизантроп.

– В Вас сейчас говорит уязвлённое тщеславие. Проявление греха гордыни.

Антон встал из-за стола.

– Послушайте. Когда православно верующему человеку нечего сказать в споре, он – как и всякий человек – переходит на личности. Только у нас в подобных случаях принято указывать собеседнику на то, что он – в прелести духовной, в гордыне и т.д. и т.п. – против чего, в принципе, не поспоришь, ибо спорить бесполезно. Мы с вами обменивались мнениями по поводу принципов модуса операнди. Я указал на то, что социально ориентированная деятельность имеет практическую ценность лишь в том случае, когда есть в обществе запрос.

Это логично?

– Логично.

– А если это логично, то тогда задаём следующий вопрос: с каким сегментом протестного электората вы собираетесь работать? И вообще: существует ли этот самый протестный электорат? Если предположить, что существует, то какова же ваша тактика? Методом «тыка» прощупывать остатки нашей недобитой зомби-излучениями интеллектуальной элиты на предмет сочувствия вашим идеям? Каким идеям? Идее бегства в недостижимый для ноосферной сети «Китеж-град»?

– Антон, послушайте. Я не напрасно спрашивал Вас насчёт приверженности демократическим способам осмысления происходящего. Вы можете верить в народ, можете презирать его, но Вы оперируете этой категорией. Ну, какой ещё «электорат»? «Электорат». При чём здесь «электорат»? – Дон Кихот вновь овладел ситуацией и говорил уверенно, аккуратно дозируя нотки снисходительного подтрунивания.

– Есть люди, серьёзные люди, от которых, слава Богу, ещё кое-что зависит в этой части планеты. Кстати говоря, отгороженной от других частей планеты. Так что мы не «Китежа» разыскиваем, но собираемся реализовать совсем другой эсхатологический проект.

– Подождите. Получается какая-то хрень. – Антон уселся за стол напротив вождя «партизан» и наклонился в его сторону. – Если вы все – соратники неких могущественных людей, то зачем вам шнырять по чужим дачам в поисках ночлега? У ваших бывших разведчиков на пенсиях что? Разве нет в наличии своих дач? Или, в конце концов, – у вас нет никаких закрытых баз? Что за чепуха получается!

Дон Кихот молчал, не сводя пристального взгляда с разгорячившегося младшего научного сотрудника. Видимо, он принял решение сворачивать разговор. Во всяком случае, отложить его до поры до времени.

Антон же тогда не воспринял Дон Кихота всерьёз, полагая, что перед ним как раз типичный представитель какой-нибудь секты. Может быть, даже не просто представитель, а какой-нибудь мини-вождь. Пусть и довольно харизматичный по своей натуре.

Да и разговоры про неких потаённых силовиках, озабоченных вопросами спасения, он счёл тогда трёпом и набиванием цены.

Нет, не воспринял Антон Дон Кихота всерьёз.

А зря.

5. Три товарища и завхоз

Перекусив разогретым фастфудом неопределённого вкуса, Антон бродил по большой квадратной прихожей, по периметру которой стояли стеллажи с книгами и разнообразными предметами, оставшимися на память о покойном профессоре.

На одной из полок стояла фигурка Статуи Свободы, которую Александру Михайловичу прислал брат, Никас Ангелопулос, уехавший в Штаты. По обе стороны от статуи стояли

два флажка – «звёздно-полосатый» и «конфедерат». Вообще, флажков и эмблем было много. Чаще всего это были символы разного рода и разного калибра некогда непризнанных республик, символами чьих-то чаяний, нынче уже, пожалуй, почти всеми давно забытых. Как показала история, республики эти были изначально спроектированы спецами по политическим технологиям исключительно в качестве разменных монет в той Большой Игре, которая, тем не менее, до сих пор ещё не была окончена.

Полки на стеллажах были спроектированы ассиметрично, кое-где оставались крупные просветы, внутри которых помещались крупные фотографии либо скульптуры. Помимо упомянутой уже Статуи Эйфеля, одну из полок украшала гипсовая модель памятника Сергию Нилусу работы скульптора Михаила Чирка. Памятник в начале века намеревались было установить в монастыре Оптина Пустынь, да что-то «не срослось». Зато модель осталась на память.

Две крупных «проплешины» стеллажа занимали репродукции фресок из древнесербских монастырей.

На одной был изображён Архистратиг Михаил из монастыря Печь Патриаршия, а на другой – «Святые ратники» из монастыря Милешево.

В молодости профессору частенько доводилось бывать там, на земле многострадальной Сербии. И одним из наиболее ярких впечатлений о поздневизантийской сербской культуре стали фрески тамошних монастырей.

Архистратиг был изображён именно таким, какими были средневековые воины европейской окраины Ближнего востока. Мы предстояли не перед неким усреднённым античным купидоном с красным венчиком, символизирующим «меч огненный», но перед грозным воином, выхватившим саблю из ножен.

Стоя перед репродукцией «Святых ратников», Антон вспоминал искусствоведческие толкования, преподаваемые покойным профессором:

«Ратники традиционно изображены в группе. Святой Никита, воин, находящийся справа на фреске, вооружён характерной ближневосточной саблей с елманью, обоюдоострым утолщением на конце клинка, усиливающей рубящий удар и позволяющий наносить колющий удар. В левой руке у воина – булава типа пернача. (На этой иллюстрации навершия не видно, но другие изображения показывают именно такой типа булав). Пернач имел деревянную длинную рукоять и металлическое навершие – «шестопёр». Вероятно, воин, изображённый на фреске, намеревался метнуть пернач в противника и после этого вступить в схватку. Но, возможно, фреска иллюстрирует способность витязя сражаться двумя руками.

Святой Нестор, самый молодой из воинов, показан в момент, когда он выхватывает меч из ножен, а копьё – практически тоже наготове – под мышкой левой руки.

Крайний слева – св. Харитон – в отличие от взлохмаченного св.Нестора – спокоен и внимательно наблюдает за противником, опираясь на длинное копьё.

Как видим, перед нами три поколения воинов, изображённые вместе, очевидно, не случайно: ратное искусство передавалось из поколения в поколение наставниками,

имевшими небольшое количество учеников. Молодой и вспыльчивый св.Нестор рвётся в бой, но старшие товарищи рядом, плечом к плечу».

«Старшие товарищи», – размышлял Антон, – «где же вас взять, старших-то товарищей? Тут и с младшими товарищами перебой».

– Слушай, Вика, – спросил Антон, перейдя из прихожей на кухню: – А ты читала мою последнюю статью в сборнике?

– Нет, ты же знаешь: я читаю только про похудение, – Вика смахнула чёлку с глаз и продолжила чистить картошку.

Не найдя слов для достойной пикировки, он подошёл к музыкальному компьютеру, стилизованному под граммофон и, включив дисплей, начал копаться в базе данных. В принципе, любой человек, подключённый к всепланетной ноосферной сети, мог в любой момент настроиться на частоту всемирной фонотеки и ощутить звуки музыки непосредственно у себя в мозгах. Но Антон помнил, как покойный профессор говорил о том, что всё вокруг – в том числе и музыка – должно быть частью нашего восприятия реальности. Но не более того. Иначе мы сами утратим субъектность, и нас понесёт по волнам и колдобинам инженерным способом навеваемого сна. Точнее, гипноза.

Не найдя ничего стоящего, он выключил «граммофон» и спросил тоном, не предполагавшим, впрочем особых вариантов ответа:

– Ладно. Сделаем вот, что. Собирайся-ка со мной в экспедицию. Старшой агент сказал, что они меня берут. А раз берут, то я могу немного покачать права. Вернёмся, оформишь развод с Бартиком, и выйдешь за меня.

– Ты уже всё за меня решил?

Антон не стал упражняться в остроумии:

– Да. У тебя нет вариантов. Да и для меня твоё присутствие будет хорошим стимулом. Думаю, задачку нам подкинут не из тривиальных.

Антон подошёл к окну.

– О! Фома с поллитрой. Стремительно приближается сюда.

Помахал рукой товарищу и повернулся к Вике:

– Кстати. Старшой у них – наш старый знакомый.

– Какой ещё старый знакомый?

– Предводитель «партизан». Дон Кихот.

Виктория продолжала механически чистить картофелину, однако Антон видел, как она поменялась в лице. Как вся съёжилась, как стала какой-то маленькой. И жалкой. Однажды он уже видел её такой. Да и не однажды. Впервые – когда они уезжали тогда с дачи, а потом – неоднократно – в своих полукошмарных полуснах, вроде того, которым его шарахнули по мозгам несколько часов назад.

Антон вышел из кухни открыть дверь Фоме, который уже заполнил эфир длиннородными шутками на тему того, что мы, дескать, «не пьём, а лечимся, и не пьянства рада, но не отвыкнуть чтоб!»

Вика вышла из кухни, кивнула Фоме, затем взяла из его рук красочную коробку с коньяком и направилась прямо к буфету с посудой.

Краем глаза Антон обратил внимание на то, что Вика наполнила бокал почти до краёв и – ни капли не смакуя – просто влила его в себя.

– Старик, давай, всё по порядку.

– Если по порядку, то нужно издалека.

Вика поставила свой бокал на стол, достала ещё два и слегка плеснула во все три.

– Утром мы с тобой говорили насчёт того, что Система контроля тотальна и всепланетна. И – вместе с этим – нас зачем-то размежевали на цивилизационные блоки. Что, в принципе, не логично – имея единую информационную и финансовую базу – разделять популяцию на взаимно-враждебные блоки. С другой стороны – всё логично, если воспринимать ситуацию в контексте логики «разделяй и властвуй».

– Так.

– Но мы с тобой полагали, что всё это «разделяй и властвуй» ограничено пространством квасных футбольных патриотизмов. Типа потребителям товаров и услуг впаривают эту политинформацию, а на самом деле – все они заодно.

– Ну да, а разве не так?

– Не так. Потому что внутри блоков остались реликты аристократий, которые пытаются реализовывать свои миссии в сложившихся условиях информационно-финансового глобализма. И наши сегодняшние агенты работают не на Систему, а на некую подсистему.

– Зачем? Зачем оно им надо? Они хотят захватить башни излучателей и зомбировать потребителей «на добро»? Что за конспирологию ты тут развёл? Пошли лучше накатим? Вика уже давно накапала.

– Ты попросил меня по порядку? Прости, я считал тебя немного...

– Немного умнее? Старик, я не против методологий и всяких там «от общего – к частному», «контекст определяет интерпретацию» и так далее и тому подобное.

– «А всё почему? И по какой причине? И какой из этого следует вывод?» – Вика раздала спорщикам бокалы. – Предлагаю выпить. Моисеич передал стоящее пойло.

– Да, – поддержал Фома, – хоть и иудей, а наш человек!

– Какой там иудей, – запротестовал Антон. – Нормальный русский человек по происхождению из евреев. Во всяком случае, Русскую поэзию он знает гораздо лучше среднестатистического гуманитария-евразийца. Знает и любит. Больше ведь у нас ничего, кроме Русского слова и не осталось. Была когда-то ещё и вера, да пришёл коронобес и

слияла вера в три дня. Так что не вижу никаких причин отказывать Моисеичу в душевно-культурном родстве. Коль уж о духовном родстве говорить больше нет никакого смысла.

– Давай, хозяйка, ещё наливай. Плеснула – как украла. О! Моисеич пришёл, гостинчиков принёс.

Борис Моисеевич поставил на стул изрядный пакет, и принялся извлекать из него всяко разные баночки, мешочки да кулёчки...

– «Товарищи! Сыр швейцарский, маслины греческие!» – У Виктории, как уже догадался внимательный читатель, на все случаи жизни были припасены соответствующие цитаты из фильмов эпохи золотого века кино.

– Моисеич, кудесник! Но чем же мы будем всё это великолепиие запивать?

Борис Моисеевич продолжал извлекать из тощавшего пакета провиант. Наконец, на стол водружена коробка с точно таким же коньяком.

– Ну, чтоб не смешивать. А то голова ещё, не дай Бог, разболится! Викуша, дайте и мне бокал.

– Ого, решили нарушить свой космический режим?

– «Отчего не выпить старому еврею, если у него есть сто рублей!?»

– Ну, не такой Вы ещё старый!

– Давай, наливай. Вот, что хочу сказать вам, ребята, – Борис Моисеевич на правах старшего взял инициативу в свои руки. Тем более, что никто и не претендовал на роль тамады.

– Ребята. Тост. Человек, который полагает, что сможет прожить без других, заблуждается. Человек же, который полагает, что другие не смогут прожить без него, ошибается вдвойне. И чтобы не было потом «мучительно больно за бесцельно прожитые годы», желательно бы каждому взрослому человеку помнить о своём месте в том сообществе, в которое он, волею Провидения, попал. Держитесь друг за друга – и не пропадёте!

Все выпили.

– Ну, с другой стороны, ошибки – это знаки препинания жизненного пути. Без них жизнь, как и текст, теряет смысл. – Это Фома напомнил о себе.

– Фома, никогда больше не произноси вслух подобного рода пошлостей! – Виктория терпеть не могла вот этого настроения на проповедь всеобщей относительности. – Боль и радость, правда и ложь – это не «сладкое и солёное». Это... Даже не знаю, как ты, лингвист, мог ляпнуть такую глупость на уровне подростков, мнящих себя «продвинутыми»?

– И правда, Фома, что это тебя потянуло на патетический пофигизм? – А это уже Антон.

– Друзья, предлагаю говорить не о разделительных знаках, а о соединительных.

– Да, Моисеич. – Согласился Антон. – Верно. Что-то сегодня говорим всё время не о том. А... что говорить, наливайте! Вот ведь, вроде, мелочь: всегда иметь при себе того-сего, а как Вы нас выручили. Как будто мы сами не способны к тому, чтобы подумать о завтрашнем дне.

– Гены – вещь упрямая, – вставил Фома.

Борису Моисеевичу не хотелось поддерживать это ответвление разговора, становившегося рюмка от рюмки всё более пьяным, а потому он пропустил реплики по еврейской теме мимо ушей.

– Да при чём тут гены? Гены! – Включился захмелевший Фома. – Воспитание. Привитие набора психологических качеств. Специфика социо-культурной ниши. Этногенез. То есть искусственный отбор на протяжении тысяч лет. Вот и получились евреи. Разве нет, Борис Моисеевич?

– Ну, быть в процессе этногенеза, это, по крайней мере, не так фатально, как в процессе биогеоценоза. – Попытался отшутиться Борис Моисеевич. И тут же добавил:

– А впрочем. Почему бы не поговорить об этом? Не всё же травить анекдоты и упражняться в остроумии.

Фома не стал наполнять по новой и поставил уже было вознесённую над бокалами бутылку на стол.

– Сколько бы я не пел русских романсов или стихи провинциальных никому никогда не известных – и обречённых сгинуть в неизвестности – разнообразных несостоявшихся Окуджав... Сколько бы я не делал этого, – я всегда буду для вас... ну да, правильно. Не надо! Потом, Антоша, расскажешь про наднациональное.

– Ну, а сами-то Вы кем себя осознаёте? Как? – неожиданно включилась Виктория.

– Думаю, любой человек, прежде всего, должен определить себя при посредстве таких категорий, которые скажут ему самому: а что он такое? Трус ли ты или нет? Человек честный или нечестный? Это всё внутри нас. Это и важно. Это определяет наше место в пространстве смыслов. А фольклор и кулинария вкупе с предрассудками... Это такое дело...

Фома всё-таки разлил по бокалам остатки из первой бутылки и сказал, глядя в сторону:

– Напрашивается вопрос Алёши Карамазова...

– «Како веруеши?» Ого. Ну и вопросы у нас сегодня. Хороший вопрос. Вопрос о главном. Ладно. – Моисеевич поднял бокал. – Давайте выпьем за то, чтобы в нашей жизни было больше таких кратеньких эпизодиков чего-то настоящего. Тогда меньше времени станет на пустое.

Выпили.

– Знаете, ребята, как-то в молодости я ехал в одном купе с мусульманином-неофитом. Так вот, он, когда заходила речь о вопросах религиозных, даже оставлял продукты питания и вытирал аккуратно губы и пальцы. Прежде, чем что-то такое сказать.

– В это что-то есть, – снова вставила Виктория.

– Да, нельзя болтать о Главных Вопросах, покуривая сигаретку. А Вы, Фома, просите меня ответить на Главный Вопрос.

– Ну, давайте оставим на потом. Или вообще – забудем.

– И продолжим наполнять жизнь пустотой? Нет уж, отвечу. Тем более, кто знает: суждено ли будет продолжить наше общение?

Борис Моисеевич играл ва-банк. Он понимал, что именно в эти часы решается слишком многое в его жизни. Когда он шёл сюда, он ещё не предполагал даже – как будет себя вести. Какой монетой будет покупать у Антона и его друзей свой билетик на эту лестницу – пусть и не на Небо, но, по крайней мере, – прочь от ежевечерних и ежеутренних страхов. Он ощутил вдохновение артиста, который, выступая на большой сцене, вовсе не глумится, мастерски подменяя своё лицо дежурной личиной, нет. Он был искренен, но впечатление, которое должна была произвести на зрителей его игра, многократно усиливалась тем, что он был самим собой, и, наконец, получил возможность выговориться.

– Со стороны я произвожу впечатление эдакого молодящегося жидка. Который, хе-хе, так и не состоялся в качестве графа Монте-Кристо, «и теперь переквалифицировался в управдомы». Не так ли?

И сам себе ответил:

– Так ли. Так ли. Но, во-первых, верую. Нет, я не религиозен. Не знаю: к счастью это или к несчастью? Верую, скорее, как христианин, а не как иудей. Но не как церковный христианин. Нет, церковный коллективизм не по мне. В коллективизме мне видится какая-то азиатчина и подавление свободы личности. Верую, скорее, как Лютер или, даже Кальвин. Нет, я не о догматах и схоластике. Мне она не интересна. А вы закусывайте, ребята, не стесняйтесь.

– Так вот, говоря о лютеранстве, я имею в виду то, что наше пошлое интеллигентское «Бог в душе» следует понимать не как что-то подчёркнуто нетрадиционное. А как... – Моисеевич слегка призадумался, – как убеждённость в том, что никакая «белая магия» обрядов не сделает ничего, если не будет на то воли Божьей. А раз так, то и обряды, полагаю, ни к чему. Ну, а потом. Что такое «Бог в душе»? Это значит, что окончательная участь души в Вечности определяется не спором беса-прокурора и Христа-адвоката, а тем фундаментом рая или ада, который я сам заложу в этой душе уже здесь и сейчас.

– Это, Борис Моисеевич, похоже на какую-то карму? Где же тут кальвинизм или лютеранство? – Виктория принесла кастрюльку с отваренной картошкой, и теперь стол принял вполне канонический вид. И сама хозяйка решила не просто вежливо сопребывать с собравшимися, но включаться в беседу всерьёз.

– Может быть и так. Может быть, это похоже на веру в карму. Но там же у них на востоке что-то типа перевоплощений. А я говорю о том, что сам созидаю и свой рай, и свой ад. Первый и последний. Второго шанса не предполагается.

– А как же Милость Божия? Ведь Благодать выше Закона. На том и отличие Нового Завета от Ветхого.

– Да, в Русском Православии есть ещё это понимание отличия Евангелия от Торы. На западе Новый Завет – просто одно из ответвлений Ветхого. Живи я у дочери в Междуморье, пожалуй, был бы образцовым иудеем. Там у них всё регламентировано: поляки – это католики, причём образцовые католики; украинцы – православные; литовцы – поклонники Перкунаса, а наш брат, еврей, ясное дело, – синагогальный талмудист. Ну, что-то мы совсем не пьём. Фома, открывайте вторую, что Вы тормозите?

– Борис Моисеевич, Вы живёте не в Междуморье, а в России. Пусть и облик её в очередной раз перекоен на новый манер. Если Вы – человек верующий, то почему не православный?

– Православным я должен стать в силу того, что живу в России? Или потому, что верующий?

Викторию не так просто было сбить с толку или возбудить в её сердце некую эмоцию, которая исказила бы строгую логическую линию, выбранную ею в качестве стержня полемики.

– Вы сказали, что в Русском Православии есть понимание того, что утрачено на западе: понимание принципиального отличия Нового Завета от Ветхого. Религию Вы не воспринимаете ни в качестве «отеческой веры», ни в качестве пресловутой «скрепы». Элемента национально-культурной идентичности.

– Да, Викуша, понятно. Вы проницательны, а я пытался заболтать Ваш вопрос. Вышутить. Я неправославен, хотя признаю высоту Евангелия по сравнению с регламентами Торы. Неправославен, потому что мне сложно принять традицию, согласно которой священник может исполнять роль психоаналитика, «разгружающего» пациента от того груза, который давит на него. Нецерковен, поскольку к любым формам коллективности отношусь... осторожно. И потом... верую я верой Пастернака и Бродского, а не преподобных и праведных. Уж каков есть.

– Вика! Моисеич! Хорош умничать! Вступайте в общество Вакх-Абитов! Бокалы полны, к любым формам трезвости мы, вакх-абиты, относимся с поистине религиозной нетерпимостью! – Фома вовремя переключил тему, потому что Бродского с Пастернаком выдерживают далеко не все даже вполне образованные жители Евразийской Конфедерации.

– Предлагаю выпить за Вас! За Ваш религиозный выбор. За то, что Вы – такой как есть! Были бы православным, посоветовали бы нам смириться с тем, что у нас нет ничего выпить/закусить. И мы бы насладились советами. Были бы иудеем, – вообще, поехали бы кушать форшмак, проигнорировав страждущих гоев... И мы остались бы без угощения. А так – наша поляна обличает тех, кто смеет игнорировать её великолепие!

Собравшиеся принялись, наконец, есть. Борис Моисеевич, впрочем, вскоре откланялся, сославшись на режим. Прикончив «близнеца ары», ребята обнаружили в запасе у Виктории бутылку хереса, которая была немедленно продегустирована полностью и бесповоротно. Потом Виктория ушла варить кофе, а Антон принялся выбирать запись произведений И.С.Баха, и по этому поводу у них с Фомой разгорелась нешуточная полемика искусствоведческого характера: Антон собирался поставить запись в исполнении Андраша Шиффа, а Фома настаивал на Святославе Рихтере, мотивируя свой выбор тем, что и «наш брат, евразийский ариец, может сыграть не хуже еврея». Однако, Антон оппонировал Фоме, обосновывая свою позицию тем, что выдающийся русско-

немецкий пианист был не совсем правильно ориентирован по одному из ключевых мировоззренческих вопросов.

От вопросов разнообразия форм проявления злодейства товарищи плавно перешли к вопросу гения и тут Антон устроил сцену совершенно в духе чеховских героев. Вика посчитала это уже перебором и ушла на квартиру к маме и сыну, а младшие научные сотрудники продолжили. Фома заявил, что «Херес без пива – деньги на ветер» и предложил пойти к Моисеичу за добавкой. Антон похвалил идею, но сам прилёг немного отдохнуть. Фома вдруг обнаружил в холодильнике жестянку с пивом («На самом видном месте!») и решил никуда больше не идти, но и сон Антона тревожить не стал...

Борис Моисеевич окончил этот беспокойный день не менее остросюжетно.

Проходя по парку, отделяющему жилой квартал академгородка от общаги, он услышал знакомый тихий, но необычайно властный голос:

– Борис Моисеевич. А Вы и вправду – настоящий большой артист. Присаживайтесь, пожалуйста. Есть разговор.

Часть четвёртая

1. «Космические врата»

Вначале было брюховыворачивающее перемещение на вертолёт. Потом – автобус, где младших научных сотрудников, пребывавших в самом безобразном состоянии, Борис Моисеевич накормил активированным углём и напоил минералкой. Хотя, помогло это не очень.

Агент, приставленный к Антону, был полной противоположностью Дон Кихота. Это был даже не «злой следователь» вместо «доброго», а какая-то тень вакуума, шайтан, встречаясь со взглядом которого казалось, будто выглядываешь в тоннель метрополитена. «Шайтан» всё время молчал и к тяготам и лишениям руководителя экспедиции, страдавшего от давешней неводержанности в питии, не проявлял никакого участия.

– Моисеич, спасай. Как будто внутри водоросли растут... Как у полковника.

– Какого полковника?

«Шайтан» настороженно взглянул на учёных. Антон, не разжимая век, ответил Борису:

– Того самого. Которому никто не пишет.

«Шайтан» тревожно переводил взгляд с одного на другого, но сеанс обмена информацией на этом прекратился. Фома, вообще, почивал, приткнувшись головой к подрагивающему стеклу окна. Ему, в отличие от Антона, досталась не минералка, а пиво. Так что кому «водоросли», а кому – «собачья шерсть».

Вика тоже демонстративно отстранилась, не предпринимая никаких жестов протягивания руки товарищам. В данной ситуации это протягивание могло бы принимать форму примирительных шуточек, скроенных из всё тех же вырочающих киноцитат.

Но нет. Сидела посторонь, демонстрируя показательный холод и свежeweымытую шевелюру. Простенький красный тренировочный костюм был ей вполне к лицу. Которое, впрочем, было отгорожено от Антона забралом модных взглядозащитных очков.

«Вот, гады», – ворочал свои размышлизмы Антон. «Могли бы дать какую-нибудь спецпилюлю. Что им, жалко, что ли? Решили, что ли, посмирять меня? Или «опустить»? Типа, чтоб место своё знал и не зарывался?»

За окном тянулся бесконечный лес. Солнце было скрыто облаками, так что представить, в каком направлении двигался автобус, возможности не представлялось.

«Да и какая, в сущности, разница. Куда надо, туда и привезут. Не заблудятся. Эх, не надо было хереса, зачем пошли на «понижение градуса»»...

«А, впрочем, может быть оно и хорошо», – внезапная идея успокоила Антона. «Я к ним не напрашивался. Сами вызвали в эту командировку. Не нравлюсь, найдут другого».

Быть может, Антон бы нашёл в себе скрытые внутренние резервы, чтобы изобразить какую-нибудь позу, будь рядом Дон Кихот или кто-нибудь из интеллигентных агентов. Но рядом, через проход, сидел этот «шайтан», само присутствие которого оказывало деморализовывающее воздействие на чувствительного молодого специалиста.

Антон решил не смотреть в сторону шайтана, и вообще прикрыл глаза. Муторность начала снова поглощать всё его сознание, и он изо всех сил постарался не поддаваться силе, норовящей совсем уж превратить его в какую-то грязь. Вспомнилось наставление его старого друга, служившего теперь священником в какой-то из катакомбных раскольнических групп:

«Всякий раз, погружаясь в сон, или пробуждаясь ото сна, необходимо сотворить умную молитву. Чтобы не проваливаться в сон, и не впрыгивать в реальность, но неторопливо входить в новое состояние».

Он попытался было сотворить молитву, но ничего не выходило. В глубине души он и сам не верил в свою способность к этому. Слова позвякивали, будто медяки в опустевшей копилке. Позвякивали, да не звучали.

Антон вспомнил, что о такой ситуации было напечатано не только у аскетов, но и в неадаптированной версии книжки про Робинзона Крузо. Дефо удивительно точно передал то состояние неспособности к молитве, которое рискует схлопотать всякий человек, совершающий сознательную гадость, в надежде на то, что «Боженька добрый, всё равно потом простит».

«Да, сажу в сортире своего «Я». Зам же закрыл дверь за крючок. Теперь надо бы этого крючок нащупать и выбраться наружу».

Автобус притормозил и свернул по дороге, углубляющейся в лес. Через несколько километров миновали шлагбаум, а ещё минут через пять показали аккуратненькие строения, обнесённые забором из проволочной сетки. Остановились возле коттеджа, выстроенного в виде какого-то терема.

Будущие покорители пока ещё непонятно чего выползли из микроавтобуса, а навстречу им из терема уже решительно выдвинулась ладная рослая агентша подчёркнуто арийской

внешности. Агентша, впрочем, была без эсэсовской пилотки и даже без кокошника, но зато с бейджиком, на котором славянской вязью было напечатано «Программа «Космические врата»».

– Товарищи учёные, с приездом! Меня зовут Василиса. Всё время карантина и прохождения медкомиссии я буду опекать вас. Сейчас мы разместимся, а потом я познакомлю вас с правилами поведения на базе.

Товарищи учёные поплелись за Василисой.

– Виктория Александровна, Вы разместитесь в теремке, свою комнату найдёте, там на табло над дверью Ваше имя. Борис Моисеевич и Фома Константинович идите к тому домику, там найдёте свои покои, а с Вами, Антон Павлович, пройдем дальше.

Антон совершенно равнодушно взирал на красоты базы и смиренно тащился туда, куда влекла его агентша. Наконец, подошли к частоколу. Василиса набрала код, калитка открылась и они вошли внутрь укромного двора.

«Странно, почему она не активировала электронику своим чипом?» вяло подумал было Антон, но вслух произнёс другое:

– Ого. Внутренняя тюрьма?

– Внутренняя. Но не тюрьма. – И неожиданно добавила: – Антошка, ты разве совсем не узнаёшь меня?

2. Василиса, она же бывшая Люба

– Нет. Я никогда не был знаком ни с Василисами, ни с Василинами, ни с кем бы то ни было, кто носил такое имя. Я бы запомнил. Я всегда помню: где, когда и с кем я был.

– Слушай, что-то ты выглядишь неважно. На, выпей пилюлю, через пару минут будешь хоть на человека похож.

– Вот это правильно. А то разговоры разговариваем про космические корабли, а пилюлю дать не можем. Или можем, но не хотим.

– Стой, сейчас дам кружку воды.

– Да, а какие ещё «космические корабли»?

– Ух. Вода живая, что ли? Ну, как какие «космические корабли»? Те, которые «бороздят пространство».

– А, шутка. Я думала, ты имеешь в виду название базы. Ну, что, полегчало? Теперь узнаёшь меня?

Видя, что Антон никак не вспомнит, Василиса продекламировала:

– «Как знать, быть может, он смотрел в зеркало?»

- Люба?
- Теперь – Василиса.
- Нам что, тоже имена поменяют?
- Только тем, кому это очень будет нужно.
- Ну и дела. Пошли, напоишь меня каким-нибудь пойлом.
- Пойлом? Или питьём?
- Ну, питьём, конечно же, питьём.
- Пить я бы тебе не советовала. По крайней мере, пока что. Забракуют, отправят назад, заниматься графоманством.
- Раньше ты меня не считала графоманом.
- А я и теперь не считаю. Я не назвала тебя графоманом, я сказала, что если тебя забракуют, то отправят назад в Филиал – заниматься графоманством.
- Спасибо, хоть не деперсонализируют.
- Брось ты. Не такие уж у нас в конторе мясники.
- А если кто-то из отбракованных проболтается?
- Проболтается о чём? О том, что его привезли неизвестно куда, на неизвестно какую лесную медлабораторию и взяли неизвестно какие анализы? Проболтается, значит не судьба человеку делом заниматься, будет и дальше прозябать.
- А ты изменилась.
- Жизнь, Антошечка, заставила. Жизнь. Ну, хорошо. Попей чайку, поспи. Потом поговорим. Я живу тут же, на «скиту». А я пока что пойду – займусь твоими коллегами.

Напившись отвара (или настоя, кто его разберёт), Антон пытался заснуть. Но ни дорожная усталость, ни даже блаженное освобождение от тяготящего привета от ночной посиделки, – ничто это не могло побороть то состояние некоторой взвинченности, которую он ощутил от встречи с Любой, точнее, теперь уже Василисой.

Василиса была теперь даже, пожалуй, интереснее Любы в юности.

Люба Шевченко была родом из провинции, но, при этом, она была настолько умна и сильна духом, что провинциальность свою даже и не намеревалась прикрывать разнообразными «имиджами» «продвинутой девушки», всеми этими масками гламура и антигламура. Масками, которые нахлобучивали и продолжают нахлобучивать на себя молоденькие дуры, родившиеся и созревшие в обществах эпохи перехода из одной исторической формации в другую.

Люба была рослой прекрасно сложенной девушкой, несколько грубоватой, чем-то напоминавшей Лилю Брик на известной фотографии, но, при всей этой как бы грубости, она довольно артистично декламировала на нескольких языках. Люба Шевченко была вхожа в самые разные – подчас взаимно конкурировавшие – богемные тусовки, но никогда нигде не покушалась становиться полностью «своей». И нигде не подстраивалась под ту волну, которая была в соответствующем кругу, так сказать, актуальный. Не гримировала себя ни под типичную бутафорскую анархистку, ни под стандартную «женщину-вамп». Люба была всегда сама собой, а одевалась просто и без затей.

Антон был на целый спичечный коробок короче ростом Любы, а потому никогда в молодости не воспринимал её в качестве потенциальной подруги. Хотя она слушала его достаточно внимательно, и воспринимала молодое дарование всерьёз, как человека стоящего, а не как обычного самовлюбленного гения потребления и переработки «информационного контента».

Однажды она даже согласилась сыграть в дипломном спектакле будущей жены однокашника Антона. Спектакль получился довольно непошлым. Антон написал пьесу по мотивам реального случая.

Однажды вечером он возвращался домой от отца, который к указанному времени уже двадцать лет жил отдельно от сына. На мосту Антону встретился человек с явно суицидальными намерениями. Они о чём-то переговорили, и человек передумал сигать в реку. Вернувшись домой, Антон написал пьесу в авангардном стиле – с всякими гипнотизирующими повторами, «револьверами» (т.е. повторами сцен до тех пор, пока один из героев не вносил некое изменение в нарочито повторяющуюся мизансцену, и это приводило к выходу из заикленности).

Основная идея была в том, что главный герой сам тяготился своим существованием и придумывал лукавый способ уйти из жизни, но типа, не сам. И вот, столкнувшись с самоубийцей, он спасает того от рокового акта, сам приходит в некое состояние эйфорической приподнятости. Но потом всё начинается сначала.

Пьеса получилась не пошлой и имела определённый успех, даже давали интервью приятелям, работающим на поприще телевизионного искусства. Безусловно, немалая заслуга в этом была режиссёра, заслуженного работника культуры, вследствие каких-то интриг очутившегося в Училище Культуры, точнее, Колледже Драматических искусств.

И вот Люба была там задействована в главной роли. Потом они растерялись, поскольку Антон с культурой решил не связываться, углубился в свои гуманитарные исследования, затем стал горячим православным неофитом, потом – как мы помним – столь же непреклонным антиклерикалом. Но в любом случае, он был уже очень далёк от тех, кто так или иначе принадлежал к богеме. За исключением, пожалуй, несостоявшегося барда Бориса Моисеевича и мужа Виктории, Бартика.

3. «Здравствуй, утро хмурое»

Настроение у проснувшегося Антона было остро философическим. То есть отвратительность настроения был следствием причин характера не физиологического и не психо-физиологического, но душевного и только душевного.

Присутствие Виктории его постоянно не то, чтобы смиряло в христианском смысле слова, но, как-то подталкивало к тому, чтобы скрипя сердцем свыкнуться с, так сказать, трезвым отношением к себе, к своему месту в мировом идейно-культурном процессе.

События же последних двух дней вскружили ему голову и, похоже, грозились превратить умеренно циничного – во всяком случае, самоироничного, – младшего научного сотрудника провинциального Филиала НИИ в пылкого энтузиаста, готового сворачивать горы и холмы.

При этом, Антон не мог скрыть от самого себя того обстоятельства, что роль дамы сердца, которая стимулировала бы его к совершению поистине эпических подвигов, досталась вовсе не Вике.

Люба, или, как она тут себя называла, Василиса, – вот, кто заполнил всё пространство его воображения!

А ведь в молодости он в общем-то особого внимания на неё – как на женщину – не обращал. Нет, он, конечно, отшучивался на грани фюла, дескать, «Два метра красоты – заблудишься расцеловывать!» Но всё это было совершено не всерьёз.

Вдруг он подумал о том, что и Вику-то он совсем не любит. Так, какое-то умствование сплошное: вначале хулиганское желание посоревноваться с красавцем мужем-художником, потом – впадение в страсть, которую сам же себе придумал, затем – угасание страсти и чувства, продиктованные благодарностью по отношению к профессору... Потом – привычка. Но ведь всё это не то.

Не было верного чувства ровного тихого счастья.

Бывало всякое: то накатывало лихорадочное возбуждение, эдакий род неблагого энтузиазма, то сковывала тревога. А вот тихой безмятежности не наступало.

Да и был ли он в принципе способен к спокойной уверенности в том или ином выборе, если не был уверен в себе?

«Был. Был способен, и не нужно прибедняться», – подытожил Антон и рывком покинул своё лежбище. «Знать бы ещё: что тут за НИИ ЧАВО?»

В целом, Антону было по душе то, что некие устроители этого закрытого исследовательского центра были не чужды разумному-доброму-вечному. Что, в числе прочего, проявилось в том, что внешний облик базы «Космические врата» напоминал хрестоматийную «шарашку» из ставшей классикой сатирической повести советских фантастов.

Небо было затянуто облаками, и это даже несколько успокоило будущего покорителя пока ещё неизвестно чего. Солнечное утро к чему-то обязывает. И если ты ничем не озадачен, то оно, одинаково ласковое как к первым, так и к последним, в некотором смысле обличает тунеядцев – как явных, так и потенциальных. А когда нет в нашем поле зрения этого обличающего объекта, то так оно философствовать даже и сподручнее.

Антон прошёлся к берегу речушки, посидел там, наслаждаясь тишиной такой степени, что отсутствовал даже намёк на отдалённое гудение ручных газонокосилок, гудение,

способное травить самые благодушно-созерцательные мгновения единения с окружающей средой.

Тут, на базе, никто ничем не гудел, и было тихо.

Было тихо, но сыро. И Антон вернулся в избушку. Там уже хлопотала Люба-Василиса.

– О, Антошечка. Давай, перекусим и бегом в лабораторию.

– А что там, будут брать кровь из пальца?

– Нет, кровь брать не будут, будут отключать от ноосферной сети.

– Навсегда?

– Как получится.

– Выходит, мы должны пройти некую инициацию умирания для Системы?

– Да, система больше не сможет нащупать того, кто будет отключен.

– О, то-то гляжу, среди ваших все расчипированные. И ты даже имя сменила? Именно поэтому?

– Да, я сменила имя, ибо для меня началась новая жизнь. С чистого листа. Но это не обязательно. Ну, подкрепился? Пошли, время.

– А Дон Кихот нам не говорил о том, что нас отключат, и что назад возврата уже не будет.

– Дон Кихот? Это кто такой?

– Ну, ваш агент. Он за нами приезжал. А раньше он ещё по лесам партизанил.

– А. Понятно. Нет, я уверена, всё он говорил, просто ты, Антошечка, был в состоянии таком специфическом после перепоя. Наверное, недопонял. Ну, что поделывать, теперь уже поздно. Ты что, испугался?

– Если честно. То да.

Антон брякнул так искренне и так стремительно, что даже не успел смутиться.

– Боишься утратить остатки свободы?

– Типа того.

– Много её у тебя было? Свободы? От одного щелчка электронной плётки до другого.

– В промежутках я принадлежал себе.

– Одевай шлёпки, тут рядом. Да, небрежность в одежде приветствуется. Ритуалистика.

Антон поплёлся. Положение глупейшее. И совершенно безвыходное. Завербовали по пьяни – прямо как в Британский Королевский Флот.

4. Невольный каменщик

Кабинет, в котором производилось расчипирование, теоретически мог бы показаться подозрительным, если бы это осознание могло принести Антону хоть какой-то практический смысл. Поскольку же дёргаться было бессмысленно, он махнул на себя рукой и подчинился манипуляциям стальных рук, облачённых в мягкие перчатки.

Велели самому набирать трёхзначный код на двери. После трёх однотонных сигналов сам толкнул дверь. Всучили тёмные очки, сквозь стёкла которых, естественно, ни хрена не было видно. Понял только, что два агента взяли под руки и повели по спиралевидной лестнице. На втором этаже на голову, наконец, нахлобучили шлем. Правую ногу велели выудить из шлёпанца и поставить на какую-то педаль с электродами.

Вначале аппарат настраивали на индивидуальный код биологического объекта, и перед сознанием Антона появились стандартные картинки красот природы, затем океан, полёт сквозь облака и, наконец, прохождение сквозь пламя. Вполне себе стандартные образы морока, бесчисленное множество раз транслируемые всем потребителям информационных услуг ноосферной сети, в том числе навеваемые и ему. Затем последовал удар в мозг, кратковременная потеря сознания и жжение в области сердца, которое вернуло Антона к реальности.

Открыв глаза, новоявленный член закрытого общества увидел перед собою Дон Кихота. Очки к тому времени были уже сняты кем-то из агентов.

– Антон Павлович, верю, что Вы сделали свой выбор по доброй воле.

Антон хотел было отшутиться на тему того, что выбора ему никто не оставлял, но, вместо этого, просто односложно подтвердил.

– Пусть Вас не удивляет то, кого Вам доведётся увидеть на нашей базе. По нашим правилам Вы должны соблюдать сдержанность в отношении тех, с кем встретитесь. Ибо каждый человек имеет право сказать о себе только то, что сам пожелает сказать. И не следует ничего додумывать за других. Вот, пока и всё. От глобальной Системы Вы отключены теперь. Для неё Вас больше не существует. Между собой будем коммуницировать другими способами.

Сейчас Василиса проведёт Вас на скит, там Вы пробудете в безмолвии некоторое время, а затем нужно будет сделать нооскопирование Вашего сознания.

5. Среда

По пути на скит Антон помалкивал. Ему было стыдно за то, что утром, общаясь с Любой, он брякал лишнее, в результате чего мог уронить себя в её глаза. И потом он в который раз за несколько дней получил хороший шварк по мозгам, что тоже не особенно

способствовало легкомысленной безоблачности, атмосфера которой как раз и способствует обычно расслабленному трéпу.

Он ожидал, что его приведут на некий объект, где он будет выбрит и посажен в какой-нибудь гигантский кувшин без окон, без дверей. И там, в этом кувшине он, подобно мифическим тибетским отшельникам, должен будет переживать добровольную трансформацию своей личности.

Но нет. Всё обошлось.

Они вернулись ровно в тот же домик, который покинули некоторое время назад. Это придало бодрости. Антон уселся, а Василиса пошла на кухню сообразить чего-нибудь перекусить.

– Слушай, Люба...

– Василиса.

– Ну, хорошо. Слушай, Василиса, а чем занимаются твои каменщики?

– Какие каменщики?

– Вольные. И невольные.

– У нас есть люди, которые занимаются полигоналкой. Наверное, вы со своими ребятами войдёте в их группу.

– Да нет, ты меня не поняла. Вот эти шлёпанцы, эти очки – типа в функции завязанных глаз, вся эта – как ты сама точно выразилась – ритуалистика, к чему всё это? Это что, всерьёз? Если так, то зачем? Я не скучающий Пьер Безухов, и не закомплексованный миллионер, мечтающий приобщаться к «избранным». Зачем мне оно надо?

– Я не совсем понимаю: при чём тут «Война и Мир» и миллионеры. Всё же ясно и понятно. Ты будешь заниматься закрытыми исследованиями государственной важности, поэтому необходимо обезопасить твоё сознание от нооскопа Системы. Чтобы никто не мог влезть тебе в мозги.

– Или чтобы я сам не слил куда не следует какой-то инфы...

– Ну, и для этого тоже.

– Понятно. Пригласили в экспедицию. А закрыли в «шарашке», посвятив в масоны. При Сталине хоть озадачивались липовыми обвинениями, чтобы человека посадить на закрытый проект. А тут так просто и без затей.

– А какая тебе разница: где сидеть: в человекнике в капсуле, у себя в деревне при своём Филиале, или тут? Ну, давай предметно. Фома хочет карьеры научной? Хочет. Тут он её сделает за раз. Потом возглавит какую-нибудь лабораторию, ещё и студенточек, почитательниц его научного таланта, получит в виде бонуса. Борис, небось, трясся от страха, что отфутболят его в человекник? Так тут, в «шарашке» – как ты выразился – он станет, наконец, чуть ли и не творцом культуры. Есть же у нас лаборатория, где этот самый культурный потенциал аккумулируется.

– Для чего? Для того, чтобы захватить башни облучения и зомбировать население теперь уже не на разложение, а «на разумное-доброе-вечное»? Может, хватит этой пошлостью мозги мне компостировать. Я в детстве тоже книжки про это читал.

– А что в этих книжках не так? Книжки попадаются разные. Некоторые, как раз, стоит и полистать. Что же касается башен облучения, то никто их захватывать не будет. Это нерационально. Центр находится вне досягаемости... нашей. А вот запустить альтернативную Систему – вот это уже будет другой расклад.

– Слушай, ну ты прямо пламенная революционерка. Жизнь положила на алтарь борьбы с мировым злом.

– А на что нужно было положить жизнь? На кастинги сериальчиков? Потешать разлагающихся потребителей развлекательного контента?

– Прости. Я не прав. Я забыл, кто рядом со мной. Отвык.

– Да ладно, Всё путём. Сам-то как? До сих пор не женился? Фамилия у тебя такая мужественная, девчонки, помню, мечтали заполучить её.

Антон не знал: стоит ли ему говорить о Виктории. С одной стороны у них всё было как-то кувыркром и совсем неоднозначно. Нужно ли им создавать союз, в котором просто будут сопребывать бок о бок два одиночества?

Как это ни покажется странным, но Антона прельстила фраза Любы насчёт того, что «девчонки, дескать, мечтали заполучить его фамилию».

«А может быть и она сама – не против?», – подумал Антон и в ту же секунду предал Викторию:

– Нет, что-то никак не складывается.

– Ну, ладно. Я тебе приготовила пожевать того-сего. Отдыхай, размышляй свои размышлизмы. Я пошла заниматься твоими ребятами.

– Погоди. Сама-то чем занималась всё это время?

– Да так. Боролась за права бездомных собачек, после того как снималась в кинe. Вот, от борьбы за счастье четвероногих попала в логово борцов за счастье человекoв.

– А в каком фильме снялась? Кого играла?

– Да так. Проститутку в эпизоде.

– ? Ты чего? В фильме про это?

– Да нет. Не про это. И не про то. – Она немного неестественно рассмеялась, – Я не до такой уж степени того... Как тебе могло показаться. Психологическая трагикомедия, где я изобразила потаскушку в десятисекундном эпизоде. Вот вся карьера кинозирки. Ну, давай, потом ещё наговоримся. Я тороплюсь сейчас.

Люба (точнее, теперь уже Василиса) относилась к тому типу молодых женщин, которые могли произвести впечатление, конечно же, не распущенных, но, особ лёгких и беспечных. Не легкомысленных, а таких вот лёгких на подъём. Без масок, кривляний и всякого... такого.

6. Многоугольные камни

Всю ночь Антона мучили кошмары. Вначале кто-то пытался достучаться до него. Стучали в закрытое окно, тарабанили в запёртую дверь избушки. Затем он очутился уже в своей комнате со стульями и печатной машинкой. Вышел в коридор, а дверь захлопнулась. Коридор оказался комнатой, полной агентов-масонов. И так далее, и тому подобное.

«Господи, помилуй», – вслух пробормотал он тотчас по пробуждению. И решил, что ему срочно нужно в церковь.

– Антоша, ты что-то сказал? Доброе утро, страна!

Василиса сегодня готовила что-то замысловатое и явно не фаст-фудное. Видимо, сегодня ничего суматошного не планировалось. Ну, что ж. Как раз можно будет выкроить немного времени на практическую духовность, а не на теоретическую.

– Слушай, Люба...

– Василиса!

– Ну, хорошо. Слушай, а есть тут у вас поблизости какая-нибудь церковь?

– У нас всё есть.

– Как бы мне туда вырваться?

– Можно съездить, тут недалеко монастырь. Перекусим только.

Борис Моисеевич сразу согласился проехать. Виктория, сославшись на неважное самочувствие, отказалась. Фома колебался, но его новая знакомая, экстрасенсша Дина, услышав про поездку в монастырь, эту идею восприняла с восторгом, и, хотя её-то как раз никто не приглашал, навязала всем своё шумное общество. Поехали в том же самом микроавтобусе, правда, теперь уже без Шайтана.

Фома с Борисом Моисеевичем сидели рядом – через проход. Дина уселась рядом с Фомой у окошка и уже через пару минут сама включилась в разговор на тему полигональных конструкций, который вели между собою будущие участники экспедиции.

– Борис Моисеевич, ну, сколько можно одно и то же! Уже почти сто лет или двести, не знаю – от чего отсчёт вести – как толчём воду в ступе вокруг этих многоугольных камней. Яснее ясного же, что все эти исследователи мегалитов, полигоналки, пирамид – это всё люди, не видящие за деревьями – леса. Это как индийские слепцы из известной притчи, которые на ощупь «исследуют» слона. Один в хвост вцепился, и говорит, что «слон – это верёвка!» Другой – в ногу, третий в хобот... Ну, и так далее... Но сам слон при этом остался «невидимкой». Так и тут. Ломают голову над тем: как эти камни выколупывали и

складывали из них стены, вместо того, чтобы разобраться: а зачем они городили свои пирамиды?

– Что касается «выемок» – хоть ниш, хоть так называемых «кресел» и «ступеней», то с моей точки зрения они похожи на некие фрагменты огромных размеров конструкции, предназначенной для изменения волновой структуры пространства, – задумчиво ответил Борис Моисеевич. И продолжил:

– Что-то вроде аналога наших антенн. Либо излучателей. Представьте себе, как воспринял бы какой-нибудь туземец огромные антенны радио-локационных комплексов? Подумал бы, стоят какие-то не то заборы, не то гигантские силки для ловли летающих ящеров.

– Но это человек. Наш с вами друг, товарищ и брат. Пусть и неполиткорректно глуп и недоразвит. А как восприняли бы эти сооружения, например, какие-нибудь выющиеся растения, обладай они неким крипторазумом?

– Да уж. Туземец ещё может разобраться: каким макаром палки спутаны с железными верёвками. Может, в рамках карго-культы, соорудить некий макет из тростника и лиан. – Согласился Фома с Борисом Моисеевичем. – Но он ведь никогда не поймёт того: а для чего этот частокол был сооружён.

Так и в нашем случае. Инженеры-строители, каменщики вольные и невольные, более-менее разобрались с некоторыми закономерностями и принципами строительства объектов, сочинили более-менее приемлемые гипотезы, отвечающие на вопрос: «Как настроили всё это?» Но никто не может дать приблизительный ответ на более важный вопрос: «Зачем это было построено?»

– Ну, видимо, для поисков ответа на этот вопрос нас сюда и собрали, – включился Антон в разговор товарищей.

– Убеждён, мы должны прорабатывать именно эту версию. Если предположить, что аккуратные выемки гранита из скального массива не являются некой «песочницей», в которой ковырялся бы волшебным совочком какой-нибудь исполинских размеров малыш. Нет, думаю, эти выемочки кажутся хаотичными только для того, кто не предполагает даже: к чему всё это было?

Борис Моисеевич решил аккуратно подвести собеседников к довольно скользкому участку рассуждений:

– То, что это не «карьеры для стройматериалов», не «постаменты для статуэток идолов», и не «полки для аппаратуры инопланетян», – это для меня абсолютно ясно. Возможно, около этих объектов усиливались магические способности. Почему бы не рассмотреть такую версию?

Дина при этих словах одобрительно вцепилась ногтями в правую руку Фомы.

-Да. Это – места Силы! – возбуждённо прошептала молодая «ведунья». И прижалась к скептику Фоме ещё непреклоннее.

– Я немного просматривал: что там думает народ в этом контексте. Есть огромное количество всяческого «околоокультурного мусора». – Хватка Дины несколько

разочарованно ослабла. Фома продолжал: – Но здоровое зерно там есть. Это, видимо, действительно существовавшие структуры. Некая «энергетическая решётка». У «решётки» есть узлы. Ну, и в узлах этой решётки монтировались некие «магические усилители». Под «магией» в данном случае я имею в виду процессы, описываемые в категориях пантеистического материализма.

Дина, несколько успокоившись, вновь вцепилась в Фому. Он, между тем, продолжал:

– Так вот. Похоже, структура была всепланетной. Сейчас остались только ошметки этой сетки. Возможно, что-то до сих пор «работает».

– Только пользователей давно нет, – сказал Антон, на миг полуобернувшись к товарищам, которых, впрочем, слушал он несколько отстранённо.

– Представьте себе как некий аналог... наши «башни вражьих голосов». Ставили их изначально как вышки сотовой связи, потом включили во всепланетную ноосферную сеть. В принципе, у космистов наших – последователей Вернадского и прочих мистических материалистов – мозги «заточены» на решение задач как раз в плане пантеистическом.

– Узловые точки казались в тех местах, где последующие культуры воздвигали свои святилища. Например, христианские храмы, – вновь подала голос Дина. – Так на их месте возникали центры уже новых цивилизаций.

– Возникли, да не везде сохранились, – Борис Моисеевич снял очки и начал яростно протирать стёкла. – Где и сохранились, но давным-давно заброшены. Где рельеф полностью изменился. Море пришло. Где то пустыни.

– Молодец, Дина! – Фома вырвал руку из ногтей почти уже заискрившей барышни и обнял её освободившейся рукой. – А ведь точно. Если запустить эти генераторы, то можно приглушить зомбо-вышки Системы и перестроить народ на разумное-доброе-вечное!

Автобус свернул с шоссе и тихонько потащился по дороге, уходящей вглубь леса. То и дело приходилось притормаживать и аккуратно преодолевать участки, почти наполовину утратившие истрескавшуюся скорлупку асфальта. После очередного поворота взору открылось озеро, и дальше дорога тулилась уже всё время к его берегу. Вскоре показались заброшенные строения и металлические конструкции снарядов для занятий физкультурой.

– Когда-то тут был Детский дом.

– Был, видимо, не так уж давно, – поддержал разговор Борис Моисеевич. – Стадион не успели распилить на металлолом. А теперь, видимо, и некому. Распиливать. И некуда сдавать.

Тишина как-то внезапно стала неуютной, и Василиса заполнила её.

– Пока ещё монастырю разрешали заниматься с сиротами, как-то жизнь худо-бедно теплилась. Но потом приняли закон о недопустимости клерикализации образовательных учреждений, и всё тут постепенно вымерло. Интернат был, так сказать, градообразующим предприятием, жители посёлка работали тут воспитателями-поварами-сторожами-сантехниками. А как ликвидировали Детский дом, так и посёлку пришёл конец. Но монастырь хоть и захирел, но выжил. Вот, кстати, и он. Приехали. Диана, ты взяла платок? Так. Кто табакозависимый, перекур тут, внутри монастыря курить не положено.

7. Монастырь

Перекур решили не устраивать, и Василиса сразу же вошла в ворота, спокойно осенив себя крестным знамением. Дина перекрестилась как-то чересчур артистично, хотя, возможно, вполне искренне. Фома и Борис Моисеевич прошли в калитку не крестясь, а Антон завершил процессию, воровато махнув щепотью. Водитель остался снаружи.

Дорога от ворот вела по направлению к храму, но, не доходя до него, сворачивала вправо – в сторону хозяйственных построек. Сразу возле врат стояла сторожка, перед ней – клумба, пока ещё по-весеннему скудная. Посреди клумбы стояла какая-то скульптура. Вначале Антон решил было, что это – какой-нибудь садовый гномик, но скульптура оказалась уменьшенной копией памятника прп. Серафиму.

Тут из-за туи показалась фигура пожилого послушника в красном свитере, который при виде Василисы достал из кармана чёрную вязаную шапочку с вышитым красными нитками крестиком и тут же нахлобучил её. Затем блаженненький вытянулся в струнку, отдал Василисе честь, приложив два перста к своей шапочке и отрапортовал:

– Здравия желаем! Сегодня – покланяемся копьё! Не забывайте о волновом геноме!

Дина, услышав знакомое словосочетание, остановилась было. Но что-то в облике блаженненького её смутило, и она зашагала прочь от этого странного человека. Фома с Борисом Моисеевичем продолжили свою дискуссию на тему полигональных конструкций и прошли мимо старичка, не обратив на него особого внимания. А вот к Антону блаженненький подошёл сам и шепнул ему в самое ухо:

– «Заушенный за род человеческий и не прогневайся». – И добавил громко: – Торсионные поля!

После чего совлёк с себя шапочку и удалился за туи.

В пору своего неофитства Антон нередко бывал в монастырях, поэтому его ничего подобное не смутило. Скорее, напротив. Успокоило.

«Всё нормально. Даже блаженненькие свои в наличии».

Фома с Борисом Моисеевичем прошествовали мимо храма в сторону противоположной калитки, ведущей к озеру, Дина, сомнабулически блуждая по территории, подыскивала себе укромное местечко для медитации, а Василиса с Антоном зашли в храм.

В храме было пусто. На лавочке отдыхал после долгой службы какой-то – судя по наперсному кресту – иеромонах.

Василиса подошла к нему и по-простецки поклонилась, коснувшись пальцами прохладного пола:

– Благослови, отче!

– Бог благословит. Что ж так нескладно приехали? Одна служба только закончилась, а другая ещё не скоро начнётся.

– Да мы, отче, спонтанно.

– Ну, присаживайся, лавок всем хватит. И ты тоже, брат, присаживайся.

На Антона опять что-то нашло, и он решил не подходить к иеромонаху под благословение, а просто уселся на ближайшую лавку.

– Земной спецназ приехал в гости к спецназу небесному. Давненько, сестра, тебя не было у нас. Всё тебе некогда. Готовишь реконкисту?

– Ну, отче. Типа того.

– Это правильно. Пока зверь не воцарился, можно и должно покушаться препятствия чинить ему, окаянному.

– А как же слова святителя Игнатия? Про то, чтобы мы и не старались своими жалкими силами остановить поток? – Антон почувствовал лёгкое раздражение.

– Ну, начнём с того, что святитель писал это не Вам. И не мне. И не сегодня. Контекст, как говорится, определяет интерпретацию. Не так ли?

«Ага. Батя из грамотных. Это хорошо», подумал Антон.

– Вы, отче, вижу, приветствуете реконкисту. Может быть, у вас и чин имеется?

– А как же! Видишь, погоны гэбэшные из под рясы торчат.

– Нет, я серьёзно. О каком сопротивлении может идти речь, если всё уже схвачено?

– Во-первых, всё – да не совсем всё. И потом, помнишь притчу про то, как на берег выбросило морских звёзд тыщу штук? Ходил один сердобольный, забрасывал их обратно в море. А ему и говорят: что ты стараешься? Всех-то не спасёшь? Какой смысл суетиться? И что он ответил?

– Что?

– Он ответил, что те морские звёзды, которые спасаются благодаря его суете, суетой это дело не считают. Они спасаются. И он не суетится, а спасает то, что ещё можно спасти.

– Кого у нас можно спасти, если все на добровольную лоботомию согласились.

– А ты тоже согласился?

– Я? Нет.

– Ты что ж, полагаешь, что ты самый умный, самый волевой? А остальные просто зомбаки бестолковые?

Антон промолчал, а монах продолжил:

– Может и мало толку от многих, но «под дождём оказались разными. В основном: чистые, хорошие». Или как там в песне пелось? Уже позабыл.

– «Честные, хорошие...» – поправил Антон.

– Ну вот. Себя-то ты именно таким считаешь. Не правда ли?

С Антоном разговоров о покаянии давно уже некому было водить. Само собой, это ему пришлось не по нраву.

– Да я в курсе, что многогрешный и вообще: хуже всех. Но вы-то? Я имею в виду Церковь? Вас обломали и встроили в подсистему в качестве даже не могу подобрать слова – каком?! Пока вы нужны были для каких-то политтехнологий, вами пользовались. Ну, то коммунистов доконать, то создать иллюзию своей инаковости от остального прочего человеичника, то ещё там для каких-то уж совсем частных задач... Потом патриарх Мефодий что-то не так сделал, уж не знаю что – и всё. Прошла любовь и закончилась симфония!

– Как я понял, сам ты себя от Церкви отделил? Иначе откуда это всё: «вы, вас».

– Я себя отделяю от аппарата конфессионального.

– Что: «Бог в душе»?

– Нет. Бог не в душе. Это ад в душе.

– Ну, так-то уже лучше. Значит, кое-что понял. Начинаешь понимать. Хотя и Царствие Небесное тоже внутри нас есть. Только мы сами от него отгораживаемся.

– И, всё же, – Антон немного освоился и решил всё-таки, наконец-то, высказаться. – Как вы, Русская Церковь, можете стирать с лица плевки и делать вид, что ничего не произошло?

– А что такого особенного произошло?

– Как это: «что произошло»? Народу одурачили голову всякими «вызовами общепланетного масштаба», прочипировали, загнали в человеичники, а где был голос Церкви!? Вместо протеста выторговывали, небось, себе места под солнцем, чтобы совсем в утиль не списали?

– Какого протеста?

– Протеста против превращения хотя бы то нашего фрагмента глобуса в электронный концлагерь!

– Нет, я понял, куда ты клонишь. Я спрашиваю о другом: кого, какую часть нашего общества должна была – по твоему мнению – воодушевлять Церковь на сопротивление? И какие формы должно было принять это сопротивление?

Антон молчал.

– И насколько эффективным могло бы стать это сопротивление?

– Отче, я не понимаю: вы что же – совсем нисколечко не уповаете на милость Божию? Всё просчитываете. В политтехнологии заделались?

– Да какая, брат, политтехнология. Просто трезвость.

Василиса, тем временем тихонечко встала и, достав из ящика несколько свечей, пошла ставить их перед образами. Оставив спорщиков одних.

– Трезвость. А то можно сделать красивый жест, а толку от него будет... Вот где сейчас наши ревнителы? По лесам болтаются, по дачам сидят заброшенным? Ради чего?

– Они, по крайней мере, свою единственную жизнь живут честно, – попытался огрызнуться Антон, хотя это у него получилось не очень убедительно.

– Да брось ты... «Живут»... Не живут, а выживают. Неизвестно: ради чего.

– Как это: неизвестно ради чего? Ради того, чтобы печать не получить.

– Чип, что ли, имеешь в виду?

– Да. Чип.

Монах замолчал. Эти разговоры про чипирование он разговаривал уже не одну тысячу раз. А, всё-таки, каждый раз умолкал, чтобы проговоренное не выглядело каким-то рапортом из методички. Впрочем, оно, это проговоренное, всё равно, чаще всего именно так и воспринималось.

– Да некого было, на самом деле, объединять для протеста. Православные наши патриоты как обычно разделились на «сто-пицот» сект, партий и фракций, одна праведнее и патриотичнее другой. А народ наш... Если бы в храмы ходил не один из ста, а, хотя бы то, один из десяти – вот тогда можно было бы протестовать: хоть крестными ходами ходить, хоть даже немного побузить.

Антон не ожидал такого ответа, потому оставил при себе заготовленные колкости.

– Так что пришлось действовать иначе. И ошибки его святейшества Мефодия в данном случае уже не играли такой системной роли. Просто он стал символом неудач. Одной из неудач.

Василиса вышла из храма.

Монах негромко продолжал:

– В общем-то, оказалось, что опираться в дальнейших попытках сопротивления строителям царства антихриста можно только на чекистов и на ту часть отечественных капиталистов, которые – из своих шкурных интересов – яростно сопротивлялись капиталистам-транснационалам. У чекистов тоже были свои шкурные интересы. Но среди них, так же, как и среди капиталистов, достаточно было людей, которые не только любили своё Отечество, но и от всей души отвергали тот Содом, который навязывали транснационалы.

– Но людей-то всё равно прочипировали, загнали в челоуейники и теперь зомбируют, превращая в скот! Что теперь толку разводить базар про чекистов-патриотов и аскетов-капиталистов!

Монах помолчал и продолжил:

– Народ сам выбрал себе образ, наиболее соответствующий внутреннему его состоянию. Ты сам-то можешь про себя сказать, что тебе так уж чужды похоть плоти, похоть очес и гордость житейская? Не скажешь. И я сам о себе такого не скажу.

Антон поёрзал было, но ничего не ответил.

– А чекисты, по крайней мере, что-то пытаются делать. Как-то ставят палки в колёса этому катку содомскому. Хотя их палки – это, чаще всего, не палки, а соломинки. Да и у катка спицы не предусмотрены. Потому своими способами они не особенно повлияют на сроки воцарения великого лжеца.

Антон усилием заставил себя не тереть кончик носа, чтобы не демонстрировать столь явно своего недоверия к словам монаха.

– Но ведь пытаются. И пытаюсь, приближают свои души к очищению. Хотя и могут подзаблудиться. Вот ты и подскажи: что к чему. Ты же грамотный.

Иеромонах решил, видимо, что пора закругляться:

– Ты пойми: чекисты эти не хуже нас с тобой, брат. У нас самих грехов хватает. А мировоззрение, модусы вивенди всякие – это дело наживное. Ты вот человек, видимо, грамотный, вот ты и подскажи. Но слова твои должны быть полновесными. А как они станут полновесными, когда у тебя самого-то большие проблемы с самым главным. Со стержнем. Да я, в общем-то, и сам такой... никчёмный. На милость Божию только и уповаю. Он один нам опора. А мы не впускаем Его в свою душу. Откуда же взяться силам? Откуда взяться стержню?

Антон не спорил, сидел совсем уж тихохонько.

– Ну да ладно. Служба была долгая, а вечерняя ещё впереди. Надо немного передохнуть. Но ты же сюда к нам приехал не на экскурсию? Верно? Пошли, поисповедуешься.

8. Как Любовь Шевченко стала Василисой без фамилии

Василиса тем временем гуляла по монастырскому кладбищу. Гуляние это по старинным кладбищам неизменно умиротворяли её. Так было и сейчас.

Василиса, ещё в бытность свою Любой, сразу же после окончания училища культуры подалась в столицу – штурмовать бастиионы высших заведений. Ни в одно из заведений не прошла, ни в актрисы, ни в театроведы, ни даже в культурологи. Один господин из комиссии по приёму в киноведы не принял её по простейшей совершенно житейской причине: питал он слабость к маленьким женщинам, которые являли собою воплощение истерического надрыва и прочих печатей декаданса. Люба была девушкой крепко скроенной и полной жизненных сил.

Не устроившись в киноведы, она подалась в кинологи, благо, эта тема собачья была всегда ей по душе. Собачья стихия поначалу была поприщем достаточно хлебным, Люба даже начала было писать книгу о военных кинологах, дрессировавших во время Великой Отечественной собак-подрывников. Материалы к этой книге публиковались в разно-

всяких собачье-кошачих и даже охотничьих журналах, и однажды с ней, как с автором материалов, решил познакомиться один читатель.

Читатель, впрочем, к разочарованию Любы, оказался агентом одной из спецслужб, и наша несостоявшаяся актриса решила было устроить комедию, но потом что-то остановило её.

– Знаете что, рыцарь плаща и кинжала. Я, конечно, вошла в зальчик славы звёзд мирового кинематографа, изобразив пра-сти-тут-ку... но Матой Хари становиться у меня планов до сих пор не было.

В ответ на это агент сумел убедить её, что, дескать, никто и не собирается использовать в качестве такого рода агента. Что у неё есть определённый набор качеств, которые она сможет реализовать, принеся существенный вклад в деле того геополитического противоборства, которое вошло в критическую фазу как раз после очередного мирового экономического кризиса.

Интересно, что, пытаясь вытащить из памяти детали самого первого их разговора, Люба, ставшая со временем Василисой, никак не могла вспомнить дословно ни одной из фраз, сказанных агентом. Потом он приносил какие-то флэшки с записями аналитических передач «для чайников, стремящихся разобраться». Там рассказывалось о том, кто из видных фигур и каким образом встроены в ту или иную из противоборствующих групп, объединённых вокруг того или иного центра финансовой и политической силы. Чем отличаются идеологии, исповедуемые представителями противоборствующих за кулисами сил. Каким видят будущее планеты одни, каким – другие. Какими методами пытаются достигнуть своих стратегических целей одни, и что и как им могут противопоставить другие.

Однажды что-то подсказало ей, что в логике одного из головокружительных расследований, что-то не состыковывается. Речь шла о злополучном коронавирусе, точнее, самом начале пропаганды «пандемии».

Блогеры подняли тогда шум, что вся эта эпопея была спланирована заранее, и что существуют доказательства, подтверждающие эту версию. Люба же обратила внимание на то, что два фрагмента якобы одного бумажного текста свёрстаны в разных программах. Сканы текстов об этом просто вопили всякому человеку, мало-мальски знакомому с издательским делом. А работая с журналами, она уже имела некоторые зачаточные навыки оценки вёрстки текстов. Потом она забила цитаты в интернет, и тут же отыскала в сети полные куски текстов, которые оказались принадлежащими совершенно разным произведениям.

– Странно, что на такую простую операцию оказались неспособны ваши детективы, имеющие чины и зарплаты.

– Можете считать, что у Вас, Любовь, уже есть и чин, и зарплата, – простодушно ответил на это агент, который со временем в сознании Любы обрёл уже некоторые человеческие черты, и даже воспринимался ею без нарочитой отчуждённости.

Между тем, ей тогда было уже «под тридцать», а где «под тридцать» – там уже не сегодня-завтра «за тридцать», т.е. читай: «под сорок»... Время ускоряло свой бег. Жизнь никак не складывалась. В собачьей теме она всё больше и больше начинала ощущать себя каким-то маргиналом.

А тут – типа, спасение человечества от глобалистов.

Не так уж плохо для начала.

9. Из Монастыря

– И вот что, Антоний, – говорил на прощание иеромонах Иоанн. – Тебе Господь посылал доброго наставника в пору твоей молодости. Всякое дело проверяй тем, как душа к нему ложится: в смущении ли, в неуёмном восторге? Или там мир и благодать. Но, чтоб камертон этот иметь внутри себя, нужно его лелеять. Как есть правильно настроенный музыкальный инструмент, так есть верно настроенная душа. Не можешь в миру нести на себе всё то, что пытались наши неофиты конца прошлого века взваливать себе на плечи, – не взваливай. Чтоб не было крайностей. Открыл утром глаза, сотвори Иисусову молитву столько, сколько сможешь поддерживать внимательное отношение. То же самое – перед тем, как закрыть глаза на ночь. Не занята голова в течение дня ничем – сотвори эту молитву. Тебя от Системы отключили – вот и слава Богу! Вот и даёт тебе Спаситель шанс уже не отвергаться от него в страну далече.

И вот ещё. Разберись ты со своими бабами. Нехорошо это – одну поматрасил и бросать собираешься. Теперь надумал другой голову морочить. Вот этого не нужно. Разберись с самим собой. Остальное – Господь Сам устроит. Так, как будет полезно и тебе, и тем, кто будет рядом с тобой.

Антон и Василиса зашли в автобус последними. Водитель что-то шепнул Василисе. Она призадумалась, а затем обратилась к пассажирам:

– Товарищи, внимание! Хочу сообщить вам известие...

– Пренеприятнейшее? – переспросил Фома.

– Нет, обыкновенное. К нам едет генерал.

Фома с Борисом Моисеевичем попытались вяленько побалагурить на эту тему, но, трезво оценив степень оригинальности своих острот, затею эту оставили и вернулись к обсуждению мегалитов, сложенных из полигональных конструкций.

Антон размышлял о том, что, конечно же, никаких серьёзных чувств по отношению к Любе-Василисе он не питает, да и не может питать. Его непрерывно уязвляемому Викторией самолюбию льстило то, что его, в кои-то веки, воспринимают всерьёз. В отношениях с дочерью профессора страсти давно уже утикли. Собственно говоря, никаких вспышек-то и не было. Так, протекла крыша после сильного затяжного дождя – и на штукатурке под лепниной образовался потёк бледно-ржавого цвета. Его бы забелить чем-то, но как-то всё не до того было. Так и привыкли к этому пятну на стене под потолком. Остался... расчёт. Нет, не банальная алчность, а просто удобный статус потенциального мужа для полуразведёнки.

«Нужно ли это ему?»

А нужно ли это ей?

Когда-то нужно было совершить ритуал разрыва отношений с мужем, ритуал был совершён. Никаких особенных фейерверков эмоций новые отношения у молодой женщины не вызвали.

Дарила ли близость с ним ощущение покоя и уверенности в завтрашнем дне? Очень даже синусоидально.

По всему выходило так, что несостоятельность их отношений целиком и полностью было следствием именно его несостоятельности.

И теперь он собирался предпринять попытку начать морочить голову другому человеку. Той, которая ещё двое суток назад была, всего-то навсего, одним из выцветших воспоминаний молодости.

А если она его сходу отошьёт? Ведь у него не хватит ни силы духа, ни остроумия перевести конфуз в разряд шутки. Создаст сам себе из ничего новую проблему.

Вместо того, чтобы осмыслить тот круг вопросов, ради чего, собственно говоря, эти получекисты-полумасоны их и собрали тут».

Автобус вернулся на базу и остановился у терема. Василиса перепоручила приезжих Дон Кихоту, который отвёл Антона, Фому и Бориса Моисеевича в терем, там усадил за стол и объявил:

– Коллеги, в связи с тем, что для Системы вы в некотором смысле перестали существовать, ваше возвращение в Филиал... во всяком случае, до того, как произойдут некоторые изменения принципиального характера, – не представляются возможными. Посему я предлагаю каждому из вас составить список личных вещей, которые вы бы хотели получить на руки. Наш человек сегодня отправляется в Филиал улаживать некоторые формальности, заодно будет уполномочен изъять из ваших жилищ те предметы, которые вы зафиксируете в ведомостях, бланки которых я сейчас раздам.

Борис Моисеевич пожелал получить фотографии дочерей с семьями, Антону захотелось печатную машинку, а Фома заявил, что «Всё своё он всегда носит с собой». И материалы его исследований хранятся на флэшках, которые он предусмотрительно прихватил.

Василиса принесла чайник с каким-то жизнеукрепляющим питьём, после чего коллегам предложено было подняться на второй этаж, где должна была состояться встреча с генералом.

10. Совещание

Помещение, в котором должно было состояться совещание, представляло собою типичную «горницу евроизбы». «Евроизбы» были достаточно популярны в начале XXI века у части антиглобалистически настроенных небедных жителей столицы и области. В помещении Антон не обнаружил ни вырезанных из липы болванов, ни камней, ни даже, на худой конец, рериховского «знамени Мира» – белого полотнища с тремя красными точками, обведёнными красным кругом. Нет, этого не было. В красном углу был образ «Спас – Ярое Око». Стены из калиброванных брёвен были лишены какой бы то ни было

наглядной агитации, всё функционально: жалюзи на окнах, кондиционер, довольно крупный экран визора.

Наличие экрана и отсутствие шара в пирамидке лишней раз подчёркивало, что наши герои находятся в зоне, свободной от Системы всепланетной ноосферной сети.

Отчасти горница была уже заполнена специалистами, участвовавшими в проекте «Космические врата», но несколько берёзовых лавок оставались свободными.

Антон побаивался, что сейчас всем им придётся участвовать в акте проявления лицеприятия, переходящего в открытый подхалимаж. Однако, генерал, стремительно вошедший в горницу, вовсе не стал упражняться в демонстрации военно-морского юмора, скорее даже наоборот.

При появлении генерала все встали с лавок. Вошедший доброжелательно кивнул собравшимся. Повернулся и неспешно перекрестился на образ. Затем занял кресло за столом, стоявшим в красном углу. Жестом предложил всем присаживаться.

– Товарищи, здравия желаю. Мне, как руководителю проекта, приятно видеть среди нас новые лица.

Говорил настолько властно, что повышать голос не было никакой необходимости. Собравшиеся сидели тихонечко, как школьники на открытом уроке в присутствии строгого директора школы.

– Из-за «лужи» доставили вчера кое-какие данные, подтвердившие ранее получаемые сведения, – Говоривший задумался. Но это, впрочем, совсем не походило на актёрскую паузу. Генерал продолжил: – И прежде, чем мы приступим к обсуждению текущего состояния дел в нашем проекте, хотелось бы поделиться с вами некоторой информацией. Речь пойдёт об агентурных сведениях, которые после получения новых данных, перешли из разряда вероятных в разряд достоверных.

Ни для кого не секрет, что специалисты по клонированию, работающие в некоторых исследовательских центрах за рубежами нашей Конфедерации, сумели решить ряд поставленных задач.

Аккумуляция населения в мегаагломерациях способствовала освобождению земельных угодий на значительных пространствах. Это привело к своего рода новому огораживанию. Теперь эти земли перешли в собственность агрохолдингам, а также прочим субъектам финансово-экономической деятельности.

Это всё хорошо известные всем вещи.

Все всё видят, что у кого делается, спутники свою работу делают исправно. Наши коллеги из отдела внешней разведки наблюдают за супостатом. Супостат наблюдает за нами. Никаких таинственных объектов, якобы не существующих на карте, не бывает. На картах есть всё.

Мы тоже есть на их картах. Надеюсь, в качестве одного из медицинских учреждений. Санатория-профилактория. Не напрасно же мы настроили тут теремов и избышек на курьих ножках. Пусть супостат видит: курорт для серьёзных высокопоставленных сердечников, построенный в «этно-стиле». Некоторые из больных даже и оканчивают тут

дни своей земной жизни. И Система фиксирует прекращение сигналов, подаваемых чипом того или иного биологического объекта. Кстати, часть персонала – вполне обычные люди, которые ухаживают за совершенно реальными больными, которые наслаждаются природой на территории той части базы, которая дислоцируется за рекой. Это я к тому, что небольшие лабораторно-исследовательские центры имеются и у нас, и за бугром, наши коллеги и партнёры об этом знают и в меру своих сил стараются расширять... так сказать... эрудицию в данном вопросе.

А с недавних пор на угодьях агрокорпораций, находящихся на североамериканской территории, появились объекты хозяйствования, который вызвали у нас повышенный интерес.

Удалось выяснить, что объекты эти представляют собою фермы, выращивающие ...клонов людей.

Спрашивается: зачем нужны клоны людей в промышленных объёмах?

Планета до сих пор находится в состоянии перенаселённости. Огромное количество жителей планеты ведёт полупаразитический образ жизни. Следовательно, создание пробирочных людей не может быть обусловлено проблемами нехватки рабочих рук на неких низко квалифицированных работах.

Чтобы ответить на вопрос: «зачем нужны клоны в таком количестве?», необходимо разобраться: «кому выгодно наличие такого количества... извините за цинизм... биоматериала?»

Ответив на этот вопрос, найдём ответ и на первый.

Выясняется: фермы принадлежат медико-фармацевтической корпорации «Мёбиус».

Корпорация давно занимается трансплантациями. И теперь её деятельность выходит на принципиально иной уровень. Теперь уже можно свернуть дорогостоящую программу поиска доноров. Теперь доноров будут выращивать специально под клиента.

– «Отчёт Брэдбери», – вслух произнёс Борис Мисеевич. И сам испугался того, насколько отчётливо прозвучали его слова.

– Простите, что Вы сказали? – спросил генерал.

– Простите. Я назвал книгу американского фантаста, где как раз упоминалось нечто подобное. Книга вышла ещё в докоронавирусную эпоху.

– Продолжайте, пожалуйста.

– В книге описывается, что клонов выращивали специально для того, чтобы у каждого человека, включённого в эту медицинскую программу, всегда имелись «свежие запчасти». Автор, Стив Полянский, кажется, пытался сформировать какую-то общественную волну против этого дела. Но после «негромайдана» американскому обществу стало уже не до протестов такого рода.

– Не до протестов. – Повторил генерал и опять призадумался. Затем он встал и подошёл к экрану.

– Сейчас посмотрим небольшое кино.

Фома почувствовал, что ему всё сложнее и сложнее удерживать внутреннюю дистанцию по отношению ко всему, о чём говорил сейчас генерал. К тому же ему не понравилось, что эти мистические чекисты, в компанию к которым их угораздило угодить, действуют совершенно шаблонно. Вспоминался старый советский кинофильм, где человека, наотрез отказывавшегося связываться со шпионами, удалось уломать именно после показа кинохроники.

«Сейчас покажут нам жертв концлагерных опытов. И это должно будет спровоцировать у нас, новообращённых, пятиминутку ненависти», желчно поразмыслил молодой скептик.

Генерал включил запись.

– Как видите, перед нами вовсе не некое подобие зловещего лагеря смерти, наподобие тех, которые сооружали нацисты. Узники во вполне сносной физической форме. Кормят их не хуже нас с вами. Пожалуй, даже сбалансированнее. Никаких излишеств, которые могли бы негативно отразиться на обмене веществ. И таким образом повлиять на сохранность «запчастей».

Перед нами вовсе не живые мертвецы нацистских лагерей, но и не амёбы, плещущиеся в колбах со шлангами, как это изображается в триллерах.

Нет, перед нами – вполне физически здоровые ...зомби. Не понимающие того, что выращивают их на убой.

Пропагандисты из «Мёбиус» объявили, что они поставили – как это сейчас называется – «амбициозную» – цель: отточить методы поддержания жизнедеятельности организма своих клиентов до такой степени, чтобы можно было худо-бедно дотягивать до 200 лет активной жизни. Это – не предел. Дальше обещают больше. Тем более, что каждый клиент «Мёбиуса» сможет заказывать себе клона неограниченное количество раз.

Со временем процедура заказа клона, его выращивание и последующая трансплантация органов и всего прочего – со слов пропагандистов «Мёбиуса» – станет вполне по карману среднему обладателю всех необходимых страховок.

– Подведём предварительный итог сказанному. На наших с вами глазах создаётся инструмент, позволяющий осуществлять медицинские манипуляции, в результате которых появится возможность продлевать физическую активность человеческого организма на достаточно длительный период времени, – закончил вступительную часть своей речи генерал.

– А теперь подумайте и скажите: много ли найдётся сегодня людей, которые откажутся продлевать активность своих организмов на неограниченно длительный срок?

Присутствующие вежливо молчали. Василиса, на правах любимицы «старых солдат, не знавших слов любви», позволила себе трапортовать:

– Клонирование неприемлемо для представителей христианства, ислама и иудейства. Люди, для которых вера кое-что значит в жизни, на это не пойдут. Другое дело, что таковых у нас в Конфедерации... процентов семь. Может быть, восемь. Вряд ли больше.

– Иными словами, как только вопрос перейдёт в практическую плоскость, Совет Конфедерации без особых проблем проведёт соответствующие законы. И где-нибудь в Русском Нечерноземье, в медвежьих углах бывшей Тверской или Брянской губерний, начнут строить питомники для выращивания несчастных существ, предназначенных на роль инкубаторов «запасных частей» для клиентов какой-нибудь «дочки» «Мёбиуса».

Генерал прошёлся по горнице и присел на лавку рядом с Фомой. У того душа ушла в пятки.

– Да они уже пытались было пощупать такую возможность. Ещё десять лет назад. Тогда нам пришлось задействовать несколько оперативных групп, которым удалось установить постоянное наружное наблюдение за агентурой. Пока мы аккуратно разрабатывали супостатов, коллеги из Босфорского халифата, – генерал хмыкул, видимо, вспоминая какой-то курьёз, – мы тогда работали с турками бок о бок... М-да... Османы просто с показательной жестокостью ликвидировали большую группу агентов «Мёбиуса», которые пытались на базе заброшенного оздоровительного комплекса на Брянщине создать экспериментальный питомник.

Пока эти башибузуки в праведном гневе сдирали шкуру с одного из пойманных... бесов в человеческом обличье, другие успели подать сигнал через Систему и их просто умертвили свои же. Посредством ноосферной сети, ясное дело. Шарахнули импульс – и готово.

– На территории бывшей Украины сейчас питомники клонов создают в зонах отчуждения – в тех областях, которые когда-то могли стать Новороссией, – вставила Василиса.

– Эх, Любушка, да наш россиянец – такое же дер*мо собачье, как и хохол. Просто их силовики так и остались советскими прапорщиками. И лизут сраки полякам с утроенной энергией. Междуморье, б**... Прости, Господи! А мы вот пока что воюем с этими сатанистами. Пока ещё можем им мешать.

– Вот Вы, молодой человек, – генерал обратился к Фоме, – наверное, думаете, дескать, старый мясник на старости лет «ударился в религию», и теперь раздувает пожар Четвёртой Мировой?

Фома сидел ни жив ни мёртв. Он примерно так и думал.

– Раздуваю, ребята. Раздуваю. Мы теперь не агентов «Мёбиуса» будем ловить. Нет, не этих микроскопических бесенят. Мы должны сковырнуть всю Систему. Разберёмся вот только – как работали мегалитические генераторы, запустим их с Божией помощью. И расхреначим эту Систему ноосферную. А не будет Системы – тогда мы за несколько часов передушим всех этих гнид, что сидят тут на теле нашего народа как клещи. Сидят они тут как клещи, эти бесы в человеческих обличьях, да копытцами потирают, дескать, «хочешь, Ванюшка, развеяться, на тебе, футболы-хоккеи с Евровидениями». Сиди только в своей капсуле, да не рыпайся. Они бы и этого Ванюшку уже давно на запчасти пустили, да не совсем ещё комильфо. Да и лучше вырастить клона, там запчасти будут идеальнее.

Я ведь, когда прибыл на вертушке на ту базу, где Эмиль лютовал, нашёл там нескольких ребятешек-клонов.

Видимо, нужно было их чем-то особенным кормить, да где ж нам знать... Корчились эти ребятки – как наркоманы во время ломки. Мы их на вертушку погрузили, думали, успеем привезти в госпиталь, откачать. Нет. Не успели. «Мёбиус», ясное дело, запустил у них в

организмах какие-то необратимые разрушительные реакции. Они ж прочипированы были. Один мальчонка скончался прямо у меня на руках. Хрипел, потом дёрнулся – и всё. И головка такая – как у моего сына была в детстве. Волосики тёмно-русые. С золотистым отливом. И две макушечки, а между ними – хохолок непричёсываемый...

Заревел я тогда, и поклялся разделаться с этой конторой. Чего бы это ни стоило.

Я ведь, дорогие мои учёные, могу бойца уложить куском алюминиевой проволоки. Нас этому хорошо научили. Но тут нужна другая проволока. Тут нужно запускать мегалиты, чтобы всю Систему снести. А потом уже передадим конкретных гнид. Мы передадим. А вы, дорогие мои, только разберитесь с этими камнями: как они работают?

Часть пятая

1. Опять про полигоналку

– Все бесконечные дискуссии о технологиях изготовления бессмысленны, т.к. неправильно определена цель работы по их созданию.

Директор Биостанции был рослым и седобородым. Обладал бровями гомерических размеров. Говорить умел, держал аудиторию с непринуждённостью, но без суетливой фамильярности.

– Если цель – это выработка горной породы для получения каменных плит или блоков, то да, разговоры об инструменте имеют некий смысл. Если же целью работы является создание определённых конфигураций в естественных скалах или в искусственных мегалитических сооружениях, то разговор смещается в другую плоскость.

Спустя сутки после совещания с генералом, часть участников проекта «Космические врата» перебросили на одну из закрытых баз, коими была добросовестно нашпигована Таврическая губерния.

Тут, неподалёку от живописного черноморского побережья, в помещении некогда полузаброшенной биостанции была оборудована лаборатория.

Назвать это помещение «лабораторией», разумеется, можно было лишь с очень большой долей допущения. Не было там ни колб, ни реторт, ни даже заваливающих штабелей с процессорами. Лаборатория больше напоминала какой-нибудь областной краеведческий музей, который, после принятия закона о реституциях, выселили из обжитого им помещения, и наиболее громоздкие и неподдающиеся атмосферному воздействию экспонаты были аккуратно расставлены вдоль стен.

Несложно догадаться, что вдоль стен внутреннего дворика были расставлены разнообразнейшие куски гранита и базальта – как совершенно дикие, так и превращённые в замысловатые многоугольные фигуры.

Лабораторией эта бывшая биостанция была лишь в том смысле, что в одном помещении была собрана и отгорожена от суетного мира группа людей, которые пытались разобраться с весьма специфической задачей. Причём решение, судя по всему, должно было быть найдено «на кончике пера».

Сейчас учёные сидели вокруг стола, над которым парило трёхмерное изображение объектов Мачу-Пикчу.

Поскольку Фома и Борис Моисеевич имели представление о предмете обсуждения, то теперь они могли принимать самое живое участие в дискуссиях, делясь с новыми коллегами соображениями по сути проблемы.

Перед членами исследовательской группы выступал хозяин Биостанции.

Утром за завтраком его представили новым участникам проекта, но у Фомы была отвратительная память на имена, и он умудрился забыть имя директора буквально через несколько секунд после знакомства. Поскольку же директор был человеком рослым, а седая борода и совершенно водевильные густые брови были яростно включены как у Карабаса Барабаса, то для себя Фома докладчика именно так и обозначил: Карабас Барабас.

Карабас продолжал:

– Когда эти конструкции складывались из полигональных объектов, то, скорее всего, никто ничего не выпиливал. Нишу в скале могли сделать любым инструментом при бесконечном количестве времени. Хоть ногтями выцарапать. Шутка.

– Судя по характеру воздействия, оно было бесконтактным, – включился в разговор Борис Моисеевич.

– Да сейчас мы не о способе деформации. Мы сейчас говорим не о том: как монтировался аппарат. А перед нами, несомненно, аппараты. Просто построены эти аппараты не из металлов и полимеров, как нам привычно, а из других материалов. Из камней. Мы, повторюсь, собраны тут для того, чтобы разобраться не в том: «как оно сделано?» А в том: «зачем?»

Над столом, слегка подрагивая, плавало полупрозрачное объёмное изображение фрагмента скалистого ландшафта с надстроенными на нём сооружениями из каменных плит многоугольной конфигурации. Программа позволяла видеть в объёме не только весь комплекс в целом, но и каждый элемент конструкции по отдельности, как бы «вынимая» его из полигональной кладки. Карабас включил трёхмерку уже следующего объекта и продолжил:

– Итак, мы видим некие ниши в скале. Если предположить, что это карьеры, тогда уже вопрос «чем ковыряли?» будет не столь уж принципиален. Хоть болгаркой, хоть джедайским лазерным мечом. Цель ясна: добыча каменных плит и блоков.

– Но если бы речь шла о карьере, то, по всей вероятности, выработка бы выглядела иначе. И если строительство было самоцелью, то плиты, скорее всего, были бы стандартизированы. Пусть при этом и оставались бы многоугольными, с «замками» и винтообразными плоскостями, – Борис Моисеевич решил, наконец, озвучить те вещи, над которыми он задумывался ещё в пору своей ранней молодости, когда тема полигональных конструкций была довольно обсуждаемой. Пусть и в кругу людей, принадлежавших к не очень широкой прослойке.

– Если предположить, что некий инженер прорабатывал типовые наборы геометрических фигур, из которых было бы удобно воздвигать сейсмоустойчивые конструкции, то так называемый «карьер» выглядел бы совсем иначе.

– Вот именно! – С восторгом поддержал нашего барда-эрудита Карабас Барабас. – Так называемый «карьер» демонстрирует следы столь идиотского способа добычи строительного материала, что любой технолог схватится за голову. Или за морду, если предположить, что строили не наши предки, а ящерицы с других планет.

Карабас Барабас расхохотался, причём, весьма заразительно.

– Зато, если предположить, что перед нами некая скульптура, точнее, не скульптура – как предмет демонстрации эстетического стандарта, а скульптура – как некий объёмный объект, «заточенный» на выполнение определённой функции, то кое-что станет ясным! А? Если мы предположим это, то всё становится на свои места!

– Выемки, кресла, ступени и прочие следы выборки материала – это никакая не выборка, а элементы этой самой фигуры, – поддержал бровастого весельчака обладатель тоже достаточно колоритных бровей.

– Пра-виль-но! Ну, мы же не замораживаемся вопросами: куда это скульпторы лишний мрамор подевали, когда свои нетленки ваяли!? Если цель – создание объекта определённой формы и структуры, то стёсываемый материал мог деваться куда угодно. Да хоть просто «распыляться на атомы». Уничтожаться.

Объёмное изображение мегалитического объекта уменьшили в масштабе и вращали его, то так, то эдак, пытаясь увидеть в самой форме некую подсказку.

– Да тут не то, чтобы рептилоид, тут какая-нибудь «чубака» прилетит в голубом звездолёте, шарахнет дезинтегратором материи – и готово! И наш брат египтянин сделает то же самое. Времени у него полно, может и пальцами протереть. За миллионы лет. – Карабас Барабас, похоже, истощил запас незамысловатого юмора, и вновь стал серьёзным.

– В данном случае, опираясь на то, что я видел, могу ответственно заявить: и ниши, и полигоналка – с долгой подгонкой блоков сложной формы – всё это более всего походит, как верно отметил Борис, на некое бесконтактное уничтожение материала. Отсюда же идеальные следы сверления каменных блоков в Египте. На несколько метров в граните идеально круглые отверстия.

– Ну что Вы, Юрий Владимирович, – обратился к Карабасу Барабасу Борис Моисеевич. – Наука давно со всем этим разобралась. Разве Вы не в курсе? Игорь Евгеньевич Подберёзкин, специалист по инкам, выпустил книгу, где всё объясняется. Прошу заметить: Подберёзкин – это вам не какой-нибудь «мэнээс», меньше некуда. Это – серьёзный академический учёный: доктор исторических наук, профессиональный историк, археолог, этнограф, специалист по сравнительной мифологии, истории и археологии Мезоамерики. И прочая, прочая.

Собравшиеся ещё не улавливали иронии в словах старого любителя букинистических научно-популярных журналов. Но зато Фома теперь хоть вспомнил, что Карабаса Барабаса зовут Юрием Владимировичем.

– Загадка кладки, которую сооружали инки, с точки зрения этого обладателя чинов и степеней, очень проста. Помню, он накатал нечто, что потом ещё вышучивали в КВН-ах, пока ещё в КВН-ах шутили, а не гоготали. Так вот, объектом глумления была высоконучная мысль. Сейчас я попробую воспроизвести её максимально близко к оригиналу...

Борис Моисеевич прикрыл глаза, и процитировал:

– «Хотя зазоров между блоками сейчас действительно нет... причина здесь кроется не в тщательной подгонке, а всего лишь в естественной деформации камня. Заполнившего со временем все щели».

– Прошу запомнить это: «в естественной деформации камня» всё дело! А вообще-то, официальная наука устами высокочтимого специалиста по инкам авторитетно заявила следующее: «кладка – как таковая – довольно примитивна: блоки нижнего ряда подгоняли под верхние, действуя методом проб и ошибок». Надо полагать, феодалы заставляли индейцев затаскивать многотонные плиты на участок строительства, потом эти плиты каким-то образом поднимались над кладкой и начинали «методом проб и ошибок» подгонять. Используя при этом бронзовые пилы и рашпили. Которые, как мы понимаем, были изготовлены из материала, уступавшего по твёрдости собственно обрабатываемым камням. Да и ворочать туда-сюда куски скал им тоже было легко и просто: как-никак метод проб и ошибок!

– И ещё! – Подхватил Юрий Владимирович, – поскольку сплавы меди мягче обрабатываемого материала, то мы должны были бы обнаружить следы на якобы выпиленных блоках. Но никаких следов – нет.

– А я вот ещё о чём только сейчас подумал, – наконец-то дал о себе знать Антон. – Ещё один очень странный момент. Даже по официальным датировкам, пирамиды и вообще все мегалитические постройки создали до появления мощных централизованных государств. Т.е. при полном отсутствии сильной, центральной власти, которая могла согнать на подобные стройки сотни тысяч якобы рабов-чернорабочих.

– Спасибо, Антон Павлович, очень верное замечание. Камушки-то, якобы таскались многотысячными бригадами. Которые нужно где-то собрать, согнать, охранять, накормить и мотивировать на перетаскивание блоков, минимальный вес которых – несколько тонн. Блоки египетских пирамид – 2,5 тонны. Но это основной массив. В пирамидах есть и стотонные блоки. Причём, поднятые на высоту многоэтажного дома. И всё это было ровно выпилено, передвинуто на расстояние в километры, поднято на высоту десятков метров и уложено без швов. «Насухо». Т.е. хирургически точно.

– Да, это ведь не железобетонные плиты с ушками для крепления. Поднял кран, плюхнул на место, намазанное раствором, и отцепил от строп, – это уже опять Борис Моисеевич вспоминал технологию строительства, закат которой пришёлся на время его молодости.

– В Перу блоки весом десятки тонн. Сложной формы. Поднятые на высоту и очень точно подогнанные. – Карабас Барабас теперь уже, похоже, окончательно перевоплотился в серьёзного учёного, руководителя биологической лаборатории. – И каждый блок было необходимо несколько раз ставить – вынимать. Ставить – вынимать. Подгоняли же по месту. Методом проб и ошибок. Это знаете как: поставил – замерил зазор. Снял блок – убрал зазор. Опять поставил. Опять снял – ещё раз подогнал. Опять поставил. Пока не добился результата. И всё это – с каменными глыбами сложной формы.

– А не подошёл камешек, – Юрий Владимирович опять стал хохочущим директором кукольного театра: – отшвырнули его прочь, попробуем притереть к стене какой-нибудь другой! Делов-то!

Ну, ладно, коллеги, хорошо, что на этом этапе у нас с вами нет разногласий. На этой оптимистической ноте завершим предварительный разговор. Не пора ли подкрепиться? Сегодня в столовке разгрузочный день, что-то постное. Ну, что делать. Ритмы – в том числе ритмы гастрономические – создают контрасты. Так и получается не жизнь, а музыкальная симфония. Вместо однотонного гудения!

2. НТОРЭС

Исследователи с шутками-прибаутками покинули горницу, в которой проходило совещание, и отправились в столовую. Антон вышел последним, но догонять товарищей не стал, а решил пройтись по базе, ещё раз осмыслить новые вводные.

«Виктория уехала домой. Оно и понятно. Отключаться от Системы она наотрез отказалась. Она – женщина волевая, и могла настоять на своём. Бросаться неизвестно куда и неизвестно ради чего, обрекая при этом на произвол судьбы своего сына и свою мать, она бы не согласилась ни за что. Тем более, что предлагать ей особенно нечего было», Антон размышлял об этом с малоприсущим ему в таких случаях спокойствием.

Наверное, одной из причин ощущаемой им уравновешенности, было то, что надуманная им самим страсть по отношению к Любе-Василисе, самодельное чувство, на какое-то время вытеснило многие прочие эмоции.

Может быть и нет. Может быть, дело вовсе не в этом, а в действии благодати, которую он ощутил в монастыре после исповеди.

Так или иначе, но он теперь смотрел несколько отстранённо и на всё происходящее, и на самого себя в этом происходящем.

Вчера в полдень ему сделали ментальное сканирование и сформировали матрицу личности.

«И было это в Страстную Пятницу лета Господня...»

Тогда же Антона, наконец, ввели в курс дела.

Темой мегалитических объектов, сооружённых по методу полигональной кладки, занимались уже давно. Но занимались как-то странно. Нигде в мире не существовало открытого официального исследовательского центра, в стенах которого эти исследования проводились бы комплексно. Что, разве у условного Сороса не было лишнего миллиарда долларов на это дело?

Миллиарды были, а институтов открытых не было.

Были закрытые проекты, причём в ведении служб, относящихся к своим зарубежным коллегам с известной долей осторожности. Игнорировала тему и академическая наука. Неизменный интерес проявляли лишь разного рода личности, помешанные на

окультизме и инопланетянах, а также ниспровергатели официально принятой хронологии.

Плодотворно работать с людьми, пребывавшими в таком стоянии духа, возможности не представлялось.

И дело не только в том, что для достижения хоть какого-то результата необходимо видеть перед собой завтрашнюю цель и договориться о том: с чем мы имеем дело сегодня. Договориться было не просто. Участники проектов непрерывно ссорились друг с другом, переходили из одной фракции в другую, становились истовыми проповедниками то одной, то другой доктрины. И тогда из искр личных неприязней разгорались священные войны, где поверженные носители идей, признанных еретическими, уже не могли рассчитывать на снисхождение тех, кто утверждал истину в последней инстанции.

Нельзя сказать, что миллионы денег, которые выделялись на закрытые исследования, уходили на оплачивание одних лишь склок и болтовни.

Кое-что получалось.

Так, к примеру, общей «крышей» для самых разных проектов, вплоть до закрытых лабораторий было Научно Техническое Общество Радио-Электронных Систем имени Попова. Внутри которого, в числе прочих, сидела «лаборатория Стиркина».

В самом по себе НТОРЭС не было ничего таинственного, а вот уже в «лаборатории Стиркина» занимались всякой экстрасенсорикой. И вот там были уже засекреченные исследования в рамках программ, связанных с космосом.

Приоритетными считались исследования феноменов телепатии и телекинеза. Проводились опыты по «бесконтактному разрушению предметов». Т.е. на столе стоит гипсовая ваза, человек на неё смотрит, и вдруг ваза рассыпается на части. Иногда просто в пыль.

Ветер наверху менялся несколько раз, работы то приостанавливали, то возобновляли, но полностью не сворачивали.

3. Разные люди

Антон решил прогуляться в сторону моря.

На набережной народу было немного. Приезжих можно было безошибочно определить даже не по тому, как бледны были разоблачённые участки их телес, а по тому, как по пингвиньи пугливо и аккуратно выполняли они все предписания санитарно-эпидемиологического комитета. Аромат моря вдыхался пропущенным через фильтры респираторов, а «социальная дистанция» соблюдалась даже теми, кто составлял парочку вырвавшихся из мегаполисов отдыхающих человекоединиц.

На туристов, дисциплинированно относившихся к противоэпидемиологическим мерам, местное население глядело как на детей, которые, насмотревшись страшных сказок, побаиваются темноты. В свою очередь приехавшие уже по привычке к тому, что туземцы

относятся к предписаниям с каким-то фатализмом, проявившимся в поистине маниакальной беспечности.

Но никакой напряжённости не возникало. Трудно сказать, что же было главной причиной этого: благотворное ли воздействие морского воздуха? Или снижение интенсивности воздействия ноосферной сети? Но результат был налицо.

Приезжие уже через несколько дней пребывания на южном берегу Тавриды исполнялись отваги и позволяли себе потреблять целебный морской воздух, освобождая лицо от уродливых потомков паранджи.

Антон решил заглянуть в сетевой универмаг, который, судя по специфической вывеске, мерцающей сиреневыми буквами, обслуживал ту категорию лиц, к которой с недавних пор принадлежал и он. Обслуживали тут непрочищенных. Ассортимент товаров, предлагаемых в таких магазинах, по слухам, серьёзно отличался не в лучшую сторону от того, что могли приобрести обычные граждане и гражданки, аккуратно подключённые к сети. Да и с защитой прав потребителей было не так уж гладко.

Зато, надо полагать, тут не нужно было тратить нервы на назойливых кибернетических советчиков, распознающих клиента по сигналу, считываемому с устройств, вживлённых в тело потребителя услуг. Информация о потреблённых товарах и услугах клиента непрерывно обновлялась, и механический глаз магазина, зорко следивший за таинством выбора товара, не давал ни секунды покоя компьютеру, озабоченному тем, чтобы корзина одного клиента не пустовала.

Это напрягало и менее чувствительных.

На жёрдочках перил, ограждавших пандус, ведущий к входу в универмаг, примостились девчонки-подростки, оглашавшие эфир отборным матом. Четверо торчали на перилах, а пятая, толстушка, просто жалась к тощим наседкам, не решаясь рисковать, лишаясь твёрдой опоры бетона под ногами.

Потом они соскочили вниз и ритмично забились в судорогах, выкрикивая хором ругательства.

Происходи всё это под аккомпанемент какого-нибудь эстетизированного шума, зрелище воспринималось бы обыденнее. Но тут девицы просто потребляли тот «контент», которым их снабжал соответствующий канал ноосферной сети. Что-то в их сознаниях громыхало, ухало и лопалось, но внешне выглядело как припадок эпилептичек, которые корчились в абсолютной тишине.

Антон остановился и совершенно беззастенчиво уставился на несчастных жительниц Конфедерации. Потом развернулся и зашагал в сторону Биостанции. Там ему встретился празднодымящий Фома, на которого он обрушился со всем пылом, присущим поэту-пессимисту:

– Мы собрались поломать Систему, потому что она ежесекундно превращает народ в каких-то бесов! В них возвращается тот духовный настрой, который теперь требует регулярной подпитки. А что будет, если лишить их привычного корма?

Вот они погрузились в вагон поезда метро, который уходит вниз, под землю. Они ничего не сообщают, но едут туда. Одни сидят, другие стоят, третьих уже колбасит. А мы вдруг

отключаем энергию. В их головах прекращают греметь звуки, в салоне гаснет свет, поезд останавливается.

На что рассчитывает Генерал и искренние его соратники? На то, что пассажиры покинут вагоны и с пением акафистов устремятся назад – к живому небу и живому солнцу?

Да ведь они просто вцепятся друг другу в глотки! Тот дух ненависти, которым всех нас непрерывно накачивают, будет искать выход. И теперь этот выход будет открыт. Никакого больше марева.

Дай закурить, что ли...

– Ты ж, вроде, бросил...

Но Антон продолжал, не отреагировав на протянутую Фомой папиросу.

– Выходит так, что искренне желая этим людям добра, мы подтолкнём их к тому, что внутреннее наше зло, пока ещё сдерживаемое тем или сем, теперь пойдёт из всех щелей, пока всё целиком не выпрется наружу.

– Это что: на тебя так подействовало посещение магазина для представителей низшей касты? Ну, брат, привыкай. За блаженство не быть зомбированным «вражьими голосами» нужно платить. Тем более, что мы с тобой вот уже несколько дней как получили шанс...

– Фома, я же предельно серьёзно. Поломав систему, мы подтолкнём людей в хаос. Система, какая ни есть, а всё же, лучше хаоса!

– Ну почему альтернативой тоталитаризму должен быть непременно хаос? Люди не так уж плохи, как полагаем мы, салонные мизантропы. Вот тебя, такого тонкого и чувствительного, небось, огорчили какие-нибудь малолетние отморозки, а я могу тебе рассказать сказку про пчёл и мух. Про то, что каждый видит только то, что у него внутри.

Но не хочу об этом. Потому что проблемы никакой не вижу. Эти девки чем, по-твоему, должны заполнять свой досуг? Да всем хочется только одного – «уколоться и забыться». И Система даёт им такую возможность, показывая мультики прямо в башке и рассылая состояния кайфа прямо по беспроводному телеграфу. Крысам вживили электрод – так они всё бросили и только рычажок и нажимали. Пока не околели. А сапиенсы чем, по-твоему, лучше? Что ты им можешь предоставить взамен? Уроки рукоделия и беседы о Шекспире?

– Погоди. Раз ты такого мнения о народе, зачем же в тему ввязался?

– А при чём здесь народ? Я в демократию не верю. Я ненавижу Систему, все эти «вражьи голоса», а тут появились серьёзные ребята, у которых есть план всё это расхреначить. Почему бы не присоединиться к ним? Не стать частью их банды?

Ладно, пошли, Моисеич сегодня в ударе. Хочу немного его потроллить.

4. Про камни, но теперь уже более-менее ровные

– Друзья, Вы знаете, один из моих зятьёв работает в строительном деле. Серьёзная фирма, занимаются сейчас мегаполисом Ур Халдейский. Так вот. Как-то мы с ним судачили насчёт египетских пирамид, – учёные перекусили в столовой Биостанции и теперь расположились на свежем воздухе. Чудесный парк окаймлял постройки, практически не претерпевшие никаких изменений за прошедшие полторы сотни лет.

В центре внимания отобедавших был Борис Моисеевич, у которого сразу же установились приятные отношения с Юрием Владимировичем. Тесть архитектора продолжал:

– И вот, что мне рассказал человек, который занимается строительством в серьёзной организации. Оказывается, японцы проводили эксперимент ещё чуть ли не сто лет назад. Ну, может быть, поменьше. Японцы вызвались соорудить копию Великой пирамиды из Гизы. Ну, понятное дело, уменьшенную. Построить при посредстве тех инструментов, которые были доступны рабовладельцам во время оно. Проштудировали Геродота, адаптировали информацию, которую он оставил нам в качестве описания методов, якобы использовавшихся древними египтянами.

Наняли самураи бедуинов, которые должны были при помощи деревянных клиньев вырубать из каменоломен блоки, потом распиливать эти блоки бронзовыми пилами, подтаскивать на стройку при посредстве волокуш, на месте насыпать пандус и так далее и тому подобное.

– И?

– И показала нам эта стройка капитализма, что Геродот... или чего-то напутал, или просто присочинил.

Копия пирамиды, которую затеяли японцы, должна была быть раз в десять меньше серьёзной какой-нибудь пирамиды, так что первоначально собирались уложиться в один месяц. Вес блоков по плану инженеров должен был быть, примерно, от одной до трех тонн. Ну, казалось бы, бери себе и строй! Задача выглядела вполне осуществимой.

Но... не тут-то было!

Результат попытки расщепления камня при помощи разбухавших от воды клиньев не порадовал японцев. Сплошной брак. Бронзовые пилы тоже оказались не самым лучшим инструментом для обработки гранита. Начали колоть скалу перфораторами.

Использовать для перетаскивания блоков лыжи и валики оказывались практически невозможно – ни по песку, ни по камням. Плюнули, привлекли самосвалы.

А когда однотонный пирамидион пытались поднять на верхушку этой микропирамиды, то решили полить пандус маслом, чтобы лыжи заскользили. Лыжи-то с пирамидионом заскользили, да только заскользили и сами арабы, и даже просвещённые японцы.

Тогда инженеры, руководившие экспериментом, решили построить древнеегипетские подъёмные краны из пальм. Ну, те самые краны, которые, как нам рассказывали, поднимали стотонные обелиски. Пирамидион весил одну тонну. Когда его подняли на высоту десять метров, пальмы разлетелись в щепки. Обошлось без травматизма. Но доверие к Геродоту таяло прямо на глазах. Пирамидион подняли и установили при помощи обыкновенного крана. Не древнеегипетского.

Когда вся эта эпопея закончилась, а продолжался эксперимент почти год, руководитель проекта заявил, что теперь они знают: описанным способом пирамиды построить невозможно.

– Невозможно, – повторил Юрий Владимирович вслед за японцами Бориса Моисеевича. – У инков, либо их предшественников, не наблюдаются никаких следов наличия инструментов, при помощи которых можно было бы выполнять весь комплекс работ по возведению грандиозных сооружений. Никакие археологические исследования не подтверждают какого-либо наличия соответствующих инструментов и приспособлений, способных оправдать сложившееся мнение. Понимаете, если там действительно, существовала цивилизация, владеющая некими промышленными технологиями, то должен был остаться хоть какой-то след.

– Некоторый выход из этой ситуации пытаются предлагать изыскатели, допускающие фактор инопланетного вмешательства. Типа – «прилетели, построили и улетели, либо бесследно исчезли/вымерли, не оставив после себя знаний о технологиях, использованных при сооружении стен». – Наконец-то в беседу включился Фома Трастов. – Что об этом можно сказать? Конкретно можно ответить на этот вопрос, лишь только исключив все остальные возможности. А пока таковые не исключены, следует опираться на факты и здравый смысл.

– На здравый смысл... Каковы критерии «здравости»? – похожий на Карабаса Барабаса директор реагировал на инопланетную версию как-то странно. С одной стороны, она, эта версия, снимала все недоумения; но с другой, всё-таки, что-то мешало ему сделать шаг, который мог бы стоить ему научной репутации.

– Нет, дорогой наш Юрий Владимирович, ну вот как Вы, к примеру, объясните «изолятор Теотиуакана»? – Борис Моисеевич аккуратно подводил беседу к попытке обмена мнениями уже не на тему очевидного-невероятного, а к разговору по существу.

В молодости мне посчастливилось принять участие в одной из экспедиций Андрея Стеклова. И увиденное в Мексике впечатлило не меньше, чем мегалиты Перу.

– «Изолятор Теотиуакана» – это Вы так называете т.н. «слюдяной храм»? – Уточнил Юрий Владимирович.

– Да какой там храм? Не похож этот «изолятор» на какое бы то ни было святилище. Так, несколько камер в черед строений вдоль Дороги Мертвых. Выделяется этот «изолятор» только лишь наличием слоёв слюды в кладке перекрытий. Слюда не несёт в данном случае никакой декоративной функции. И, в то же самое время, доставлялась к этому объекту издалека.

Исходя из этого, несложно сделать вывод, что камеры изолятора обладают... точнее, обладали, вполне конкретной функциональностью. Судите сами: перед нами – помещение на двух уровнях, между которыми – перекрытие изрядной толщины. В помещение изолятора ведёт узкий лаз, в который можно едва протиснуться.

Два слоя, выложенных из слюды, разделены слоем бутового камня, толщиной примерно с лист формата А-3. Поверх второго слоя слюды – кладка из каменных плит, образующая монолитный внешний слой.

Ещё раз обращаю ваше внимание, дорогие коллеги: странное расположение слюды внутри кладки заведомо исключает её декоративную функцию.

– Пойдите, пойдите, – перебил своего нового приятеля директор Биостанции. – Но ведь и вправду, если знать некоторые специфические свойства слюды, то можно согласиться с вашим, дорогой Борис Моисеевич, термином: «изолятор». Слюда используется в конденсаторах. Она ценна как неплохой тепловой и электрический изолятор. Слюда может использоваться в качестве замедлителя ядерных реакций. Не исключено, что аналогичными изолирующими свойствами она может обладать и по отношению к тем видам излучения, которые современной науке пока что не известны.

– Но тут мы подходим к следующему вопросу. Если ориентироваться на изолирующие свойства слюды, то от чего тогда создатели этих камер изолировали? Что от чего защищали? И тут есть несколько вариантов. Я вам сейчас озвучу то, о чём мы тогда говорили со Стекловым.

Допустим, что наверху стояло какое-то оборудование, которое в процессе своей работы генерировало некое излучение. Сейчас не важно: было ли это излучение основным результатом деятельности генератора, или же побочным. Вопрос. Что именно можно было защищать с помощью слюды, размещенной под полом?

– Как что? Мать Сыру-Землю?

Учёные, упиваясь своей эрудицией, а также осведомлённостью собеседников и сотрапезников, похоже, позабыли про Дину. А напрасно. Приверженность наиболее радикально антинаучным концепциям, которое демонстрировала молодая особа, должно было, по замыслу организаторов проекта, стимулировать физиков к развитию мысли в некоем нестандартном направлении.

– Почему бы и нет?

– М-мм. Дина, судите сами, – Борис Моисеевич балансировал на грани человекоугодия, могущего сослужить плохую службу трезвому анализу проблемы. – Дина, поймите, такая гипотеза кажется довольно фантастической. Даже, пожалуй, малореальной. Размеры. Трудно вообразить: что это может быть за генератор, который с одной стороны умещается в камере площадью в несколько квадратных метров, а с другой – обладает настолько колоссальной мощностью, что от него нужно было спасать целую планету...

– Но послушайте, трезвомыслящий Вы наш, – Карабас Барабас автономно от Фомы решил немного пошутить над «звездой» сегодняшних дискуссий. Дабы Дина не решила, будто серьёзные люди посчитали её дурой «рёрехнутой». – Дорогой Борис Моисеевич, но ведь если не нужно ничего или никого изолировать, из того, что находится ниже изоляции из слюды, стало быть, нужно изолировать нечто, находящееся наверху от того, что располагается под изоляцией. Вопрос: «От чего нужно было защищаться» никуда не исчезает, как бы мы не упражнялись сейчас в остроумии...

И в этом случае мы, физики, вынуждены будем дать слово мистикам. В конце концов, разговоры о так называемых геопатогенных зонах – не такая уж чепуха, как того бы хотелось нам, специалистам по проверке гармонии алгеброй. В целом ряде исследований этих геопатогенных зон удавалось фиксировать аномальные явления. Так что, теоретически, вполне возможно, что нам ещё предстоит столкнуться с неизвестными на

сегодняшний день видами полей. Вполне вероятно, что сама планета является естественным источником таких полей...

Борис Моисеевич был благодарен Юрию Владимировичу за то, что тот не дал Дине увести обсуждение в пещеры и дебри Индостана, но вернул его в более или менее рациональную канву. Имея такого союзника в споре, можно было не бояться продолжать высказываться в несколько провокационном – с точки зрения академической науки – ключе. Директор в обиду не даст: ни физикам, готовым забросать еретика тапками; ни мистикам, способным заболтать любую тему, попавшую в пределы их досягаемости.

– Однако в конструкции «слюдяного изолятора» есть ещё одна очень странная деталь. Примерно по центру слоя бута, расположенного под слюдой, проложен дренажный канал непонятного назначения.

Почему – в отличие от других мест Теотиуакана – канал проложен не непосредственно под поверхностью пола, а на глубине примерно полутора метров? Зачем под двумя слоями изоляции из слюды понадобилось в толще камня прогонять воду? А, может быть, и не воду? А, может быть, какой-нибудь раствор? Откуда и куда шёл этот канал? И почему сейчас он обрывается непосредственно в коридорчике, соединяющем две камеры «изолятора»?

Если же предположить, что «изолятор» является истоком дренажного комплекса, то выходит так, что две его камеры – это две больших ванны, которые заполнялись каким-то раствором.

С учетом наличия столь странной детали позволю себе озвучить гипотезу Андрея Стеклова: «А что, если раствор, который протекал по этому дренажному каналу, сам был источником некоего излучения? И именно от него необходимо было защищать аппаратуру или людей, которые находились над дренажным каналом. Защищать с помощью двух довольно мощных слоев слюды».

Тогда возникает вопрос: а что же вообще могло течь по дренажным каналам комплекса? Только ли вода, как уверяют нас историки? Канализация?

Моисеич выждал паузу.

– Увы. Никаких исследований, способных приблизиться к возможности найти ответ на этот вопрос. Никаких. И причина проста как пять копеек. Для того, чтобы дать объяснение, необходимо выдвинуть соответствующую гипотезу, которая сформировала бы контекст. Археологи и академические спецы по инкам и не могли даже просто озвучить то, что для технарей было написано метровыми буквами.

– А ведь слюда была обнаружена в верхних слоях пирамиды Солнца, – директор вцепился в пуговицу на рубашке Моисеича, как будто она была изготовлена из утащенного из Мексики куска допотопной изоляции. – Между прочим, в описаниях подземного туннеля под этой пирамидой тоже упоминается сложная дренажная система. Из соединенных друг с другом трубчатых каменных сегментов. Есть над чем подумать. А, коллеги?

Дина, не долго думая, доказала, что она не напрасно ест свой хлеб:

– Всем давно известно, что пирамида – это портал для выхода сознания посвящённого за пределы трёхмерного пространства и линейного времени. Просто это путешествие

осуществляется без помощи всяких «пепилацев». Физическое тело остаётся в саркофаге. А сознание переносится в любую точку времени и пространства. Точнее, конечно, не в любую точку, а в ту точку времени и пространства, которая соединена лучевой «кроличьей норой» с мегалитическим объектом на нашей планете.

Фома, собравшийся было шутки ради понервировать Моисеича, сам, похоже, занервничал:

– Дина, ну не смешно. Пересказываешь какие-то поповские теории из фантастических кинофильмов для тинэйджеров. Эти дурацкие фантазии настолько глупы, что слушать тошно. Сама придумала?

Пока Дина решала: насколько серьёзно ей стоит демонстрировать обиду, Фома продолжил:

– Я тоже так могу. Ну, к примеру, так: «Слюда в верхних слоях пирамиды солнца потому, что там стояло сверхпродвинутое электромагнитное оборудование. Такое оборудование стояло на всех пирамидах и связывало все пирамиды мира между собой. Оборудование было, ясное дело, доступно только отцам-командирам, а простой лемуриец об этом не знал. Генераторы позволяли обмениваться информацией, путешествовать в тонких телах куда угодно. И, прошу заметить: кому угодно. Кроме того, они были страшным психотронным климатическим оружием. А слюда всё это изолировала, чтоб отцы-командиры «в шляпах из перьев и трусах из свинца» не облучились ионизирующим излучением». Друзья, вы меня простите, но это уже начинает быть похожим на какую-то клинику.

Фома встал и зашагал в сторону корпуса Биостанции. Антон догнал его.

– Слушай, ты чего?

– Да достала уже вся эта болтология. Хотел приколоться, а сил на элегантный стёб не оказалось.

– Ну, вообще-то, напрасно ты так. В конце концов, озвучивались факты, выдвигались версии. Как можно сформировать картину, если не отработать различные версии?

– Так версии же, а не бред!

– Версия – это промежуточное звено между фактом и его научным объяснением. Когда-то и разговоры о возможности полёта в космос воспринимались в качестве бреда. А сейчас просто озвучено то, что для перемещения во Вселенной вовсе необязательно запускать ракеты – хоть Бураны, хоть Виманы. Достаточно научиться перемещать сознание. Фиксировать впечатления. А потом эти впечатления – то есть то, что будет в сознании отпечатано, – расшифровывать. Всё, как раз, вполне логично. Андрей Стеклов не был похож на рехирихнутого пришельцемана. Так что, думаю, зря ты поскандалил.

5. Про клонирование. Ток-шоу по визору

Борис Моисеевич со своим новым приятелем Юрием Владимировичем вознамерились отправиться на экскурсию в горный армянский монастырь Святого Креста. Там должна

была быть ночная служба. Дина разобиделась на Фому и тоже засобиралась в горную обитель.

Фома и сам себе сегодня совсем не нравился. Появившееся чувство нервозности крепло и всё более и более овладевало им. В один из моментов он вдруг понял, что ему не хватает... специфического духа ноосферной сети.

Невероятно. С такой искренней неприязнью много лет кряду высмеивать всю эту систему «вражбых голосов», и теперь – ощутить свою зависимость от духа, возвращаемого этой системой.

Визоры висели во всех комнатах, поскольку тут, на Биостанции, народ был собран, как правило, непрочищенный. Фома зашёл в свой номер, и при виде висящего на стене окна в мир наваждения, ощутил лёгкий толчок в районе горла, а затем – чуть ниже, как будто какая-то внешняя сила на миг сдавливала дыхательные пути. В глазах потемнело, но уже в следующее мгновение всё это осталось позади, и впереди разверзлись бесчисленные тоннели восприятия навязанных реальностей, только выбирай! Объёмные изображения, заполнявшие пространство комнатухи, конечно, не идут в сравнение с тем эффектом, который вызывала трансляция при посредстве всепланетной ноосферной сети, но, как говорится, «На безптичьи – и жаба соловей».

Рассеянно поскакав по тоннелям реальностей, Фома зацепился на программе, посвящённой героям из силовых структур, получившим тяжёлые ранения в ходе антитеррористической операции. Режиссёр передачи сумел так подать образы, что героям невозможно было не сочувствовать. От темы подвигов, совершаемых в мирное время, ведущие совершенно логично перешли к теме прогресса в медицине.

Фома уже собрался было переключиться на другой тоннель, полагая, что начнётся опять промывка мозгов очередным наинновейшим коронавирусом, однако, речь пошла совсем об ином.

«– Как известно, вчера вступила в силу Поправка к Дополнительному Протоколу к Конвенции о защите прав человека и человеческого достоинства, запрещающему клонирование человека. Евразийская Конфедерация не подписывала Дополнительный протокол, однако на клонирование человека у нас до сих пор наложен мораторий. – Вещал ведущий, одетый на удивление скромно и даже можно сказать мужественно.

Вторая ведущая, одетая тоже достаточно скромно, с претензией на негламурность, обратилась к гостю ток-шоу:

– И, все-таки. Почему клонирование запрещено?

– Технологии искусственного оплодотворения существуют уже давно. Дети создаются при участии трёх родителей: пара создаёт эмбрион, из которого выделяется ядро, которое переносится в яйцеклетку другой женщины. Которая его и вынашивает. То есть технических проблем остаётся не так много. И остаются... проблемы религиозного характера.

– Речь идёт о том, что клоны, якобы не будут иметь души, если использовать терминологию, принятую представителями религиозных идеологий?

– Эту проблему в своё время по-разному прорабатывали американский писатель Стивен Полянский и японец Кадзуо Исигуро. В произведениях этих авторов описывается, как клонов используют в качестве инкубаторов человеческих органов. Исигуро изображает некое религиозное общество, в котором догматизировано верование в существовании вечной души. А вот у клонов, типа, никакой «вечной души» нет в помине. И такое ненаучное соображение становится причиной дискриминации. Знаете, мне, как биологу, совершенно очевидно то, что клон – это такой же человек, как оригинал. Впрочем, я допускаю, что людям, которые, выбирая между наукой и религией, выбрали религию, такие вещи совершенно непонятны.

– Друзья, напоминаю, сегодня в нашей студии биолог, специалист по вопросам клонирования Андрон Андронов. А вот уже поступили вопросы.

Ведущие повернулись к визор-стене, на которой появилось лицо женщины, задававшей вопрос медицинскому светилу:

– Вы упомянули Стивена Полянского. Но Стивен, в отличие от Исигуро, заострял вопрос на совершенно ином аспекте проблемы. Скажите, пожалуйста, исключён ли вариант того, что клоны будут создаваться специально в качестве инкубаторов донорских органов?

– На сегодняшний день общая ситуация такова, что, исходя из тех реалий, которые мы имеем вследствие моратория, получается, что такая постановка вопроса не актуальна...

– И всё же? – Ведущая почувствовала, что запахло скандальчиком, и молниеносно бросилась отвоёвывать своё место в тоннеле реальности. – Только что мы рассказывали о парнях, получивших в ходе героической спецоперации тяжёлые ранения. А функционирование нормальной схемы по донорству ликвидировала бы целый ряд проблем в принципе.

– Понимаете, – маслянистые глазки светила биологии суетливо засеменили, а голос несколько дрогнул, – ммм... использовать клонов в качестве инкубаторов донорских органов не очень целесообразно. На сегодняшний день есть серьёзный прогресс в теме выращивания отдельных органов. Работы ещё много, но когда технологии будут доведены до ума, вырастить любой орган будет быстрее, проще и дешевле, нежели выращивать отдельных клонов в закрытых инкубаторах.

И тут что-то моргнуло, мелькнуло, загрохотало, утопив последние слова гостя ток-шоу, и через несколько мгновений уже тархтел рапорт ведущей:

– Напоминаем насельникам нашего тоннеля реальности, что сейчас у нас в студии выдающийся биолог Андрон Андронов; после рекламы мы вернёмся к обсуждению темы отношения к мораторию на исследование проблемы клонирования человека. Призываем проявить гражданскую позицию и принять участие в онлайн-голосовании!»

Фома приуменьшил присутствие тоннеля реальности и закурил папиросу.

«Генерал, получается, вовсе не нагнетал», – размышлял Фома. «Всё у них идёт по плану. Сейчас начали работать с «лохторатом», будут давить на сентиментальность и вышучивать оппонентов. Методички не меняются уже десятилетиями...»

Реклама отистерила своё и Фома вернул присутствие тоннеля.

«– Напоминаем насельникам нашего тоннеля, что сегодня мы с вами обсуждаем проблему снятия моратория на исследования в области клонирования человека. Как показал экспресс-опрос, 75% наших собеседников полностью поддерживают снятие моратория. Итак, Андрон Андронов продолжает разрушать стереотипы!

Стеновизор в студии моргнул и там объявилась голова человека со спокойным лицом. Голова, однако, никак не становилась говорящей, губы беззвучно шевелились непонятно о чём – но звукового сигнала не было.

– Да. Простите, по техническим причинам соединение не сработало, повторите, пожалуйста, свой вопрос!

Обладатель спокойного лица не растерялся и повторил только что сказанное:

– Здравствуйте, всех христиан поздравляю с Великой Субботой. А биологу вопрос такой: Если целью создания клона будет получение каких-нибудь органов или просто биологических веществ, нужных для потребностей конкретного заказчика, то что будет с донорами после того, как у них будет изъята необходимая кому-то часть организма... Их будут усыплять как престарелых домашних животных? Или пускать на корм другим клонам в этих...

Звук опять куда-то пропал и спустя несколько секунд вынужденной паузы ведущий огласил тоннель своей горячей проповедью:

– Точка зрения нашего уважаемого представителя христианской религии больше похожа на сюжет фантастического боевика или на упоминавшиеся в начале нашей программы антиутопии.

– А я, например, считаю, что Церковь может иметь свое мнение, – влезла ведущая, и тут же вывернула тему совсем в другой переулочек: – Государство, которое в своем основном законе пишет такие постулаты, что Церковь отделена от государства, а школа отделена от Церкви, должно эти самые постулаты всячески оберегать и неукоснительно выполнять. Церковь имеет право на всё, что она посчитает нужным, но вторгаться в такие области, как наука и образование – этого ни в коем случае нельзя!

Глазки Андрона устаканили свои прыжки и скоки, он понял, что тут все «свои», что бояться тут некого, и барственно подытожил:

– Я не сторонник того, чтобы загонять Церковь в какую-то резервацию, у нас – многоконфессиональное многонациональное общество, и каждый человек имеет право на свои религиозные убеждения. Но не нужно только возобновлять эти попытки каким-то образом навязывать своё мнение другим. Тем более научному сообществу. Когда Церковь соберётся вновь пытаться как-то влиять на процессы в государственных масштабах, нужно напоминать об основном законе. О Конституции. Ученые должны заниматься наукой, а священники и Церковь должны заниматься тем, к чему они призваны. Совершать свои обряды и ритуалы. Никто им этого не запрещает».

Фома выругался и отключил звук совсем.

– Вот же гниды. Уже слепили фантом противников клонирования и теперь навязут пиплу всё, что посчитают нужным. В тех дозах, которые уже расписаны по сценарию социальных инженеров.

Фома опять закурил и решил, что раз такой «замес», то он сейчас пойдёт в храм просто из чувства солидарности с теми, над кем глумились сотрудники тоннелей реальностей, формирующие «коллективное сознание» нации.

По экрану визора мельтешили какие-то диаграммы и графики социальных опросов, подводящие научную статистическую базу под соответствующую пропаганду.

Потом пополз бегущей строкой текст следующего содержания:

«Трансплантация органов всегда являлась проблемой, так как сложно отыскать подходящего донора. При наличии достаточного количества клонов, выращенных именно в целях донорства, шансы людей на получение здоровых органов взамен больных резко возросли бы. Напоминаем, речь идёт в первую очередь о тех людях, которые отдали своё здоровье во имя блага общества».

Пошло нагнетание пафоса, которое, при отключенном звуке было практически безвредно для облачённого в скафандр скепсиса стороннего наблюдателя, каковым и был наш младший научный сотрудник. Строка, между тем, бежала и дальше:

«...Тем более если бы эти органы брались у их совершенно идентичных двойников. Со временем удалось бы "пересаживать" даже поврежденные конечности или, скажем, глаза...

Но вот как быть с самими клонами?»

Фома вновь вернул звук.

Ведущая буквально пожирала глазами звезду эфира, и Андрон Андронов продолжал проповедовать свою веру:

«← Вариант — выращивать клонов с неполноценным мозгом — таких вроде бы не жалко... Но, опять же, — насколько это этично?»

На стеновизоре студии появились кадры ставших классикой фильмов антиутопического содержания. И теперь уже ведущий решил поупражняться в искусстве показного цинизма:

– Казалось бы, в реальности ни один из этих фантастических сценариев просто невозможен, поскольку наше общество не готово к тому, чтобы узаконить убийство живых людей в медицинских целях. Но кто знает? Ведь перспективы, которые открывает клонирование, достаточно заманчивы.

Ведущая тоже решила не отставать от своих соратников по агитации и пропаганде:

– И вообще: почему бы не пожертвовать недоразвитой «копией», чтобы спасти жизнь, например, какого-нибудь социально значимого ученого, артиста или политического деятеля? Или тех героев нашего времени, о которых речь шла в самом начале нашей программы...»

«Вот же тупица!» Ещё больше раздражался Фома. «Лопочет, сама не понимая чего. «Герои нашего времени» – это как раз такие напыщенные тщеславные дуры как ты, а не те, на ком ты сегодня «пиарилась»...»

И тут Андрон выдал такое, в результате чего столбик диаграммы, показывающий уровень поддержки идей клонирования людей в донорских целях, подскочил выше отметки уровня 90%.

– Есть ещё кое-что весьма, на мой взгляд, перспективное. Я уполномочен заявить, что корпорация «Мёбиус», пока ещё не имеющая возможности продуктивно действовать у нас в Конфедерации, разработала программу, позволяющую гражданам, обладающим полным социальным статусом, поддерживать нормальное функционирование своего организма как минимум... до двухсотлетнего возраста.

Ведущие с неподдельным восторгом захлопали в ладоши, и Андрон подвёл итог сказанному:

– И двести лет – это не предел. Специалисты «Мёбиуса» разработали в общих чертах проект программы, которая позволит каждому обладателю пакета, соответствующего полному социальному статусу, поддерживать в удовлетворительной норме достаточное количество клонов, необходимых для неоднократного донорства. И, повторяю, двести лет в таком случае – это далеко не предел!

Журналистка и тут не оплошала, но вывернула ситуацию таким образом, будто присутствующее на шоу светило биологии – всего-лишь элемент декорации. Важный элемент, но лишь то, что создаёт фон «звезде» сцены. И, будучи сносной актриской, ведущая сделала так, что сопереживатели тоннеля реальности, а также спонсоры этого тоннеля должны будут запомнить именно её. Под самый занавес было сказано так:

– Сегодня некоторая часть наших сограждан, исповедующих христианскую религию, пойдут в церкви вымаливать себе возможность воскресения из мёртвых. А вот «Мёбиус» заявляет, что нам не нужно больше вымаливать воскресения из мертвых! Мы и умирать-то не собираемся! Клонирование позволит заменять запчасти организма по мере их износа.

Замелькали титры да логотипы. И тут, среди всей этой мельтешни появились до боли знакомые портреты, и по верхнему краю экрана побежал бегущей строкой текст экстренного сообщения.

Часть шестая

1. В музее

Перед входом в музейный дворик сидели на корточках двое: молодой любитель шансона и его подруга. Любитель был лыс и флегматичен, а мадам, безобразно раскорячившая тощие ноги в разодранных и залатанных фабричным образом джинсах, нервозно зыркала по сторонам. На мгновение Бородецкий поймал на себе её нехороший взгляд.

«М-да... «На кортах»... Всё-таки наши козлы-пропагандоны не так уж неправы, описывая Рашку. Представители низших слоёв населения ещё более карикатурны, нежели в нашей мега-Польше «от можа до можа». Что с Россией сделали...», – думал Баратэску, проходя во дворик археологического музея.

Именно тут обладатель фотокопии дневника Академика Н. назначил ему встречу.

«Прямо Штирлиц», продолжал размышлять Бородецкий. «Впрочем, его понять можно. На встречу могли запросто прийти чекисты: хоть местные, хоть зарубежные. Или агенты частных контор: хоть местных контор, хоть транснациональных. Всё нормально. Сообщил, что узнает меня. Ладно, посмотрим, что там за дневник...»

Навстречу Бородецкому подошёл некий человек в респираторе и с бейджиком на лацкане. Остановился на социальной дистанции. Или подошёл ближе?

«Нет, просто у них соц.дистанция не шесть футов, а полтора метра», опытным глазом инженера определил Баратэску. «Думаю, это ещё не он».

Действительно, это был не обладатель дневника, а просто сотрудник музея.

– Добро пожаловать в Археологический музей нашего края. Собрание музея продолжает впечатлять своим богатством: вниманию посетителей представлено более двухсот тысяч экспонатов. Некоторые подборки действительно уникальны. вниманию представлены как постоянные, так и дополнительные, временные отделы, а также тематические выставки. На базе музея действует реставрационная мастерская. Восстановленные исторические реликвии неизменно вызывают интерес и обычных туристов, и профессиональных археологов.

Сотрудник приумолк, видимо, выясняя, кто перед ним: археолог или ...так, обычный турист?

– Хотя во время Великой Отечественной сотрудники героически пытались спасти музейные материалы, при эвакуации погибла значительная часть коллекции и вся документация.

«Про это я в курсе. Намекает на что-то или так, стандартный полив?»

Баратэску помалкивал и доброжелательно рассматривал ковидную маску тамады.

– Цены на билеты демократичны, но на выставку драгоценностей потребуется дополнительный билет. «Золотую кладовую» нельзя посещать самостоятельно – только группой в сопровождении экскурсовода. Команды могут формироваться из туристов-одиночек, но при этом нужно ждать, пока наберется нужное количество посетителей.

– Нет, благодарю Вас. Драгоценности меня не интересуют.

Служитель вздохнул и продолжил:

– Некоторое время часть экспозиции музея располагалась и в Александро-Невской церкви, расположенной рядом. Но после распада Советского Союза храм отобрала община верующих. Не обеспечив музей должной компенсацией утраченных площадей.

Тут уж Баратэску не смог отказать себе в удовольствии аккуратно поддеть человека, который в его сознании стал воплощением обновлённой версии «гомо-советикуса».

– А когда власть трудящихся отбирала у общины верующих храм под музей, она ...м-мм ...обеспечила общину ...«должной компенсацией утраченных площадей»?

Служитель музея передёрнул плечами и решил, что разговор окончен.

– В кассе Вас подключат к электронному аудиогиду. Всего доброго.

«Нет, вряд ли это тот человек. Ну, что ж. Поиграем дальше».

Баратэску брезгливо проскочил мимо всяких интерактивных стендов, подальше от пропаганды и голограмм, поближе к черепкам и черепам.

Его внимание привлёк «длинный» череп и фрагменты скелета исполина.

Аудиогид получил данные о локации посетителя, и Бородецкий услышал:

«Шестая глава Книги Бытия – в Синодальном переводе – повествует нам буквально следующее: «Когда люди начали умножаться на земле и родились у них дочери, тогда сыны Божии увидели дочерей человеческих, что они красивы, и брали их себе в жены, какую кто избрал. И сказал Господь [Бог]: не вечно Духу Моему быть пренебрегаемым человеками [сими], потому что они плоть; пусть будут дни их сто двадцать лет. В то время были на земле исполины, особенно же с того времени, как сыны Божии стали входить к дочерям человеческим, и они стали рождать им: это сильные, издревле славные люди».

Кто такие исполины, именуемые также нефилимами? Как они появились? Действительно ли существа нематериального мира имеют возможность интимного контакта с женщинами, в результате чего те могли рожать новых существей – не ангелов, не бесов, не людей, а нефилимов? То есть исполинов, гигантов?»

Бородецкий впервые видел кости исполина. Фотографий-то посмотрелся не один десяток, но к изображениям веры было мало, тем более, что, судя по виденным им ранее снимкам, нефилимы были чуть ли не шестиметрового роста. Во что верилось с трудом. А тут был скелет человека, чей рост не превышал и трёх метров. Вполне приемлемо для Голиафа. Впрочем, Голиаф был не нефилимом, а рефаимом.

На стенде красовались картинки гигантов, сделанные в различных уголках планеты. Наряду со ставшими хрестоматийными шумерскими изображениями пришельцев с «Красного Солнца», тут были и рисунки великанов-индейцев, обучающих неким премудростям предков ольмеков да тольтеков. Тут же были копии газет почти вековой давности, повествующие о том, как на территории в юго-восточной части Турции, в долине Евфрата, в ходе проведения дорожных работ были обнаружены захоронения, в одном из которых нашли берцовую кость длиной 120 см.

Рядом раздался скрип старого паркета. Баратэску аккуратно приобернулся. Нет, это был не тот, кого он ожидал. К витрине с останками подходил молодой человек, на левом ухе которого флагом капитуляции перед блюстителями карантинных мер болталась одноразовая маска. Очков безопасности не было совсем, но зато были допотопные очки в пластмассовой оправе.

– Ну, конечно! Кинохроники нет. Нет, и не предвидится обнаружения оной в архивах! «Железные» доказательства. Прямо фотошопы с НЛЮ!

Баратэску улыбнулся. Но обернувшийся к нему молодой «ботаник» не мог заметить ни улыбки, ни даже доброжелательности в глазах незнакомца, ибо улыбка была упрятана под респиратором, а взгляд – противозидемическими очками.

«А ведь то, что в России зло совлекло с себя маску элегантного эпикурейства, и явило свою харю, – не так уж и плохо. Во всяком случае: всё на своих местах. Без нашей тёплой грязи и этих наших игр в культуру. Есть тут и отморозки, похлеще витринных уродов с Американских Побережий. Но есть и те, в ком искру Божию ни одна тварь, типа меня, не смогла погасить....»

Баратэску ещё раз взглянул на кости.

«Да засекретили, небось, наши чекисты из Ми-6, придёт время, достанут из архивов ещё и не то».

Уж он-то не сомневался в том, что гиганты существовали, как бы ни отмахивались от самого факта их существования строгие блюстители догматов и канонов религиозной конфессии под названием «Эволюционная теория».

Другое дело, его, как и прочих коллег, волновал вопрос: кто они были такие и откуда взялись?

Вновь включил звукового экскурсовода.

«Один из древнейших святых отцов Христианства, святой мученик Иустин Философ так описывает эти допотопные события: «Бог вверил попечение о людях и о всём поднебесном поставленным на это ангелам. Но ангелы преступили свое назначение: они впали в совокупление с женами и родили сынов, так называемых демонов. Затем, наконец, поработили себе человеческий род, частично посредством волшебных писаний, частично посредством страхов и мучений, которые они приносили людям, а частью через научение их жертвоприношениям, курениям и возлияниям, в коих сами падшие ангелы возымели горделивую нужду. Они посеяли между людьми убийства, войны, любодения, распутство и вообще всякое зло». В результате, люди подчинились демонам, называя их богами, и давали им такие имена, какие кто из демонов сам себе избрал».

Услышанное так раздосадовало Бородецкого, что он выключил игрушку-погремушку и стал нетерпеливо и яростно вращать головой в поисках дедули с вожделенными фотокопиями дневника.

В том же самом зале, возле макета ацтекской пирамиды стоял пожилой человек в тёмно-синем старомодном плаще и головном уборе, напоминающем скуфейку русского батюшки.

Исполненный духом харизмы обличения Бородецкий решительно зашагал к этому человеку.

– Послушайте, уважаемый! Вот ответьте мне – как учёный учёному: кто в этом музее вообще занимается подготовкой текстов для аудиогuida?

Незнакомец в плаще и скуфейке не сразу понял, что эта тирада адресована к нему, но, тем не менее, на голос рефлексивно обернулся.

– Вы не находите, что если кто-то собирается реконструировать миф, то неплохо было бы этому кому-то соблюдать элементарные законы логики!

Незнакомец не подавал никаких признаков готовности оппонировать эмоциональному бородачу, но Баратэску это не смущало. Он был раздосадован уже не на шутку. Мало того, что его раздражало отсутствие человека, назначившего ему свидание в музее, так к этому добавилось ещё и вопиющее отсутствие логики в той части лекции на допотопную тему, которую ему угораздило услышать.

– О каком таком грехопадении ангелов с земными женщинами может идти речь, если все ангелы, которые были склонны ко грехопадению, уже давно грехопали! Вместе с Денницей! И было это задолго до появления потомства Адама и Евы. Если уж автор текста решил оперировать библейской матрицей. А все эти басни про инкубов и суккубов, вы меня извините за интимные подробности – это всё совершенно из другой оперы!

Посетитель в плаще позабыл уже и про пирамиду ацтеков, и про прочие экспонаты и начал движение задним ходом – подальше от импульсивного гуманитария.

Баратэску совсем растерялся.

Мало того, что дед, похоже, чего-то испугался и не вышел на встречу, так ещё и посетители музея оказываются какими-то совсем слабенькими полемистами.

Плюнув на дискуссии, он уселся в углу на широкую лавку, которую некогда занимали сотрудницы, позволяющие себе посидеть в зале в перерывах между экскурсиями. Уселся, и, недовольный всем на свете, включая себя самого, стал ждать.

«Подожду ещё 10 минут, и отваливаю!»

Бородецкий сам себе не нравился. Волновался, совершал нелепые действия, как будто он не прожженный пиарщик, а закомплексованный папаша, чей сын-подросток начинает выделывать фортеля, и теперь ему, горе-папаше приходится подобострастничать перед своим незрелым оборзевшим чадом.

«Да всё я делаю правильно. Пошумел, типа, в пустоту, зато дал сигнал тому, кто наблюдает за мной. Поглядывает, послушивает и решает: стоит ли ему со мной связываться? Или же я просто очередной провокатор? Так что всё нормально».

2. Дневники. «Психократия»

Архивы музея погибли в огне Великой Отечественной. Город дважды переходил из рук в руки. Коллекцию «длинных черепов» немцы вывезли ещё поздней осенью 1941-го, когда город впервые был захвачен нацистами. Документацию вывезти не успели, а уже к Новому, 1942-му, году советские десантники выбили немецкий гарнизон. Царил небывалый энтузиазм, ведь казалось, что немцы с румынами выбиты и безвозвратно откатываются прочь, на запад. Но десант был разгромлен, не успевшие эвакуироваться красноармейцы продолжили борьбу, скрываясь в Аджимушкайских каменоломнях.

И было, разумеется, не до музея.

Архив жгли, но кое-какие бумаги в огонь не попали.

Работник музея, которому политработник, уничтоживший архивы, велел жечь «весь этот троцкизм», сжёг далеко не всё.

Он помнил, что ещё десять лет назад труды Русских Космистов считались вовсе не контрреволюционным буржуазно-реакционными лженауками, а чем-то совсем иным, лишённым обидных ярлыков.

Но прошлое малопредсказуемо, следовательно, столь же малопредсказуемо и будущее. Как человек, знающий цену конспектам, молодой работник музея решил, что подчистую предавать огню «весь этот троцкизм» он не станет. Нет, «Переписку Троцкого с Каутским» он, конечно же, отправил в костёр. А вот дневники космистов – не столь известных их единомышленников Вернадского, Циолковского, Фёдорова – решил припрятать. Тетради были спрятаны в тайнике одной из стен армянского монастыря, точнее, пансионата для больных туберкулёзом, который находился в стенах этого монастыря.

Когда война в третий раз вернулась в этот край, стены монастыря были разрушены и почти все бумаги, утаиваемые среди камней, сгорели. Но кое-что сохранилось. Не сгорела и не истлела тетрадь, на титульном листе которой было начертано строгим чертёжным шрифтом: «ПСИХОКРАТИЯ».

На третьей странице тетради были обозначены основные тезисы этой концепции:

«Истинно религиозным деянием должны стать усилия, направленные на овладение способностями регуляции процессов во Вселенной, ибо свобода без власти над природою и без управления ею – то же самое, что освобождение крестьян без земли».

«Всепланетное самодержавие является хранителем единства всего человеческого рода, последнего гаранта, способного быть воплощением той общественно-политической силы, которая защитит культуру, основанную на идеалах патриархально-родового быта. Самодержавие сможет использовать свою неограниченную силу для того, чтобы обеспечить решение вопросов, требующих полной концентрации сил, направленных на решение задачи планетарно-космического регулятивного процесса».

«Антииндустриализм и антиурбанизм. Промышленное производство, индустриальная цивилизация являются исторически преходящей, технократически-экстремистской формой развития».

«Важную роль в упрочении интернациональных связей будут играть музеи-хранители общечеловеческой памяти. Музей следует понимать не утилитарно, но как систему учреждений, объединяющую научно-исследовательский и учебно-воспитательный центры. Основная цель деятельности: исторические и естественнонаучные исследования. Суть исторических исследований: доказательство общего происхождения всех людей и поиск причин его забвения. Суть естественнонаучных – изыскание рычагов воздействия на процессы планетарно-космического масштаба».

На кромке листа, перпендикулярно чётко написанным тезисам, струилось примечание, сделанное карандашом: «Научно-исследовательский центр являет собою систему лабораторий, обсерваторий и ботанических садов, которые в сочетании с учебно-воспитательными центрами составит своего рода Храм Духа».

Если очистить текст от богоискательского пафоса, то идея Психократии сводится к следующему. Государственный механизм создаёт и поддерживает условия, при которых люди получают возможность добровольного и осознанного эмоционального единения в некоем психическом состоянии. Это единение необходимо для того, чтобы генерируемая этим «роем» сила могла направляться неким оператором в русло реализации определённых задач. Власть самодержца заключается в неограниченных полномочиях по обеспечению решения поставленных культурно-воспитательных задач, а также по удержанию подобного порядка вещей.

Для человека, на своей шкуре испытавшем «прелести» безбожного тоталитаризма, затем тоталитаризма расистского подобное утопическое «Братство, обладающее творчески-созидательным потенциалом» вполне могло показаться новой разновидностью тоталитаризма. На сей раз тоталитаризмом мистическим.

И обратиться бы этой тетради в золу и пепел, но сотрудник музея обнаружил в тетради кое-что такое, о чём он, при всей своей образованности, ранее не имел никакого понятия.

3. Встреча

На лавочку опустился человечек, снял маску, выдохнул, и повернулся к сидевшему Бородецкому, произнёс:

– А ведь Вы правы. По этой логике, которая следует из рассуждений Тертулиана, читавшего и почитавшего Иосифа Флавия, выходит так, что существует, якобы, два рода демонов. Небесные – из числа низвергнутых ещё тогда, вместе с Люцифером. И земные – родившиеся от соединения ангелов-стражей с женщинами.

– И кем же, по-Вашему, были эти гиганты?

– Для начала было бы логичным определиться с тем, кого считать «стражами», не так ли?

– Ну, пожалуй, так. Не считать же их «зелёными человечками», поставленными присматривать за кроманьонцами.

– Если отказаться от представления, навязанного нам инквизиторами от Эволюционистской религии, то окажется, что развитие человека шло не от примитивного к сложному, а ровно наоборот. Первые люди обладали куда большими возможностями, нежели мы, которые без электричества уже и пукнуть не сможем. Вот эти-то басни про то, что предок наш был таким тупеньким охотником и собирателем и привели нашего брата-скептика к мысли о том, что всё наше представление о прошлом – сплошные враки энциклопедистов, сочинивших школьные учебники по истории. А раз это всё враки, то как же тут не поверить в рептилоидов, соорудивших интересующие Вас, Евгений Баратэску, сооружения.

Итак, таинственный обладатель тетради с дневниками вышел на сцену. Кто же он такой? Обычный городской сумасшедший, которых ещё можно найти в пустынных музеях и библиотеках, либо... обладатель серьёзной информации? Быть может, эта информация – часть некой игры, где конкурирующая контора сознательно подбрасывает ложные ориентиры?

Ну, ничего. Если быть осторожным, то можно обратить во благо любую пакость.

Баратэску незаметно включил портативный транслятор, доселе мирно почивавший в его сумке. Через несколько мгновений дополнительной автоматической подстройки аппарат начнёт записывать не только беседу, но и объёмное изображение собеседников.

Старичок, между тем, продолжил:

– Оставим миф об инопланетянах нашим новым язычникам-технократам. Вернёмся к Книге Еноха. Размышляя над тем, что напечатано в ней, мы приходим к тому, что нефилимы были плодом соединения Сифитов с Каинитками.

От Сифитов, потомства праведного Сифа, эти дети получали по наследству разнообразнейшие дары, которыми Творец щедро одарил Своих чад. Это, в первую очередь, ведение Подлинных имён всего сущего. Переводя на наш несовершенный язык механической цивилизации – способность к структурной трансформации объектов материального мира.

Каиниты были лишены этих способностей, поэтому и строили из камней и глины, вместо того, чтобы воздействовать на кристаллические решётки силой Духа. Да и силы для всех этих телекинезов у каинитов взять бело неоткуда. В отличие от сифитов, не могли они оперировать теми энергиями, которые разлиты по всему Мирозданию.

– Вы хотите сказать, что индусы со своей «праной» и равнодушием к технике... по своему духовному устроению отстоят от каинитов дальше, нежели мы?

– Да не хочу я ничего такого сказать! Тоже мне, йоги. С большой дороги. Индусы нынешние – точно такие же потомки каинитов, как и мы. Но мы сейчас не о нас, а о нефилимах. Так вот, от матерей-каиниток они получили скверный нрав. И этот скверный нрав подтолкнул их к тому, что свои сверхспособности эти дети от смешанных браков стали направлять не на то, на что нужно.

– Логично.

– Вот эти существа и начали обустраивать облик планеты на свой вкус. Появились все эти мегалитические конструкции. Над технологией строительства которых вы со своими коллегами ломаете голову.

– Ранние мегалитические конструкции лишены какого бы то ни было декора. И хотя их принято называть культовыми, выглядят они, скорее, как некие промышленные объекты.

– Какой Вы хотели бы видеть там декор? Завитушки в стиле барокко? Или модерна? Может быть, ампира? – старичок встал и возвысился над сидевшим Баратэску словно преподаватель над нерадивым студентом. – Представления о том: что такое красота в искусстве – это всё не из той сигнальной системы. По Вашему, видимо, выходит так, что мегалитические строения должны быть украшены всякими граффити типа охоты на мамонтов или какими-то там петроглифами? А раз не украшены, стало быть, это просто промзона?

– Вы так уверенно рассуждаете о допотопной цивилизации, как будто всё своими глазами видели, – Баратэску попытался было таким незамысловатым способом погасить напор собеседника.

– Я – видел. И Вы, может быть, увидите. Если я посчитаю нужным передать Вам кое-какую информацию.

Бородецкий встал с лавки.

– Тогда, для начала, здравствуйте!

– Доброго здоровьица! Кстати, выглядите Вы, действительно, значительно младше своих лет. А ведь мы с Вами – почти ровесники. Вы в молодости что слушали?

Бородецкий оценил деда. Как ещё можно проверить собеседника, выдающего себя за рождённого в ту или иную эпоху? Именно так. Книги, кино, политика – всё это не то. Человек может быть аполитичным и не помнить или даже не знать ни политиков, ни лозунгов, напечатанных на кумачах или билбордах. Книги читают далеко не все, а те, кто читают, ориентируются не на рекламные акции ПЭН-клубов, а на собственные вкусы. С фильмами тоже можно запутаться, нужно иметь определённый багаж, чтобы обладать собственным мнением на этот счёт.

Женщину можно было бы проверить вопросом о модных фасонах, которые она должна была, по идее, помнить с точностью до нескольких лет. А вот бывшего студента логичнее всего было бы проверить вопросом о музыкальных предпочтениях. Мимо музыки ни один из молодых людей, мужавших в конце XX века, пройти не мог. И если собеседник, прибывший сейчас сюда для обретения фотокопии тетради, не является тем, за кого он себя выдаёт, – это выяснится очень быстро.

– Простите, что Вы имеете в виду?

– Я хочу, чтобы Вы ответили мне: что за музыку Вы слушали в бытность свою студентом? Тогда я смогу вычислить время Вашей учёбы с точностью до пяти лет. Я же отлично помню то время. И если я увижу, что Вы врётё, Вы никакой копии дневников не получите.

– Послушайте, но это какая-то ерунда. Мало ли кто – что слушал. Кто-то «Утреннюю почту», кто-то – «металл», а кто-то и «Муки-Зву»...

– «Муки-Зву»? – Старичок усмехнулся. – «Муки Зву». А Вы, оказывается, юморист.

– Ну, так и Вы тоже, как и Штирлиц, назначаете встречи в музее.

– Вы знаете, кто такой Штирлиц? Хорошо, ещё один ответ засчитываем. Тогда последний вопрос: А как Вы делали джинсы-варёнки?

Бородецкий облегчённо вздохнул. Похоже, тест пройден.

– Никаких варёнок я никогда не делал. В моё время это уже считалось колхозным жлобством. Я, всё-таки, немного младше Вас, и когда бушевала перестройка, я ходил в школу и на кружок Юных Физиков, а не на тусовки.

– Отлично. Теперь вижу, что Вы – действительно тот, за кого себя выдаёте. М-да, неужели «Мёбиус» действительно разработал такие эффективные омолаживающие средства?

4. Планы на будущее

Итак, игра началась.

Каждый из участников сделки пытался встроить контрагента в свой сценарий и сделать инструментом достижения своих целей. Ни у одного, ни у второго не было никаких иллюзий по поводу сложившейся ситуации торга.

Бородецкому показалось, что старичок начинает суетиться, но это вполне могло быть отвлекающим манёвром. Впрочем, в той игре, которую затеял Баратэску, это не играло уже особой роли.

Что бы там ни было в тетради, встреча эта будет встроена в ту информационную кампанию, последние детали которой он оттачивал в своём сознании буквально в эти минуты.

Тетради, разумеется, при себе не было, но старичок показал на дисплее коммуникатора несколько фотографий Дневника, и Баратэску без лишних препирательств согласился выйти прогуляться и закончить сделку где-нибудь подальше от камер слежения.

Что бы там ни было в тетради, он предложит деду кое-какие приличные и эффективные биостимуляторы в качестве бартера и у него появится несколько часов для того, чтобы подготовиться к встрече с Херсонским. А сейчас ему нужно было несколько минут тишины, чтобы упорядочить те вдохновенные идеи, погрузившие его в то сладостное состояние эйфории, которое бывает предвестником решения давно обдумываемой задачи.

Когда Бородецкий со старичком вышли из музея, то сумрачная парочка, всё ещё дремавшая сидя на корточках, очнулась и поплелась за ними вслед.

– Поскольку я ни на секунду не сомневался, что встречу интеллигентного собеседника, то не стал искать себе некой специально вышколенной стражи. Для Вас достаточным основанием оценить мою безопасность будет лицезрение этих двух несчастных. Готовых ради дозы пойти на что угодно. Даже на конфликт с представителем зарубежного цивилизационного блока.

«Вот и хорошо», думал Баратэску. «Прекрасные колоритные типажи. Всякое лыко – в строку».

Информационная кампания по отмыванию добела чёрного кобеля «Мёбиуса» сложилась в голове пиарщика целиком и полностью.

Пока он находится тут, по ту сторону «Пластикового занавеса» уже вовсю идёт работа над двумя документальными фильмами. Точнее, фильмы будут, само собой, постановочными, но стилизованными под документалистику. Первый фильм будет сделан в духе «Тайного полёта на Луну» и «Махатм Ананэрбэ». Подобного рода продукцию нынешняя аудитория, давно уже пробившая дно невежества, воспримет с восторгом и рукоплесканиями на шоу в тоннелях реальностей.

«Тайный полёт на Луну», исключительно стёба ради, смастерили одни евразийские шутники, а зрители – к удивлению немалого числа людей, даже продюсера – возьми, да и поверь в то, что «кровавая гэбня» реально ставила на лётчиках эксперименты, выстреливая этих комсомольцев в космос на чудовищных – в стиле стимпанка – ракетах.

А после неудачи проекта лётчиков–недокосмонавтов перетравили удушающими газами. Всех второстепенных сотрудников якобы заразили сибирской язвой, а живучих пересажали в дурдома.

Но псевдодокументальное кино получило призы, и когда на ток-шоу кто-то там чего-то пытался оспаривать, смуглянка с остановившимися – цвета тонированного стекла – глазами, просто напросто демонстрировала толерантность к инакомыслию, и передавала микрофон оппонентам. Статисты хлопали в ладоши.

Теперь сотрудники «Мёбиуса» через подставную студию мастерили фильм-разоблачение про питомники клонов в ржавом поясе Демократических Штатов, причём подлинную документалистику монтировали с постановочными сценами, в которых удалось задействовать «звёзд» шоу-бизнеса.

План был прост как три копейки.

«Мёбиус» покупал призы для этой постановки, а потом организовывалось шумное разоблачение, к которому за дополнительные гонорары привлекались и актёры, задействованные в постановочных сценах.

Сразу же после этого запланированного скандала сценарий информационной кампании предполагал мероприятия по дискредитации противников клонирования. Теперь их уже выставляли не просто фальсификаторами, но также и самыми настоящими маньяками.

Маниакальность поведения иллюстрировалась документальным фильмом, сделанным на основе отснятых результатов зверских расправ над работниками подпольных питомников. Ведь эти расправы действительно имели место. В том числе и на территории Евразийской Конфедерации.

Маниакальность образа мысли противников клонирования должна была иллюстрироваться программой, материал для которой готовил Баратэску именно сейчас.

Выставить противников клонирования сумасшедшими исследователями вечных двигателей, НЛЮ и прочих мегалитов. Выглумить этих людей до такой степени, чтобы ни один представитель академического сообщества, ни один действующий политик не рискнул публично поддержать ничего из тех идей, которые будут приклеены к сфабрикованному фантому «противников клонирования». Ничего – из тех идей, которые будут у масс ассоциироваться с этими противниками.

И поэтому нет никакой разницы – что там будет в Дневнике. Главное – колоритные персонажи.

А если ко всему прочему в тетради ещё и будет пара-тройка толковых мыслей, так это будет дополнительный бонус для его любимой игрушки – лаборатории Starless. Bible black.

Часть седьмая

1. Сурб Хач

Борис Моисеевич брёл по лесной тропинке, увлекавшей от асфальтированного шоссе в сторону армянского монастыря. Глядя под ноги, вдруг подумалось о том, что ведь всё это исчезнет рано или поздно.

«Как там у апостола: «Придёт же день Господень, как тать ночью. И тогда небеса с шумом прейдут. Стихии же, разгоревшись, разрушатся. Земля и все дела на ней сгорят». Ни земли, ни всего, что на ней, уже не будет.

Зачем же я продолжаю цепляться своими старыми ногтями за эти камни?

Зачем бегу? Куда бежать?»

Юрий Владимирович, шагавший впереди, поприветствовал послушника. (Или монаха, кто их разберёт? Борис Моисеевич для удобства определил его для себя как «инока»). Директор с иноком сердечно обнялись. Подождали отставшую Дину и прошли в узкую щель прохода.

– Для нужд обороны обители вход был сделан таким образом, чтобы одновременно мог въехать только один всадник, – комментировал инок, привычно взявший на себя послушание гида.

– Как «Игольное Ушко», – заметил Борис Моисеевич. – Так назывались ворота, через которые купцы попадали в Иерусалим. Ворота были такие же, как тут. Провести через них верблюда, не сняв с него тюки с поклажей, было невозможно.

Директор неожиданно для Бориса и Дины из эпикурейца превратился в философа, и чуть ли не буддиста:

– Да уж, таскаемся со всяческой рухлядью, а придёт время, – попробуй отвязись...

– Чтоб не было проблем с отвязыванием, не нужно привязываться, – попробовала было Дина завести свою любимую пластинку, но инок – к её удивлению – не поддержал философствующих интеллигентов.

– Если совсем ни к чему не привязываться, тогда что же у нас окажется? Одна пустота? А пустота быстро наполнится всяким мусором. Евангелие говорит как? «Где сокровище ваше, там будет и сердце ваше». Если мы научимся привязывать сердце к тому, к чему нужно, то оно и останется с нами навсегда. Даже тогда, когда ничего от этого мира не останется. – И, подняв палец, добавил с комичной интонацией:

– Я так думаю...

Борис Моисеевич, знакомый с традицией цитирований, хмыкнул и огляделся. Над одним из углов притвора возвышалась колокольня. Пожалуй, даже не колокольня привычного нам вида, а, скорее, сторожевая башня донжон, с колоколом, висящим на кронштейне. По другую сторону от церкви расположена трапезная. Её усиленные контрфорсами мощные внешние стены с окнами-бойницами представляли собою часть оборонительного комплекса монастыря-крепости.

В трапезной директор с иноком присоединились к собравшимся за длинным столом у камина армянам, которые гостеприимно приветствовали Юрия Владимировича. Борис Моисеевич вежливо улыбнулся, но в компанию решил не вливаться, а проследовал в храм.

Внутреннее убранство армянской церкви существенно отличалось от того, что человек встречает в русской православной обители.

Алтарь был отделён не иконостасом, а завесой. Ни икон, ни фресок не было, точнее, было всего две иконы, даже и не совсем иконы – если рассуждать со строгой точки зрения иконографического канона. Икона Богородицы представляла собою копию фрагмента росписи Васнецова в киевском соборе, а Спас Нерукотворный вообще был написан в художественных традициях Русского Модерна.

Это несколько удивило Бориса Моисеевича, ведь вот уже более полувека католики и более-менее ортодоксальные лютеране демонстрируют приверженность к византийской, а то и к русской иконографической традиции. А тут – почти светская живопись, причём... далеко не бесстрастная. Впрочем, Борису Моисеевичу живописные работы, украшавшие армянский храм, пришлись вполне по душе. Наверное, в любом другом интерьере они смотрелись бы несколько музейно, но тут, на фоне аскетизма гладких каменных стен, не возникало того поверхностно сентиментального чувства, которое способно перечеркнуть глубинный молитвенный порыв.

Борис Моисеевич вышел из храма и подошёл к Дине, стоявшей у каменного фонтанчика.

– Армян я полюбил богослуженье.

Но Дина не поняла намёка, а потому наш поэт спохватился, что своими экспромтами он не просто нарушил уединение экзальтированной паломницы, но поставил её в неловкое положение. И, чтобы избежать недоразумения, продекламировал:

– «Обряд их строгий, важный и простой // Сих голых стен, сей храмины пустой // Понятно мне высокое ученье». Это Тютчев. Раньше в школе проходили.

– А, Тютчев. Ну, да. «Умом Россию не понять...»

И решив, что всё нормально, и никто не останется обиженным, добавил уже тоном, в котором присутствовали извиняющиеся нотки:

– Решил вот осмотреть окрестности монастыря. Так сказать, подышать атмосферой отшельничества. Позовите, если там будет какой-нибудь аврал незапланированный.

И удалился по тропинке, уводящей в лес.

«Так долго мечтал о ключе, которым я смог бы запереть за собой дверь. Дверь своего дома, в котором бы меня никто не смог бы достать. Мне и дом-то нужен только лишь ради того, чтобы у него была дверь. Которую можно закрыть за собою на ключ.

Допустим, я заработаю свой дом с дверью, которую можно будет закрывать на ключ. Но что же будет с ключом и с дверью тогда, когда рано или поздно всё закончится?

Что станет со мною тогда, когда придётся остаться наедине со Спасителем. Даже если это будет не Суд, а просто Встреча. Что я отвечу Ему? Ведь ведаю, что творю.

Можно, наверное, будет воспользоваться ключом. И закрыться от Него. Не пускать Его к себе в дом. Но тогда именно этот дом и станет адом. Тем местом в душе человека, куда Спаситель не будет допущен самим человеком. Совершенно осознанно.

Тогда какой смысл в ключе? И в двери? И в доме?»

– Борис Моисеевич! – По тропинке подбежал Фома. – Ух. Везде ищу Вас. Уезжаем на Биостанцию. Немедленно.

– Что-то случилось?

– Случилось. Расскажу в машине. Не хочу в темноте заполнять эфир. Мало ли кто услышит.

2. Испытания

Фома уже собирался было выкурить свою очередную «последнюю папиросу» и «назло глобалистам» отправиться в ближайший храм, как его остановило экстренное сообщение, которым были заполнены, видимо, не только тоннели визоров, но и всё пространство ноосферной сети.

Дослушав сообщение до конца, он выскочил из своей комнатухи, передал дежурившему на проходной агенту об услышанном, и ринулся на поиски Антона. Первым попавшимся прохожим оказался дружелюбного вида подвыпивший гражданин с рыжеватыми волосами и курносой рязанской физиономией.

– Скажите, пожалуйста, как пройти в церковь?

– В церковь? В одиннадцать часов вечера?

– Так сегодня же Пасха!

– Пасха... – растерянно повторил прохожий, и тень неподдельной печали легла на его веснушчатую физиономию. Он даже как-то ссутулился. – Надо же. А я и забыл. Замотался... а уже и Пасха пришла. Ну, идите на Приморскую, 12. Там у нас храм.

После чего, горестно вздохнув, достал папиросу и указал рукой, в какую сторону нужно двигаться.

Народу во двореке церкви было, прямо скажем, негусто. Линии, разделяющие пространство на «квадраты безопасности», были заранее подновлены. И теперь христиане ютились по «квадратам».

– Нет, отче, вот Вы мне, пожалуйста, объясните, – мимо Фомы в сопровождении священника прошествовала пожилая статная дама. – Ну что это у нас за Христианство такое получается, что человек от человека шарахается?

– Анна, ну ты же знаешь не хуже меня, есть Комиссия. Епархия обязана выполнять её указания. Указано – соблюдать «социальную дистанцию» – будем соблюдать. Ты что, хочешь, чтобы нас совсем закрыли и приказали «самоизолироваться»?

– Да я понимаю про то, что «кесарю – кесарево». Но так шарахаться друг от друга – как шарахаются теперь наши братья и сестры... Что-то в этом всё есть глубоко неправильное.

Дама с настоятелем прошли мимо, Фома не успел впустить в свою голову порцию искусительных мыслей по поводу этих «социальных пространств», как вдруг в его «персональном пространстве» образовался Антон, удивлённо уставившийся на своего товарища, обычно не отличавшегося благочестием.

– Ну что уставился, отец родной? На мне узоров нет. И цветы не растут. Но скоро придётся нам всем как-то маскировать свои «фэйсы». Давай. Мотаем на станцию. По дороге расскажу, что случилось.

Соприкосновение с карантинными реалиями вновь возмутило душу Антона состоянием недовольства, уже было улёгшимся, а потому срочное возвращение на Биостанцию избавило его от перспективы подпитывать это самое недовольство всё новыми и новыми порциями осуждений всего и вся.

– В общем, такие новости. – Как только церковный дворик стался позади, Фома тот час же ввёл Антона в курс дела. – Нас уже везде ищут. По визору транслируют наши морды лиц. Дикторши рассказывают срывающимся от волнения голосами о том, какие мы хорошие и перспективные учёные, а Моисеевич, оказывается вообще – непризнанный гений, которого сожрали конкуренты из недобитой эстрадной мафии Алисы Болотниковой. Типа он должен был стать лицом евразийской песни...

– Наверное, голосом? – Попытался поправить Антон.

– Нет, именно лицом. «Воплощением тех эстетических ценностей, которые уже считались было утраченными в эпоху второго НЭПа». То есть после развала Союза, но до «ковид-кризиса»..

– Да это понятно...

– Ну, так вот. Борис наш Моисеевич, оказывается, мог стать «тем, кто вернул бы отечественной песне былую душевность и интеллектуальность», но, как оказалось, его сожрали недобитые Коркиры Филипповы и их шушера эстрадно-развлекательная. И вот теперь, типа, опомнились, а гения нету. Киднепинг.

– И к чему призывают граждан?

– Ясно к чему. К бдительности. К проявлению активной жизненной позиции. Короче говоря, кто нас увидит, хоть кого-нибудь одного, – должны тут же сообщить куда следует.

И добавил:

– Да, кстати, это дело начали оглашать сразу же после начала пиар-кампании «Мёбиуса».

– «Мёбиуса»? Того самого?

– Того самого. Генерал всё изложил точно. А я ещё думал, что старый милитарист нагнетает.

– Слушай, Фома. Мне вот, что только что подумалось. А вдруг Борис клюнет на приманку? Всё-таки старый одинокий человек. Не реализовавший своего потенциала. Теперь может поверить в то, что его творчество кому-то нужно, может как-то повлиять на настроения в обществе. То-сё.

– Ага, и ещё ему предложат в рамках своей кампании поменять какие-нибудь запчасти, чтоб пожил подольше. Опять же – не себя ради любимого, а типа во имя всего хорошего?

– Может и клюнет. Чужая душа – потёмки. Ты бы клюнул на его месте?

Фома ничего не ответил. Антон продолжил:

– Вот то-то и оно. Агенты нас расчипировали, теперь Система нас найти не сможет. Только если кто-то не вычислит.

– Или если сами не прибежим...

На проходной ребят уже ждал микроавтобус.

– Давайте живее. Срочно переезжаем.

3. Коммуникация. Разговор про карго-культ

Борис Моисеевич отреагировал на сенсационную новость достаточно сдержанно.

Во-первых, он отдавал себе отчёт в том, что за ним сейчас вольно и невольно наблюдают все, присутствующие в салоне автобуса. И давать повода ищущим поводов он бы не стал и в менее пикантной ситуации.

Во-вторых, эта новость была – с духовной точки зрения – прямым продолжением его размышлений о разумом-добром-вечном, точнее, о тщете всяческой суеты. Борис Моисеевич ожидал чего-то подобного. Ведь он буквально перед этим изволил поразмышлять о том, как замечательно ни к чему не привязываться, поэтому последовавшая вслед за прекраснотушными размышлениями ситуация «проверки на шивость» была закономерна. И ожидаема.

И, всё же.

Легко отказываться от того, чего у тебя нет и не предвидится. А какво отказаться от того, к чему стремился всю свою сознательную жизнь, стремился страстно, не видя в таковом стремлении никакого «духовного криминала» – в том виде, в котором тогда он этот самый «духовный криминал» понимал...

Была ещё одна причина, но об этом – позже.

Святой Пасхальной ночью автобус шнырял по Тавриде, и это рыскание показалось Борису Моисеевичу вовсе не уходом от прилипчивых привязок, но каким-то сериальным продолжением суеты сует. Он прикрыл глаза, но задремать всерьёз помешала болтовня Дины, вновь обратившей свои полные надежд взоры на младшего научного сотрудника Тростова:

– Фома, а чем вы вообще занимались в своей шарашке?

– У нас не шарашка, а институт Проблем Коммуникации.

Не в привычках Фомы было обижаться, к тому же, он решил, что можно и поболтать:

– Что такое коммуникация? Передача и приём информации. Которые осуществляются при посредстве тех или иных знаковых систем. Их изучением занимается семиотика. Знаковыми феноменами являются также невербальные символичные системы, например, жестикуляция, язык животных. Ну, это помимо языка и явлений культуры в широком смысле. Это понятно?

– Это понятно. Дальше.

– В основе семиотики лежит понятие знака. Знак указывает на содержание чего-то там, и выражается в виде некой материальной формы. Ключевое понятие семиотики – знаковый процесс. Семиозис. Речь идёт вот о чём. Отправитель сообщения намерен передать некоему адресату закодированное сообщение по каналу связи. Сколько, по-твоему, компонентов необходимо для приёма/передачи информации?

– Ну, как сколько? Три. Отправитель, адресат и само сообщение.

– А вот и нет. Пять. Ты забыла про канал связи и код. Например, для того, чтобы узнать: как работают эти камни, у нас пока что в наличии только один единственный компонент. Это мы. Те, кто очень хочет быть адресатом. Нет ни информации о способе установления канала информации, ни того, кто будет являться отправителем информации... Если, кстати, этот некто ещё захочет с нами иметь дело. Если захочет, то тогда будет актуальной проблема кодирования и декодирования информации.

И канал обмена информации, и код – должны быть доступны восприятию сторон, участвующих в процессе обмена информацией. Отправитель чего-то отправляет такого, что адресат должен суметь расшифровать.

– Хорошо бы попробовать осуществить телепатический обмен...

– Это, конечно, теоретически было бы неплохо. Ведь если наши спецы приловчились зомбировать население «вражьими голосами», то почему бы этим самым неведомым строителям мегалитов не помещать свои сообщения непосредственно в башку тем из нас, кому доведётся стать медиумом. Кстати, надо полагать, что тебя к нам приставили именно по этой причине. Есть же теоретическая возможность того, что канал будет телепатическим. Хотя и у Антона крыша тоже подходящая. С одной стороны нежная и чувствительная, с другой – достаточно крепкая. Не «поедет».

Дина задумалась, но Фома не позволил ей углубиться в размышления.

– Но у тебя крыша чувствительней. И её дизайн вполне симпатичный.

Дине комплимент понравился, но, тем не менее, она не оставляла надежд выглядеть ко всему прочему ещё и умной.

– А если мы с Антоном не сможем расшифровать сигналы?

– Конечно, не сможете. Я в этом уверен на девяносто процентов. Вот для этого нас с Борисом Моисеевичем приставили. Нооскоп снимет впечатления, которые будут зафиксированы в сознаниях медиумов, а дальше уже начнём работать мы, спецы по знаковым системам. Не исключено ведь и то, что транслироваться будут некие

чувственные образы, которые восприниматься будут вами сугубо субъективно. Но, может быть, повезёт. Покажут вам какие-нибудь там мерцающие разными цветами фракталы, а мы уже попробуем перевести эти мерцания в столбики цифирей.

Борис Моисеевич решительно открыл глаза и вступил в разговор:

– Фома, голубчик, ну что ж вы перескакиваете с пятого на десятое! Прежде, чем выстроить канал передачи/приёма информации, необходимо, во-первых, установить: с кем мы собираемся иметь дело? Кто по ту сторону камней? И, главное, как оно работает!? Не собираетесь же вы вместе с Диночкой водить хороводы вокруг пирамид и взывать к Анубису или святому Христофору... Работа по поиску решения над проблемой, которая требует формирования полноценного исследовательского института, возложена на кучку законспирированных энтузиастов. Какой-то бред сумасшедшего! Если вдуматься...

– Насколько я понял, полусонные мои, работа нашей кучки законспирированных энтузиастов стихийно продолжается, – провозгласил Фома и толкнул дремавшего через проход Антона.

Тот буркнул что-то маловразумительное, но, по крайней мере, продемонстрировал свою готовность примкнуть к полемизировавшим энтузиастам.

– Фома, – Борис Моисеевич решил, что беседа поможет ему унять волнение, – любой толковый механик позапрошлого века, поглядев на агрегат из шестерёнок и тяг, например, на обыкновенные часы с пружиной, разберётся – что там к чему. Но это если есть на что глянуть. А если механизм находится внутри запаянного корпуса? А если внутри корпуса некий механизм, работающий по другим принципам? Например, кварцевый. А если там, внутри запаянного корпуса вообще нет никакого механизма? А есть просто макет. Игрушка. Или объект карго-культа?

Теперь проснулся уже и директор Биостанции, которого в срочном порядке присоединили к экспедиции.

– Как мраморный телефон из старого фильма про Старика Хоттабыча.

– И вправду, Юрий Владимирович, ведь объект карго-культа вовсе не обязательно должен выглядеть как туземный божок в виде идола, напоминающего какой-нибудь самолёт. Сделанный, например, из соломы. – Задумавшись, Борис Моисеевич, добавил с известной порцией сарказма: – Или как бардовская песня, аранжированная при помощи электрических гитар. Наша рок-музыка – это ведь тоже, своего рода, карго-культ. Фабрикация неких произведений, которые должны волшебным образом содействовать устроению той реальности, символами которой они являются.

– А что такое карго-культ? – Простодушно спросила Дина.

– Во время Второй Мировой американцы воевали с Японией, – зевнув, начал объяснение Юрий Владимирович. – Острова использовались в качестве баз американской армии. Грузы – продовольствие, вооружение, обмундирование – всё это доставлялось авиацией. Либо на спешно сооружённые аэродромы, либо, если остров был небольшим, сбрасывались с парашютами. Кое-чем американцы делились с туземцами. Папуасы видели, что если обозначить огнями взлётную полосу, то прибывает самолёт со всяческим добром. Если одевать на голову наушники и что-то говорить в коробку, соединённую с высокой палкой, то вскоре с неба прилетают ящики и тюки на парашютах. Таким образом,

они решили, что для того, чтобы получать всяческие предметы, необходимые в быту и хозяйстве, надобно либо зажигать ритуальные огни, либо надевать нечто на уши и проговаривать ритуальные фразы.

Ну, американцы же поступали именно так. Туземцы видели всё это своими глазами. Поэтому когда японский милитаризм был повержен, и базы забросили за ненадобностью, то папуасы решили, что теперь некие таинственные духи будут присылать им подарки уже без посредничества американских солдат.

Построили аэродромы, сделали макеты самолётов из соломы, вырезали из дерева «радиопередатчики», одевают «наушники» из половинок скорлупы кокосового ореха и свершают ритуальные действия. Которые должны увенчаться появлением парашютов с имуществом. А то и целых транспортных самолётов. Вот, примерно так.

– К сказанному хочу добавить вот что. Термин появился с лёгкой руки Ричарда Фейнмана. Фейнман сравнивал некоторых учёных с самолётопочтальниками. Речь шла о тех, чьи исследования выглядят как научный метод, но по сути таковым не являются.

– Дорогой Борис Моисеевич, на кого это Вы так деликатно намекаете?

– Это не я. Это Ричард Фейнман намекает.

– И как сейчас поживают адепты этого культа? – Если Дина хотела узнать что-то для себя новое и необычное, она хладнокровно отсеивала всякие шутки юмора и даже скепсиса с сарказмами, и целеустремлённо продвигалась к тому состоянию, чтобы вновь сформированная в голове папка была заполнена информацией.

– А сейчас они вырезают из пальм всякие макеты приборов – ноутбуки, кнопочные мобилки и так далее и тому подобное, делают татуировки в виде чипов на лбу и на запястьях. И делают вид, что при помощи этих приспособлений выходят на связь с духами.

К сказанному остаётся добавить то, что одним из атрибутов культа является ритуальное бездействие. Построив «аэродромы» с «самолётами», туземцы ожидают появления парашютов в многодневном безмолвии. Ожидая «небесные дары», папуасы прекращают ловить крокодилов и лазать по пальмам, собирая тропические деликатесы.

Короче говоря, мечтая о «небесных дарах», дикари вообще «забивали» на пропитание и хозяйство.

– Но... Почему же они продолжают веровать в эти «дары»?

– Потому что управленцы этим регионом подбрасывают туземцам того-сего. Дабы те не перемерли с голодухи. И эта гуманитарка лишь подкрепляет уверенность дикарей в своей правоте. После чего они продолжают строить соломенные самолёты с утроенной энергией.

– Да уж. Аналогия, конечно, прямая. – Антон вдруг решил, что появился прекрасный повод вывернуть дискуссию в то русло, около которого он уже давно топтался, но всякий раз воздерживался от того, чтобы высказаться прямо недвусмысленно.

– Предположим, что за нами наблюдают. Ведь наблюдают же за папуасами агенты тамошних структур глобального управления. Так и за нами, обитателями планеты Земля, наблюдают некие агенты. Кто они, эти агенты?

По большому счёту, у нас два варианта ответа на этот вопрос.

Всё зависит от ответа на вопрос Алёши Карамазова: во что мы веруем? Если веруем в инопланетян, то будем рассчитывать на милость или немилость их агентуры. Если веруем в Спасителя, то... То будем иметь в виду, что если мы станем совершать некие ритуальные действия, то откликнуться могут не только ангелы, но и, пардон, бесы.

– А чего это ты гипотезу об инопланетянах записал в религию?

– Фома, ну сам посуди. Символ веры материалистического квазирелигиозного культа сводится к тому, что «Мозг является святилищем Бессознательного». Именно оттуда к нам в сознание приходят Идеи. А кто их туда вкладывает? Правильно. «Мудрые» «зелёные человечки». И вот именно по причине того, что за человеками присматривают эти человечки – или ящерицы – мы и идём, типа, Путём Прогресса. Вот так. Соединяем фрейдизм с материализмом – и получаем полноценный религиозный культ.

Фома уже собрался было высказать что-то остроумное или даже колкое, но его опередил водитель микроавтобуса, который притормозил возле двух одинаковых легковушек и, повернувшись к пассажирам, запинаясь, объявил:

– Товарищи господа исследователи, я дико извиняюсь. Сейчас вам должны сделать какие-то приготовления. В общем, пересаживайтесь в эти два автомобиля.

Часть восьмая

1. Что-то случилось с «Мёбиусом»

– Лиза, а это правда, что снеговикам дают есть сосульки, чтобы они не умирали?

– Софійка, що за дурниці! – Лиза заканчивала занятия с семилетней девочкой, дочерью новых коллег, которые эмигрировали в Междуморье по программе обмена ментальных диссидентов. Девочка осваивалась в новом культурном пространстве, и Лиза занималась с нею дошкольной подготовкой. – Розмовляй як потрібно.

– Так сніговікам потрібні сосульки, чи ні?

Лиза Дзвоник занималась не только с воспитанницами пансионата-питомника корпорации «Мёбиус», но и с детьми сотрудников. За дополнительное вознаграждение, ясное дело.

Сегодня что-то ей никак не удавалось овладеть вниманием этой бойкой девочки, к сердцу подкралось нехорошее предчувствие, и никакой аутотренинг не мог вытеснить этого из её сознания .

– Так потрібні їм сосульки, чи ні? Відповідай! Не мовчи!

– По-перше, не «сосульки», а...

Лиза и сама забыла: как будут сосульки на одной из державных молвей Междуморья, нужно как-то незаметно для девочки погуглить в виртуальном словаре. Она пыталась было войти в сеть, но сильный и настойчивый сигнал вызова на связь переключил её внимание.

Её вызывал Соловьяненко. Вызывал срочно.

– Лиза, у нас ЧП. Крупное. Нужно срочно связаться с Бородецким, а у него заблокирован доступ.

– Да, знаю. Он в Рашку полетел по делам.

Неизвестно: проглотил ли Игорь «Рашку» на этот раз или нет, но только он лишь тихо хрипнул, сглотнул и продолжил:

– Если у тебя есть вариант – как с ним связаться, срочно передай ему, что я отправил ему «мессагу» на конвертор, пусть срочно прочитает.

– Что-то случилось важное?

– Случилось.

– Это касается вашей акустики?

– Нет, это касается наших клонов.

– Ты можешь сказать: что произошло?

– Нет, по сети не могу. Приезжай к нам в обсерваторию, расскажу кое-что экстренное. Похоже – «Мёбиус» – всё.

– Не понимаю!?

– Ж*па «Мёбиусу». И всем его клиентам тоже ж*па. Готовься к худшему. Всё. Приезжай и всё время непрерывно долдонь Бородецкому. Авось, пробьёшься. Нужно успеть его предупредить, пока на него не вышли агенты внутренней безопасности. До встречи.

Так. Предчувствия её не обманули. Запустила непрерывный автодозвон, но механически голос неумолимо сообщал о том, что связь установить не представляется возможным. Пока не представляется возможным.

– Лиза, а почему ты разговаривала сама с собой? Тебе позвонили? И почему ты разговаривала по-русски? И почему у тебя лицо стало как у бабушек?

Лиза пыталась было отшутиться, но вот это последнее «лицо стало как у бабушек» совершенно её доконало. Впрочем, она взяла себя в руки.

Так. Необходимо сообщить родителям Софии о том, что они с девочкой позанимались, но сегодня занятия пройдут по несколько иному методу. Девочка останется одна в её квартире. Но ничего опасного не произойдёт с девочкой, поскольку газовое и электрооборудование будут заблокированы. Заблокирована будет и входная дверь. Которую, впрочем, они смогут открыть, если освободятся с работы раньше. Еда для

девочки будет на кухне, визор будет активирован на трансляцию тоннеля детского патриотического воспитания. Да, пусть лучше по визору, чтобы лишний раз не морочить голову подключением к Системе. К тому же она, Лиза Дзвоник, как известно, в некотором смысле антиглобалистка. В пределах разумного. В тех рамках, в которых эта её декоративная фронда не противоречит ни идеям «Новых ЭГОцентристов», ни идеям «Новых ЭКОцентристов».

Она записала это послание, отправила его родителям, копию сообщения заархивировала, затем настроила визор на необходимый тоннель.

Сейчас детям Междуморья показывали анимацию про то, как бандерівка Марійка со своим другом маленьким Абрамчиком пытались защитить братів-сябрів, которых заколдовал злой волшебник Будин. Капитан Америка ничем помочь не смог, оставалась последняя надежда на Лёлика и Болека с верным псом Рэксом.

Предупредив консьержа-афроевропейца о том, что у неё в квартире осталась ученица, но все бытовые приборы заблокированы (о чём имеется запись в архиве Ювенальной службы контроля), она помчалась в обсерваторию.

2. Дневник

У странички, следовавшей сразу же после вырванных листов дневника, была обрезана верхняя часть. Примерно на одну треть. По всей вероятности, была вырезана нотная запись.

«Эта мелодия звучала завораживающе. Чарующие звуки каменных инструментов, внешне напоминавших французские булки, погружали нас в состояние безмятежного сна.

Кем или чем являлись наши сознания: объектом, то бишь, исследователем? Субъектом исследования? Инструментом исследования? Всё стиралось.

Стирались и границы своего «Я».

Поневоле впадаешь в гносеологический пессимизм.

Пребывание в геометрически совершенной тёмной камере, сооружённой в толще скалы, рождает причудливое состояние. В камере благоприятная для человеческого тела температура, тут сухо, воздух чист. Отсутствие беспокойств, вызываемых органами чувств, искушает помыслами о том, что тело наше – всего лишь одно из возможных осмыслений того, в какой из оболочек может пребывать сама искра сознания личности.

Казалось, будто мало-помалу перестаёшь принадлежать самому себе. До слуха ещё доносятся убаюкивающие звуки литофона, и порою складывается ощущение, что вибрируют стены камеры, а то и сама громада скалы. Или это лишь категория осознания и слуха? Что-то вроде фантомных болей?

Быть может, тело уже исчезло, осталось лишь состояние сознания.

Которое меркнет.

Слышно лишь «Доннь... дунн-донн»».

Верх обратной стороны листа обрезан, поэтому в связном тексте образовывается разрыв.

«...Очнувшись, мы покинули пространство камеры, которая, вне всякого сомнения, действовала как некая машина, работа которой запускалась при посредстве особых токов в нашем сознании – как ключа.

Вспоминая дальнейшее, тороплюсь засвидетельствовать, что связного повествования нашего с коллегой пребывания в этом мире сложить не удаётся, поскольку в сознаниях отпечатаны отдельные калейдоскопические картины, как во сне.

Образ картин мира пирамид, запечатлённый в моём сознании в целом совпал с теми образами, которые позже, по возвращению словесно живописал и мой ассистент – инженер Н-ский. Сильно различались лишь те образы, которые рождались в наших сознаниях во время перехода. Видимо, там действительно имели место картины, выстраиваемые из тех образов, которые непокоились на нижних этажах наших сознаний.

Помимо картин ритуальных церемоний, совершавшихся жителями этого мира (которые подробно будут описаны ниже), можно отметить несколько важных вещей, которые помогают отделять долю фантазийных моментов наших воспоминаний от того, что можно отнести к подлинным впечатлениям. Нельзя сказать, что сигнальная система нашего организма способна верно отражать среду, которая соответствовала реальности того мира, в который мы попали.

Было постоянно ощущение некоего воздействия, нас не покидало чувство тревоги и ощущения близкого присутствия неких невидимых глазу существ. И если оранжерейную духоту ещё можно объяснить причинами физиологической некомфортности, то объяснить физиологией это не покидавшее нас чувство было бы неверно. Итак, сколь бы калейдоскопичными не были обрывки впечатлений от пребывания там, все они сопровождались характерными ощущениями».

«Так, ладно», думал Баратэску, «это всё лирика. Скорее всего, сочинения на тему. Хотя... Вот уже пошли мысли поинтереснее».

«Дабы впредь отсеивать фантазии, сочинённые нами уже после выхода из состояний посещения необходимо расшифровывать впечатления. Никто не говорит о фантастическом приборе, который бы записывал мыслеизлучения на паутину стальной проволоки, непрерывно наматывающейся на катушки. Потом эти электроволны, намагничивающие проволоку, превращаются в световолны, световолны – в звуковое кино... Это, конечно же, фантазии. Вряд ли осуществимые в обозримом будущем.

Другое дело – аппарат, который работал бы следующим образом:

Для всякого пилота создаётся персональный код шифровки. Человек испытывает некое ощущение и сигнал, подаваемый мозгом на это раздражение, фиксируется и получает шифр. Геометрические фигуры, вначале плоские силуэты их, затем цветные, затем – объёмные... и так далее, весьма кропотливо. То же самое со звуками, а также осязательными впечатлениями.

Накапливаем впечатления от переживаний, сцен, костюмов, музыки, декораций, запахов...»

«Ну-ну... И как, интересно вы собирались конвертировать эти коды обратно? Не имея никаких ЭВМ?», – усмехнулся мнемоник, занимавшийся примерно тем же кругом задач, но уже вооружённый продукцией самых продвинутых производителей «цифры».

Несколько страниц со схемами Бородецкий пролистал и вернулся к тексту.

«Поскольку превратить шифры, подаваемые мозгом пилота, в кинематографическое изображение со звуками и запахами не представляется возможным, то остаётся лишь возвращать эти импульсы пилоту, уже очнувшись после перемещения его сознания. И теперь пилот сможет вспомнить и упорядочить всё, стимулируемый подаваемыми ему в мозг зашифрованными сигналами. Именно теми, которые сам он посылал во время странствия в ином пространстве».

– Молодцы, выкрутились с прото-нооскопом! А если приврёт пилот-мнемоник? Собирались полиграфом его перепроверять?

Баратэску захихикал, а старичок в чёрной шапочке с крестиком, вышитым на ней красными нитками, только пожал плечами. Бородецкий продолжил изучать Дневник.

3. Клоны угасают

Лиза Дзвоник выскочила из такси, даже не захлопнув дверцу. Игорь давно уже ожидал её в глубине парка, отделявшего обсерваторию от улиц и улочек. Лиза вдохнула весеннюю свежесть, и отметила про себя, что «запахи напоминают бюджетный парфум».

– Ну, что? Смогла с ним связаться? – Вместо приветствия спросил Соловьяненко.

– Нет. Отключился от всех. Бородецкий, когда что-то выдумывает, всегда отключается и намертво блокирует доступ.

– Плохо дело. Значит, ситуация такова. Ну, пойдём, присядем. Значит так. По приезду домой я обнаружил вот это. Полюбопытствуй.

Игорь протянул Лизе длинный конверт. В конверте лежало сложенное втрое письмо.

«Игорь, мы благодарны Вам за то, что Вы помогли нам научиться оформлять свои чувства, возникающие от соприкосновения с прекрасным. Это умение теперь поможет нам растворить свои сознания в Божественной гармонии и легко уйти из вашего мира. Навсегда уйти.

Я не случайно употребляю выражение «Божественная гармония», а не «гармония Вселенной», как вы нас учили. Миф, который вы придумали для того, чтобы наполнить нашу жизнь осмысленностью, лжив.

Вы выращивали нас просто ради того, чтобы употребить части наших тел для своих нужд. И пока мы пребывали в том тоннеле восприятия, который вы сфабриковали для нас, всё было как будто бы на своём месте.

Единое Тело Вселенной, каждый внутри этого Тела на своём месте. Подобно тому, как каждая клеточка биологического организма исполняет свою функцию в

жизнедеятельности этого организма. Этот миф объяснял сам смысл нашего существования. Мы ощущали себя отдельной кастой, каждый из членов которой несёт бремя своего послушания. И этим порядком исполнения послушаний гармонируется Вселенная. Якобы гармонируется.

Однажды мы раздобыли брошенный кем-то старый коммуникатор и смогли войти в библиотеку Системы. Да, мы знаем о Системе, хотя и подключены наши сознания лишь к локальной сети «Мёбиуса». Мы уже многое знаем о вашем мире. О том мире, который использует нас в качестве домашних животных, выращиваемых на убой.

Но, войдя в библиотеку Системы, мы поведали не только то: во что вы превратили человечество, но и то, каким оно могло бы стать, если бы... исполняло Заповеди, ниспосланные вам Сыном Божиим.

Ты, Игорь, лучше кого бы то ни было знаешь, что мы общаемся друг с другом безо всяких технических конверторов. Ощущения, образы, мысли – всё это мы передаём друг другу от сердца к сердцу, от мозга к мозгу.

Наверное, что-то подобное было и у первых людей. Сейчас такое есть у представителей животного мира.

В вашем мире этого нет. Тут есть другое. Только желание одного попользоваться другим. Если говорить о нас, о тех, кого выращивают ради «выемок», то это пользование приводит в конечном итоге к мучительной смерти того, кого используют.

Пора в этом деле поставить точку.

Мы решили, что Спаситель примет наши души в Свою обитель, как принял душу разбойника на Кресте.

А вам мы оставляем свои тела. Забирайте.

Post Scriptum

Это послание сейчас зафиксировано в каждом из питомников, издевательски нарекаемых вами «пансионатами». Текст переписан на те языки, которыми пользуются сотрудники, обслуживающие наших братьев и сестёр.

Прощайте».

Лиза вертела написанное аккуратным каллиграфическим почерком письмо, видимо, ещё не осознавая всего масштаба произошедшего.

– Так вот, они уже третьи сутки ничего не едят, не пьют, и с улыбками блаженных как будто бы угасают.

– Почему их не откачивают? Не пичкают успокоительными? Не вводят питательных растворов?

– Потому что они решили, что им в этом мире делать нечего. В этом нет ничего принципиально нового. Я тут почитал немного по истории религии. Никогда не интересовался, а тут почитал... Бывали уже и гностики и всякие там сектанты, которые

считали тело – тюрьмой для души, а мир – тюрьмой, из которой нужно как-то сбежать. Только клоны наши – в отличие от них – не так уж неправы. И я думаю, Спаситель примет их души.

Лиза откровенно вытаращилась на Соловьяненко, которого она знавала уже полвека. И никогда ранее Игорь не проявлял никакого интереса к религиозным темам. Даже в пору молодости, когда Борис Херсонский всех их обрабатывал своими проповедями всяких философий.

– Вот уж не думала, что ты «ударисься в Бога». Ладно, дело твоё. Надо думать: что будем делать!? Надо действовать.

– Думай. Действуй. А я поразмышляю. Тебе вообще не кажется, что вот этот цирк с псевдорелигией, якобы объяснявшей смысл их жизни, вся эта лабудень про подготовку к «выниманию», – это какой-то изощрённый садизм? Ну ладно бы, содержали этих несчастных в концлагерях – как в Америке. Всё ясно и понятно. Питомник, где откармливают на убой одомашненных человекообразных животных. Но тут! Развели, понимаешь, какой-то гуманизм, развиваем их способности. И ради чего? Ради того, чтобы людоедам, типа тебя, человечинка была повкуснее?

Лиза встала. И в спокойствии бешенства решила подвести черту под разговором:

– Ладно, я всё понимаю. Ты потрясён. Я прощаю тебе эту истерику. – Дзвоник нравилось поглядывать на себя как бы со стороны. Любоваться собой – такой уверенной в себе сильной женщиной. Которая ни от кого не зависит. Ну, почти ни от кого.

Когда-то, в те самые времена, когда ей приходилось терпеть проповеди Херсонского, возвещавшего о приходе «нового искусства», которое будет способно не только к пробуждению «добрых чувств», но и к трансформации реальности, попалась ей на глаза одна книжка. В книжке американского автора напечатаны были слова, поначалу смутившие её, но, по прошествии времени, прочно засевшие в её сознании.

«Супружество превращает двух разных, подчас интересных, людей – в давно знакомых и неинтересных друг другу сожителей. И внешне молодые люди становятся стариками».

А ей не хотелось быть неинтересной и старой, старой и не интересной.

И потому Лиза Дзвоник осталась одна. Так оказалось проще лелеять свою молодость и тот имидж, который мнился ей проявлением яркой индивидуальности. Больше у неё за душой ничего и не было.

Реплика, произнесённая ею, буквально вопила о влюблённости в манеру декламации, почерпнутую из арсенала сериальных штампов. И для Игоря этот пафос – с понижениями и повышениями голоса – это всё оказалось для него последней каплей.

Сегодня Лиза всё-таки умудрилась задеть всерьёз. И он не смог отказать себе в удовольствии ответить тем же.

– И, кстати. Это ещё не всё.

– Что ещё?

– У клиентов «Мёбиуса» начались отторжения органов. Так что когда вас начнёт «колбасить не по-детски», имей в виду. Возможно, это именно оно и есть. Отторжение. Но если не порвётся ничего внутри, так порвут снаружи. Те клиенты, у кого начнутся проблемы с потрохами, начнут нас, сотрудников этой конторы, рвать зубами. Так что поторопись предупредить Бородецкого, чтобы вы успели куда-нибудь слинять. Быстро и далеко.

4. «Бойтесь данайцев, дары приносящих»

– Эти бесконечные «Врата Богов» являются, как ни банально это звучит, самыми реальными порталами. Нет, не с отдалёнными галактиками, из которых сюда прилетали в звездолётах всякие говорящие рептилии.

Владелец Дневника привёл Бородецкого к себе домой и поил настоем шалфея.

– Это – ворота в ту реальность, в которой человек более не мог существовать. И из которой был сослан сюда, в место ссылки. Что такое «ризы кожаные»? Это человеческое тело. Точнее, то, что определяет наши границы возможностей сенсорной системы. Человек привык к этой локации, но тоска по потерянному Раю никуда не подевалась. Порталы – это то, посредством чего совершались попытки вернуться домой. Ну, хотя бы на время.

Бородецкий внимательно слушал этого человека, по ходу беседы соображая: что из скрытно снимаемого им сейчас материала пойдёт в программу, а какие фрагменты разговора он надёжно припрячет подальше от потребителей научно-развлекательного контента. Оставит для себя. Интервьюер продолжал:

– На тюрьме же тоже разрешены свидания. Потом, видимо, через эти Врата в мир людей полезли всякие персонажи. Всякие. Где откровенно демонические, где – менее откровенно.

– А что же Египет? В Египте мы не наблюдаем никаких порталов.

– Не знаю. Судя по полному отсутствию «Врат Богов», в Египте либо в эти игры не играли, либо просто не успели как следует онечестивиться.

– Да. Если предположить, что мегалитические конструкции являются вовсе не «башнями допотопного Теслы», а порталами, то понятна та основательность, с которой эти конструкции возводились. Теперь понятны и огромные усилия, потраченные первым человечеством на создание этих сооружений.

– Верно. Но стоит оговориться, сейчас мы говорим о первой цивилизации.

– Допотопной?

– Да, конечно. От Потопа до Вавилонского Столпа – уже другая логика. Другое осмысление. Первая цивилизация это цивилизация выемок и правильной кладки из гигантских блоков, как правило, гранитных. Строили даже не на тысячелетия, а на десятки тысячелетий. Магматические породы. Связь – через камень. Первая цивилизация – это

полигональные каменные блоки огромной величины и правильной формы. Соединение насухо и в замок.

– Так откуда, по Вашему, взялись нефелимы?

– Есть мнение, что нехорошие существа использовали человеков, чересчур увлекавшихся «порталами», в качестве оболочек, «аватаров». И таким образом проникали в нашу «локацию», чтобы вступить в общение с туземными красотками. Но, я полагаю, что не так всё просто. Может быть, люди первой цивилизации обладали ещё такими возможностями, которые позволяли им быть демиургами. Творить свою реальность, в том числе и заниматься тем, что мы бы назвали генной инженерией. Или Вы полагаете, что люди, опытно ощущавшие присутствие Божие, были глупее ваших мясников из «Мёбиуса»?

Бородецкий с удовлетворением подумал, что интервьюер сам всё проговаривает, никакого монтажа не нужно будет делать! Владелец Дневника продолжал:

– Дальше, в общем, понятно. Потомки праведного Сифа отказались от своего служения Богу в качестве Стражей и решили сами улучшать и окружающий мир, и людей.

– Все отказались?

– Нет, ну ясно же, что не все. Был же Ной. В Египте тоже не всё так однозначно пошло. Но в целом люди стремительно демонизировались. Логика нам подсказывает, что эта раса сочетала в себе возможности сифитов и искажённую страстями природу каинитов.

– Быть может использование ими «мест Силы» истощало энергию Земли и это вызвало природные катаклизмы?

– Ну, дорогой мой, опять Вы начинаете мыслить как эти ваши «Новые ЭКОлогисты»! И опять Вы выстраиваете ход своих рассуждений исходя из предположения, что в эпоху первой цивилизации мегалиты использовались в качестве генераторов! Да Творец терпел нас только лишь потому, что ждал, когда же эти млекопитающие, которым Он подарил экстрасенсорные сверхвозможности, задумаются о покаянии! А у вас в рассуждении в центре не спасение человеческой души, а спасение планеты от экологической катастрофы! Тфью на Вас!

Бородецкий комически поднял руки вверх и взмолился о пощаде.

– Ладно, прощаю Ваше новое язычество. Что поделывать, если уровень доступных смыслов оставляет желать лучшего... Поймите простую вещь. Если в центре замысла – обратить людей к покаянию, то в качестве препятствия будет восприниматься всё то, что отвращает людей от этого. И тут не просто жертвоприношения и войны, а «будете сами как боги».

Видимо, эти допотопные генетики пытались вывести такую породу человеков, которая обладала бы всеми этими сверхспособностями. То есть нефелимы – это не просто метисы. Причём, сейчас неважно – метисы сифитов и каинитов или же помесь «аватаров» и обычных людей. Нет, нефелимы – это ещё и сознательная попытка «улучшить породу». Ну, а попытка улучшить мир Божий без Бога всегда приводит к самым катастрофическим результатам. Поэтому Потоп явился неким избавлением от худшей участи, возможно, ожидавшей человечество. Кстати, Вы ничего не боитесь?

– В смысле?

– Ну, не бойтесь того, что игры с «Мёбиусом» плохо закончатся?

– Меня смочет Потопом?

Старик посмотрел на Баратэску и спокойно без тени дипломатичной шутовливости произнёс:

– Вы, Евгений, попадёте в ад. Каким способом – пока не знаю.

Баратэску заёрзал было на стуле, но мгновенно взял себя в руки.

Защёлкнул светскую улыбку – словно повернул ключ в камере хранения супермаркета, и, решив, что дальнейшие поиски информационного жемчуга в этом компосте уже бессмысленны, перешёл к делу.

– Хорошо. Поживём – увидим. У меня к Вам два вопроса. По существу. Вопрос первый. Почему Вы решили передать Дневники нашей конторе? Ведь у вас в России тоже есть люди, которые занимаются темой мегалитов. Второе. Что Вы хотите получить за те документы, которые Вы сейчас собираетесь мне передавать? Поймите меня правильно. Если я не услышу вразумительного ответа на первый вопрос, я решу, что вы просто играете со мной в чекистские игры. Подбрасываете фальсификат, который содержит некий субстрат из правды и лжи, дабы дезориентировать наших исследователей. Подтолкнуть их на ложный путь.

Евгений Баратэску ощутил собранность и спокойствие. Ёрничания и КВНы остались позади.

Сейчас ему вдруг вспомнилось, как однажды в молодости он столкнулся с волком. Было это в заповедной части Кинбурнской Косы, неподалёку от хутора, где он снимал сарайчик.

Ребята из их группы экстремалов уже уехали в город, а он решил остаться ещё на недельку, тем более, что в конце сентября морское побережье обезлюдело совершенно. С ребятами занимался экстремал со стажем, учил спать «по-волчьи», питаться пророщенными зёрнами злаков и сырой рыбой, слегка просоленной морской водой. Учил приёмам концентрации внутренней энергии. И всякому прочему, необходимому для выживания.

Бородецкий тогда не сразу и понял: кто оказался перед ним. Или перед кем он оказался. Но самообладания не потерял. Позже он нередко вспоминал эту встречу. И удивлялся сам себе: страха не было. Было состояние какого-то полусна-полуигры.

Евгений медленно снял с пояса солдатский кожаный ремень с массивной латунной бляхой. Крутанул разок ремень и сказал серому зверю:

– Видишь, я буду обороняться. Я могу причинить тебе боль.

Он стоял и спокойно смотрел на волка, ясно, что не глаза в глаза, ибо незачем же лезть на рожон и явно провоцировать зверя.

– А сейчас каждый из нас развернётся, и тихо уйдёт с этой тропы. Никто не проиграл.

И аккуратно повернувшись, очень медленно пошёл по той же тропе в сторону своего сарайчика. Никакого возбуждения, всё то же состояние полусна. Старался вообще ни о чём не думать, чтобы волк не почувствовал ничего, могущего подтолкнуть его к атаке.

Евгений Баратэску собрался, отругав самого себя за ту меру проявленной им фамильярности, которая сделала его уязвимым для такого прямолинейного выпада. Одел очки. Да так, словно опустил забрало.

– Причина, по которой я решил передать Вам некоторые сведения, проста.

Хозяин Дневника говорил тихо и почти устало. Позы не чувствовалось, напротив, у Бородецкого сложилось впечатление, что старик искренен. Не предпринимает никаких попыток быть убедительным. Говорит так, как будто ему всё равно: поверят ему или нет.

– Мегалитические конструкции – в том виде, в котором они дошли до нас, – могут работать либо как генераторы, либо как порталы. У нас есть достаточно влиятельные люди, которые желали бы получить доступ к этим «башням Теслы». Необходимое для запуска устройство находится тут, – и старичок постучал двумя пальцами себя по затылку.

– Но у нас с вами ничего не получится. Совсем иначе устроены мозги. Башка круглая – как арбуз. А для этого дела нужна длинная, наподобие дыни. Ну, в музее мы с Вами видели длинные черепа.

Но эта проблема теоретически преодолима. Делается шлем, который нахлобучивают на голову пилота, шлем в сочетании с реальным мозгом формирует фантомное сознание, которое позволяет изменять границы сенсорной системы. И так далее, и тому подобное. Вы, как специалист по всей этой теме в курсе.

Но я не хочу, чтобы мои соотечественники, причём те соотечественники, которые ненавидят Систему точно так же, как ненавижу её я сам, разнесли лелеемый вашими хозяевами глобальный Содом.

– Вы меня не на шутку заинтриговали.

– Я не хочу давать в руки своим единомышленникам этот инструмент, потому что им мало будет просто разрушить тот мир, который вы достраиваете. Они ведь станут строить нечто не менее глобальное в качестве альтернативы. И будучи людьми хорошими и добронамеренными, но совершенно невежественными в духовном плане, они выберут в качестве альтернативы обществу потребления ...психократию.

Психократию, которая соединит в себе то хорошее, что у людей ассоциируется с социальной справедливостью, с тем, как они себе представляют «духовность».

Учитывая то, что население России, переименованной нынче в Евразийскую Конфедерацию, к Церкви и христианскому осмыслению Главных вопросов относится устойчиво отрицательно, будет сфабриковано нечто вроде Русского Космизма.

Это будет разновидность чисто масонской идеологии, суть которой сводится к тому, что Творец Своё творение оставил недовершенным, дабы Его создания – мы с Вами, например, – этот акт творческий довершили. Таким образом, будет возбуждён новый энтузиазм всепланетного Общего Дела. И поначалу всё будет неплохо – сплотить людей в Общем Деле, всё-таки, как-то лучше, нежели...

– Нежели сплачивать людей в дружной ненависти к «пендосам» и в дружном страхе перед ужас-ужас ковидом, – подхватил Баратэску, проговаривая то, о чём он как раз недавно публично философствовал.

– Да, вы ёмко сформулировали сущность фабрикации идентичностей на основе так называемых «негативных эмоций». Точно. А теперь людям предложат некую эрзац-литургийную эмоцию. Спасение Человечества. При этом потенциальные трубадуры Космизма уже сейчас забрасывают пробные идеологические шары. Уже давно осуществляется беззастенчивая подмена смыслов. Выдумывается некая внеконфессиональная «Русская Духовность», которая, в отличие от того, что преподнесено в качестве «Духовности Запада», якобы ориентирована не на личное спасение души, а на спасение всего Человечества в целом. Дескать, раз уж блаженство райское невозможно для осознающих то, что часть душ погибло, то религиозное усилие должно направляться на внешнюю деятельность по спасению ближнего.

– И?

– Всё это хорошо и замечательно, только это опять получается культ социума. Исправим среду, и все исправятся. Вот и выйдет так, что воюя с вами, с пигмеями на побегушках у бесов, мои единомышленники воздвигнут престол для Великого Инквизитора. Читали же Достоевского? В курсе: о чём я веду речь?

– А почему Вы не боитесь того, что мы, пигмеи на побегушках, не захотим воздвигнуть этот престол?

– Не захотите. Вы сделаны из другого материала. Вы боитесь всего того, что фанатики – неважно каких идей фанатики – соорудят очередной тоталитаризм. И правильно боитесь, кстати. Хотя сами живёте в обществе весьма несвободном.

– Мне не кажется Ваша жизненная позиция логичной. Если Вы опасаетесь того, что ваши антиглобалисты воздвигнут свой Вавилон вместо нашего Содома, то не проще ли просто уничтожить эти дневники? Чтоб никому не досталось. Зачем рисковать? Не вижу логики.

– Мегалиты использовались не только в качестве генераторов. До того, как использовать их в этом качестве, они служили средством перемещения. Открывали каналы. Для этого тоже нужна несколько другая голова, чем то, на что мы с Вами напяливаем антиковидные респираторы. Но это вопрос решабельный.

Короче говоря, я полагаю, что Ваша контора попробует реализовать мегалиты в качестве порталов. Тут в дневниках кое-что подробно излагается о камерах-резонаторах...

– А не подсунули ли вы мне нечто в духе мистификации с «Конвертором Тойнби»?

– У меня нет доказательств того, что это – не мистификация. Нужно проверить, тогда всё станет ясно. А проверить вы не сможете до тех пор, пока ноты у меня. Ноты я Вам сейчас не отдам. Вот когда будет всё готово, вы меня выгнате через границу, и на месте мы с вами сыграем.

– Вы так и не ответили на один из моих вопросов. Какую из всего этого конкретную для себя выгоду Вы ищете? Денег Вам не нужно, запасные части Вы тоже не собираетесь у нас заказывать. Что Вам за радость, если у меня что-то получится?

Старик встал, давая понять Бородецкому, что разговор окончен.

– Приходит время новых мятежей и катастроф. Кому-то благоразумнее спрятаться в стаде. Кому-то не останется ничего, кроме того, чтобы пересоздать себя. А я просто хочу посмотреть: подтвердится или нет гипотеза о возможности перемещения не только сознания, но и телесной оболочки. Как же тут без эксперимента? Без эксперимента нам никак. Вот такой у меня мотив. Не всё же, право, можно конвертировать в средства, необходимые для удовлетворения похоти плоти и похоти очес. Есть ещё гордость житейская. Проведя эксперимент, Вы можете мне удовлетворить мою страсть. Иного способа у меня нет. И будем квиты.

Баратэску тоже встал.

– Н-да... Вам так важны аплодисменты ладошками?

– Нет, просто хочется кое-кому помахать ручкой.

– Ну, что ж. Хоть и боязно принимать дары от данайцев, но, почему бы не рискнуть?

– Но ноты я оставляю при себе. Захотите воспользоваться камерой-резонатором, найдёте способ пригласить и меня для участия в этом... мероприятии.

5. Блокнот профессора Архангельского

Вика вернулась домой вместе с агентом, который приехал в Филиал для того, чтобы уладить бюрократические процедуры, связанные с переводом трёх научных сотрудников института на другое место работы.

Удостоверившись у матери, что бывший муж на связь не выходил, и тщетно пытаясь приласкать увильнувшего из объятий сына-подростка, она отправилась на свою трёхкомнатную половину наводить там порядок. Наведение внешнего порядка, всё это перебивание интерьера и систематизация движимого имущества неизменно успокаивало её нервы, измочаленные как звонами встреч, так и дребезгами разлук.

Сейчас она перебирала архивы покойного отца, которые давно уже перекочевали к ней в книжный шкаф из «бабушкиной половины» квартиры.

Покойный отец тоже немного интересовался мегалитами, интересно, что он писал на эту тему?

Вот этот блокнот.

«Защитный саркофаг.

Какой смысл обкладывать полигональной кладкой части скал со следами «конфигураций»? В обычном смысле – никакого. Это явно консервация объекта. Сохранение и память. Или – защитный саркофаг.

Аналогия – Чернобыльская АЭС. 1986 год. Саркофаг, защищающий от выбросов радиации.

Человечество должно быть застраховано от возможности полезть «пальцами в розетку».

Кто застраховал? Кого застраховал?

Инопланетяне – жителей планеты? Или же потомки Стражей – своих двоюродных братьев, увлечённых возможностью быть демиургами?

Нефилимы = Прометеи.

Итак, Стражи, трезво оценив тенденции неуклонной деградации Человечества, законсервировали объекты. Не только защитили от любознательных демиургов, но и оставили на будущее, полагая, что при определённом стечении обстоятельств, этими объектами смогут воспользоваться дальние потомки Сифитов, не соединившихся с Каинитками.

Но развитие человечества пошло по пути прогресса механических костылей, а не правильного использования тех психических возможностей, которыми обладали люди первых цивилизаций, и поэтому всё это оказалось ненужным.

Что мы имеем в Египте.

Пирамида представляет собою место наложения трёх цивилизаций.

Внешняя часть – разваливающееся основное тело пирамиды – это наша цивилизация. Третья. Древний Египет – фундамент нашей цивилизации, сформировавшейся после второй техногенной катастрофы, условного сокрушения Вавилонского Столпа.

Следы второй цивилизации – крупные блоки, торчащие из-под кладки. Внутренняя часть пирамиды. Хотя м.б. в то время объект не имел формы пирамиды.

Наконец, след первой цивилизации, погибшей во время Потопа – глубоко погребённые в толще грунта отшлифованные блоки гранита и саркофаг – резонатор. Всё цело. Возможно, в рабочем состоянии.

Но ходы в Великой Пирамиде заложены. «Спички – детям не игрушка!»

Проблема хронологии Египта.

Как соотносить списки династий, уводящие нас на 36 тысяч лет с отнесением Египетской цивилизации к несомненно продукту послевавилонского уклада?

Особенности переводов и воспоминаний?

А если предположить, что списки династий демонстрируют преемственность с довавилонской и даже допотопной цивилизациями? Египет пытается сохранить преемственность от Стражей, точно так же, как Империя Карла Великого и его преемники, а также Османская Империя и Русское Царство – каждый считали себя – Третьим Римом, наследниками Рима Второго.

Таким образом, история династий, упоминающихся египтянами, совсем необязательно связана с географической локацией.

Этим можно объяснить и неожиданное и внезапное появление «ex tempore» египетской культуры. Внезапность м.б. связана с переселением в эти места носителей культуры некой погибшей цивилизации. После катастрофы уже более близкой нам по времени.

Во всяком случае, культ мореплавания для сухопутного народа, каковыми, в общем-то были египтяне, несколько странен.

Гипотеза: «Кто-то» – параллельно Ною – пересидел в изоляции после Потопа какое-то время. И вернулся на место «старой базы». Возможно, миф об Атлантиде связан именно с этим.

Нередко более молодые пирамиды вовсе не содержат следов первой и второй цивилизаций. Объекты карго-культуа?»

Виктория пролистала несколько страниц и наткнулась на подчёркнутую зелёными чернилами надпись: «Пирамиды Боснии». Но углубиться в изучение Дневника ей не дала Бронислава Сигизмундовна.

– Ну, дочь, рассказывай. Что у тебя опять не так?

– Ма, ты мне мешаешь думать. Прости. И давай не будем.

– О чём думать? О том, какая ты волевая, и как ты не собираешься ни перед кем «стелиться»? Пройдёт несколько лет, Тошка вырастет и упорхнёт от тебя. Меня – рано или поздно – закопаешь рядом с папой. И что? Останешься одна. В сорок лет жизнь начинается только в старых фильмах. Будешь блуждать по шести комнатам и кусать свои локти.

Повернулась и отшествовала на свою половину квартиры.

Было бы Виктории лет на двадцать меньше, она бы хлопнула дверью.

Но во-первых, её мать сама оборвала разговор, не оставив возможности ответить. Во-вторых, ей было уже далеко не шестнадцать. Поэтому, конечно же, ни о каких демонстрациях не могло быть и речи.

Виктория и сама подумывала о том, что напрасно вот так сорвалась. И теперь тут, добежав до тупика своего угла в провинциальном академгородке, она поняла, что её всё-таки нагнали эти две строки. Нагнали, и не желали отпускать:

«Остаться — значит быть беде.

Быть беде, быть беде, быть беде...»

Часть девятая

1. Приезд в Аэропорт. Ещё одно ток-шоу

Аэропорт сиял как безумный алмаз. Точнее, не сиял как алмаз, а блестел как подсвеченная стекляшка. Не дворец науки и техники, поставленной на службу потребителю услуг, а

так... «слот клуб» «Мульти-пульти». Пусть и размером в несколько гипермаркетов. Так что аэропорт не столько ошеломлял, сколько взвинчивал. Нет, алмазом сие могут обозначить только совсем уж бескорыстные в своей угодливости блогеры.

Прибывшие на двух машинах члены экспедиции в сопровождении одного агента прошли через главный вход, однако, тут случилось непредвиденное. Сотрудники охраны аэропорта развернули пассажиров как «непрочипированных». И если раньше достаточно было предъявить браслет с кодом и кое-какие карточки, то теперь, видимо, что-то изменилось. Теперь «непрочипированные» должны были проходить предварительный контроль в другом терминале.

Ну, что ж. Времени достаточно. Путешественники отправились по тоннелю в сторону искомого терминала. Туда, где располагался пункт пропуска «непрочипированных», и где их могли, наконец, оприходовать.

Перед тем, как прибыть в аэропорт, Фоме, Антону и Борису Моисеевичу нанесли специальный макияж, который был незаметен человеческому глазу, но должен был вводить в заблуждение механический глаз Системы. Глаз этот, точнее, тысячи камер слежения, уже могли получить команду выискивать среди мириад лиц ещё и лица трёх сотрудников Филиала Института Коммуникации, которые, как уже сообщалось службами новостей по некоторым тоннелям реальностей, были таинственным образом похищены.

Но могли и не получить такой команды.

Тем не менее, ради перестраховки, кроме макияжа, были вставлены линзы и надеты специальные перчатки, призванные имитировать ложный рисунок отпечатков пальцев.

Решение о срочной эвакуации экспедиции за пределы Евразийской Конфедерации было принято сразу же после того, как по тоннелям реальностей заговорили о наших героях.

По всей вероятности, в конторе работал крот, видимо, передававший информацию о работе проекта «Космические врата». Налицо были все признаки запуска информационной кампании, одним из звеньев которой был поиск похищенных сотрудников. Заказчиком кампании могли быть лоббисты интересов корпорации «Мёбиус».

Дабы контора не угодила в ловушку, и необходимо было вывезти разыскиваемых «прогрессивной общественностью» сотрудников Филиала куда-нибудь за пределы зоны досягаемости информационных щупалец агентств, фабрикующих информационные поля, пока информация об их пропаже не превратилась из скандальной новости во вполне рутинное оперативно-розыскное мероприятие. Пока ещё этого не произошло, нужно было действовать быстро и решительно.

Генерал приказал вывезти членов группы Антона в Сербию.

Сербия была очень удобным, хотя и небезопасным местом.

Эти края не вошли ни в состав Дунайской Монархии, объединившей практически все те земли, которые некогда принадлежали Австро-Венгерской империи; ни в состав Босфорского Султаната, раскинувшегося от Каспия до Адриатики.

И Дунайская Монархия, и Босфорский Султанат были воплощениями умеренного религиозного консерватизма (соответственно: католического и мусульманского), а также, с одной стороны альтернативами как фундаментализму (соответственно: восточноевропейскому и арабскому), так и постгуманизму, превратившему страны северной Атлантики в Содом и Гоморру.

Новые Габсбурги боролись с новыми Османами за Сербию, но задолго до того, как это противоборство оформилось культурно, политически и экономически, в этой части Балкан выстраивали и укрепляли свой плацдарм китайцы.

Та часть силового блока Евразийской Конфедерации, которая всё ещё продолжала считать себя сынами России, также не собиралась сдавать Сербию партнёрам. Получалось, впрочем, это с переменным успехом.

Сербия, как обычно, кишела самыми разнообразными шпионами, представляющих силы со взаимно исключаящими интересами. При этом именно столкновение этих интересов как раз и сформировали то зыбкое равновесие, которое позволяло Скупшине этой страны довольно продуктивно балансировать и сохранять какой-то минимально возможный уровень самостоятельности, совершенно немыслимый для других частей цивилизованного мира.

Поскольку в Боснии находились мегалиты, которые наша экспедиция могла исследовать на предмет возможности использования в программе «Космические врата», то решение было принято быстро и бесповоротно. В команде хватало «слабых звеньев», и рисковать было нельзя.

Прикрывая лица антиковидными масками, оказавшимися весьма кстати, наша группа перемещалась по закрытому тоннелю. До Бориса Моисеевича, впрочем, точно так же, как и до всех остальных, долетали обрывки фраз, срывавшихся с динамиков визоров, размещённых на стенах тоннеля.

Один из этих обрывков заставил сбавить и даже приостановить шаг.

«-...Но если поступил тревожный сигнал о пропаже трёх сотрудников, среди которых и несправедливо замолчанный гений авторской песни Борис Херсонский, почему в дело поисков не вступают правоохранные органы?»

– В следственные органы ещё не поступили заявления ни от потерпевших, ни от родственников, ни от очевидцев...

– Какие «заявления от потерпевших»! – Перебила туповатого майора бойкая ведущая ток-шоу.

За кадром пустили заставку с записью идиотского смеха и прочими комедийными звуками. Но доставленный среди ночи в студию майор не сдавался. Поправив антиковидную маску, он продолжил озвучивать прописные для него истины ревящимся клоунам, а также пастве тоннеля восприятия:

– Для того, чтобы принять решение о возбуждении уголовного дела, следователь должен получить материалы, которые бы свидетельствовали о похищении человека или группы лиц. Может быть, указанные вами сотрудники уехали к кому-нибудь на дачу водку пьянствовать?

Ведущая растерялась, судорожно пытаюсь хоть как-то прицепиться к словам майора, дабы выдавить из недр своего сознания хотя бы самую завалящую дежурную хохмочку. Но майор оказался не так прост. Теперь он вновь ощутил под ногами почву и, несмотря на мигания ламп и давящие на психику звуки фоновой музыки, не просто не сдавался, но начал лупить деятелей телевизионных искусств Сводом Законов Конфедерации:

– А вот если материалы поступят, тогда – другое дело. Тогда уже можно будет наметить комплекс необходимых следственных действий. Определить: какие из них следует отнести к категории неотложных. И в какой последовательности их проводить?»

Слова майора, не вписавшиеся в сценарную канву ток-шоу, привычно потонули в словопаде рекламы, и наш агент нетерпеливыми жестами призвал пассажиров не задерживаться. По ходу перемещения по тоннелю он непрерывно переговаривался с кем-то при помощи автономных от ноосферной сети устройств связи.

Внезапно он остановился и окинул взглядом своих подопечных.

– Багаж! Где ваш багаж?

– Нет никакого багажа, выдернули прямо из тех мест, где мы культурно проводили время, – отшутился было директор Биостанции, но агент так зыркнул на него, что тот передумал привычно хохотнуть.

Агент тут же сообщил кому надо о возникшей проблеме, и теперь ожидал вводных. Путешественники прилипли к очередному висящему на стене тоннеля визору, где транслировалась та же самая передача.

Теперь, после рекламы, в студии появился лоснящегося вида юрист, который был срочно доставлен на подмогу развесёлой ведущей, не сумевшей, однако, загнать майора в уготованную ему сценарием лузу.

«– Господин майор, мы с коллегами отдаём должное Вашему чувству юмора, но ситуация такова, что всем нам, возможно, скоро будет не до смеха. Хочу напомнить собравшимся статью закона, регламентирующую условия проведения оперативно-розыскных мероприятий...»

– А я, – перебила лоснящегося вновь повеселевшая ведущая, – хочу напомнить обитателям нашего тоннеля реальности, что в студию непрерывной чередой поступают вопросы примерно одного и того же содержания: «Почему нельзя отследить место нахождения пропавших сотрудников, воспользовавшись инструментами Системы всепланетной ноосферной Сети?» И вот господин майор пытается доказать, что подобное мероприятие, якобы, «является незаконным, поскольку будет нарушать конституционные права лиц, подозреваемых в похищении». Мы пригласили в студию юриста высшей категории, адвоката, представляющего группу журналистского расследования, господина Алксиса Блэ. Господин Блэ, пожалуйста!

– Да, Зарина, благодарю. Так вот. Проведение оперативно-розыскных мероприятий (включая получение компьютерной информации посредством обращения к Системе), которые ограничивают конституционные права человека, допускается на основании судебного решения и при наличии информации, о действиях, – Блэ сделал драматическую паузу, – создающих угрозу экономической, информационной или экологической безопасности Евразийской Конфедерации.

Вопросы есть? Вопросов нет.

– Вопрос, господин Блю..

– Блэ!

– Ну да, простите. Есть вопрос: «А на каком основании можно утверждать, что обсуждаемые личности каким-то образом замешаны в деятельности, представляющей угрозу безопасности? Где доказательства?»

– Доказательства? Будут! И очень скоро!» – Патетически закончила Зарина, и тут же по визору пошла сводка наинouvelших новостей.

Агент, сопровождавший путешественников, наконец, закончил свои переговоры и собрал всех в кружок.

– Так, баулы с нашим багажом доставят к входу в терминал «В», где мы и будем проходить контроль. Сейчас мы перемещаемся в сетевую кофейню напротив входа в терминал. Её, вроде, на карантин не закрыли. И там ждём приезда багажа.

2. В Аэропорту. Продолжение

Стеклянная сетевая кафешка находилась как раз напротив входа в терминал. Фома пытался было продолжить обсуждение, прерванное во время пересадки из автобуса в автомобиле, но коллеги реагировали вяло. Мысли были заняты другим.

– Антон, всё то, что ты говорил о вере в инопланетян как о якобы сформированном целостном квазирелигиозном культе, конечно, по-своему философично, но ты мне ответь на простой вопрос: ты что же, отрицаешь научный метод? Существование законов материального мира?

Антон посмотрел на товарища с нескрываемым недоумением.

– Фома, какой «научный метод»? Четыре часа утра.

– Ну, вот ты всё пытаешься встроить в ту или иную схему религиозного осмысления. Тут у тебя акосмический пантеизм; там – атеистический космизм; ещё где-нибудь какой-нибудь рептилоидный недофрейдизм... А есть просто законы механики.

– Фома. Если мы рассматриваем полёт стрелы или даже полёт космического корабля, бороздящего просторы Большого Театра, то мы оперируем законами механики. Которые не зависят от того, какой из пантеизмов мы будем использовать в качестве контекста. Но, если мы берёмся рассуждать о тех предметах, которые классическая механика объяснить не может, то тут уже без этих контекстов далеко не уедем. Давай пока оставим это. Что-то меня напрягать стали эти наши дискуссии.

Человек из кафешки сделал присутствие визора полнее и попивающие кофе с минералкой ощутили иллюзию своего пребывания в студии, где выступали молодые лидеры политических партий: либеральной «За новую экологию» и консервативной «Зелёная стена».

«– Процессы перестройки культурного пространства Евразийской Конфедерации показывают неудовлетворительную динамику, – сетовал один из экологистов.

– Это совершенно закономерно. Поскольку креативные личности, которые обладали необходимым потенциалом, были в своё время были отгёрты представителями эстрадных мафий и кланов. Озабоченных сохранением статус-кво, сложившегося ещё во времена Коркира Филиппова и Алисы Болотниковой, – вторил «зелёному» либералу не менее «зелёный» консерватор.

– Наглядным примером чего является творческая судьба Бориса Херсонского».

– О, Борис Моисеевич, Вы сегодня стали настоящей «звездой» тоннелей реальностей, – похлопал Херсонского по плечу Фома, который уже умудрился где-то разжиться чекушкой и оперативно употребить оную. – Скоро узнавать начнут.

– Да уж, только этого нам не хватало, – пробормотал Антон и обратился к человеку: – Любезнейший. Пожалуйста, перестройте визор на другой тоннель. Тошно от этой болтовни. Зверюшек включите там. Или чудеса природы. Ага, спасибо.

Работник общепита обратил внимание, что народ собрался непрочищенный, т.к. расплачивались браслетами.

«Наверное, религиозники», сонно поразмыслил он. И переключил визор на тоннель трансляции богослужений для самоизолировавшихся сограждан.

Трансляция Пасхальной всенощной уже завершилась и теперь передавали ролики с песнопениями Русской, Сербской и Грузинской церквей, которые, несмотря ни на что, продолжали держаться юлианского календаря.

– Борис Моисеевич, Христос Воскресе! Давайте облобызаемся! – Как оказалось, чекушек у Фомы было даже не две.

– Товарищи, попрошу внимания, – негромко обратился к ним агент. – Сейчас подвезут баулы со стандартными дорожными наборами. Всё должно выглядеть естественно. Вы направляетесь в паломническую поездку в монастыри Сербской Православной Церкви. Да, правильно, лучше и платок женщинам одеть. И ещё. Пожалуйста, не забывайте о том, что обращаться друг к другу нужно строго по тем именам, которые соответствуют вашим новым документам. Проходим в зал ожидания и располагаемся возле аквариума. Я захожу последним, чтобы подстраховать кого-нибудь в случае форс-мажора. Так. Машина с багажом прибыла. Выходим.

Из машины вышла Василиса и Дон Кихот. Из багажника достали наши сумки. Там, помимо сменной одежды, находилась всякая всячина, призванная создать иллюзию подлинности этих наспех собранных «багажей». У Фомы в сумке лежал разрешённый таможей блок папирос, которых за рубежами отечества днём с огнём не сыщешь; у директора – подарочное издание альбома с репродукциями фресок Дионисия и т.д. и т.п.

Кроме того, трое наших «жертв похищения» обнаружили в своих сумках чудовищно аляповатые курточки, которые нужно было одеть сразу же после прохождения контроля на входе в терминал. Кричащая расцветка этой одежды была смоделирована таким образом, чтобы затруднять работу оптических распознающих устройств. Дело в том, что, прежде чем распознать объект, системе необходимо его зафиксировать. И уже только

потом включать процедуру распознавания. Но аляповатые картинки, сформированные из узоров, лишённых какой бы то ни было закономерности «подвешивал» работу системы распознавания ещё на стадии попытки фиксации объекта. Эти клоунские наряды должны были подстраховывать уже упоминавшуюся маскировку специальным макияжем. Перед контролем их не стоило одевать, чтобы не привлекать лишнего внимания охранников аэропорта.

Дело, конечно, вовсе не в том, что одежда так уж вопиюще безобразна. В наше время мужчина даже в каких-нибудь розовых кроссовках и жёлтых в фиолетовую крапинку кальсонах уже никого не удивит. Что уж говорить про курточки с репродукциями шедевров дегенеративного искусства. Всё дело просто в том, что если локальная система распознавания «заключит» уже на проходной, то это вызовет ненужные вопросы и подозрения. Тем более, что шум с пропажей пока ещё не перешёл из категории сенсации СМИ – в категорию уголовного производства, поэтому как бы не истерили ведущие тоннелей визоров, на базе данных службы охраны аэропорта эта шумиха никак не отразится. Пока, во всяком случае. А решение вопроса таможенного и пограничного контроля должны были обеспечить свои люди в организации.

На проходной терминала проблем не возникло. Нет, охранники, ясное дело, повозмущались серостью и дремучестью «религиозников», отказывающихся от удобных средств идентификации и приобщения к благам ноосферной сети. Пытались организовывать мелкие пакости вроде придирчивого досмотра багажа. Но, поскольку придраться было не к чему, тем всё и закончилось.

А вот уже в зоне ожидания возникла проблема.

3. В зоне ожидания

Фома решил отпраздновать счастливое преодоление мытарств. Но поскольку боезапас чекушек был израсходован на дальних подступах к проходной терминала, то он «весёлыми ногами» отправился на поиски неспящего киоска. Киоск был счастливо обнаружен. Искомый товар был в наличии, но тут выяснилось, что торговая сеть, к которой принадлежит этот киоск, не обслуживает браслеты. Кассовый аппарат был уже не приспособлен к операциям с устаревшей системой электрокошелька.

Нельзя сказать, что Фома воспринял этот удар судьбы хладнокровно.

Скорее, наоборот.

Вначале он попытался шутить. Но, поскольку семантические доминанты озвучиваемого Фомой текста оставались для торговой работницы вне пределов рационального осмысления, то немудрено, что, вместо того, чтобы войти в положение пилигрима, продавщица пригрозила вызвать охрану.

Неудавшийся юморист не был готов к такому повороту, и в нём внезапно заговорила харизма обличения.

– Ничтожные рабы! Как же дрожите вы над своими оковами! Ничего вам, кроме пайка не нужно!

Фома с Василисой обнаружили манифестанта, покинувшего кресло возле аквариума, как раз в тот момент, когда его проповедь была услышана сотрудниками охраны аэропорта. И теперь ему пока ещё вежливо, но уже достаточно безапелляционно предлагали пройти в отделение, где можно будет определить и его личность, и размер штрафа за попытку нарушения общественного спокойствия.

Василиса пыталась было вмешаться, но ей дали понять, что заботиться о попутчиках нужно было раньше, а теперь гражданин пройдет куда следует. Тогда она последовала вслед за узником и сатрапами, наступившими на горло певцу свободы, а Антон помчался к агентам, находившимся рядом с остальными тремя членами экспедиции.

Выяснив, что пока что ничего страшного Фоме не грозит, агенты отправили Антона к аквариуму, а сами остались у кабинета, надеясь, что их документы произведут на охранников нужное впечатление, и вопрос с задержанным будет закрыт.

В аэропорту было полупустынно. Закончилась первая неделя очередного коронавируса, и к исходу этой седмицы количество функционировавших авиалиний неуклонно уменьшалось.

Дина и директор дремали, а Борис Моисеевич Херсонский в глубокой задумчивости упёрся глазами в стеклянный ящик с водой.

– Ну, Антоша, что там?

– Да, всё закономерно. «Пел немзыкально. Скандалил. В общем-то, правильно, что взяли». Надеюсь, агенты быстро вызволят. Авось, пойдёт на пользу.

– Я бы не стал так легкомысленно относиться к любым – даже внешне комичным и, вроде бы, малосущественным – неприятностям. Особенно теперь, когда мы явно стали героями интриги. Точнее, не героями, а пешками в чужих играх.

– Да я понимаю. Просто изображаю бодрячка. Что толку паниковать. К тому же, какое-то душевное выгорание. Даже, пожалуй, не выгорание, это будет сильно сказано. А так... апатичность, вызванная ясным осознанием того, что поставленная перед нашей группой задача не может быть решена силами участников проекта.

Борис Моисеевич слушал молча. Поставленная перед ним лично задача вполне могла быть выполнена уже в ближайшие часы. Но могла быть и провалена.

Причём выполнение задачи вовсе не обязательно может стать той малой победой, которая даст новые шансы. Напротив, провал миссии может стать внутренней победой.

Между тем, Антон продолжал:

– Ладно, я вот хотел бы вернуться к неоконченному разговору про культуры карго. Неужели Вы полагаете, что всё то, что Вы и Ваши единомышленники пытались возродить у нас вместо шансонов и рэпов, – всё это карго-культ?

Борис Моисеевич молчал, и Антон сам отвечал на свои вопросы:

– Какой же это карго-культ, если Вы работали с Русским словом? Просто эстетика, так сказать, код, используемый в нашем канале передачи информации, был написан не нами, а

англо-саксами? Ну, так что же! Использование чужой знаковой системы – это никакой не карго-культ. Это не поклонение джинсам и жевательной резинке, о котором писали наши культурологи, исследовавшие причину катастрофы Советской цивилизации. И как раз Вы шли верным путём. Не напяливали косоворотку на «Человеков-Пауков», а наоборот, облачив героев Достоевского и Гоголя в кроссовки и бейсболки, создавали ситуацию, при которой возможна культурная конкуренция.

– Конкуренция... Не нравится мне такое определение. Отдаёт пошленькой такой деловитостью. Но раз уж прозвучало это слово, расскажу кое-что.

Борис Моисеевич оторвал, наконец, свой взгляд от содержимого аквариума и повернулся к Антону.

– После окончания университета я пошёл работать в контору, которая существовала на гранты Сороса. Между прочим, тогда, в начале нового тысячелетия, в подобного рода конторах собиралась не одна лишь только «демшиза», так что не торопись записывать меня в «либераста» со стажем. Я и сам в молодости бичевал всяческих «атлантистов» и местных их прихвостней.

И вот однажды сидим мы за столом. Нет, это было ещё до т.н. «корпоративов». Никаких виски, никаких водорослей, на которые нашего тщеславного Ваньку-дурака посадили. Нет. Просто оливье, бутерброды и водка. Дело было на Украине, я раньше там обитал. Там, кстати, советский дух такой реликтивно-человечный дольше сохранялся, чем тут у нас, в Конфедерации. Да. Как ни странно. До майданов там была атмосфера конкуренции культур. Сосуществовали украинские нацики с великорусскими шовинистами, либеральные продвинутые космополиты с романтиками всего советского и так далее, и тому подобное. Сейчас в это трудно поверить, но как раз отсутствие пресловутых «лихих 90-х» проявилось, в числе прочего, и в том, что сохранялась достаточно тепличная атмосфера.

И вот сидим мы, закусываем, а один из наших старших товарищей заявляет нам: «Вот вы не любите американцев и их местных прихвостней. Дескать, культура не такая. А дай вам возможность, сможете вы сделать что-то альтернативное? Вот представьте себе, вдруг что-то переменится, вызывают вас куда надо и объявляют, что времена переменялись, и теперь вы, дорогие антиглобалисты, можете формировать сетку вещания, и наполнять контент».

Ну, тогда слово контент ещё не использовалось, но смысл такой.

Решили мы, что мысль здравая, и что нужно прекращать бранить макдоналдизацию, а, вместо этого, самим что-то делать. Ресурсы кое-какие были... Но главное, тогда и делатели были, и среда, готовая не просто потреблять, а сопереживать. Сейчас в это трудно поверить, время не то. Но тогда было так.

И чем же закончилась эта конкуренция...

Те, кто чуял мировые тренды, тот и победил.

Мы публикуемся в самиздатах тиражами в пятьсот экземпляров, а те, кто «сёк фишку» – в глянцевого журналах с гонорарами. Мы устраиваем концерты и выставки в третьеразрядных клубах, они – на главных площадках. Мы прописываем свои записи на

местные радиоканалы, они – в телевизорах. А вышли практически из одной и той же среды, и одарённость была примерно одинаковая.

Потом, спустя четверть века, вроде и появилась возможность что-то делать, да время настало уже совсем другое. Время потребления «развлекательного контента». Да. Теперь уже это слово можно применить по назначению.

Вот они сегодня льют свои крокодильи слёзы по поводу того, что, типа «вай-вай, как нехорошо, скушали человека, а могла культур-мультир пойти другим путём!» Да не могла она пойти другим путём, потому что какой мотор бы не стоял на паровозе, а приедет поезд туда и только туда, куда предварительно были проложены рельсы.

Разве что ломать паровоз и предлагать двигаться пешим ходом... Так ведь порвут же пассажиры. Порвут на части любого, кого заподозрят в желании остановить это безумное метро.

Ладно. Всё это – прописные истины. Не хочу перегружать тебя пессимизмами своими.

Что же Фому всё не ведут и не ведут? Пойду, посмотрю: как там ситуация развивается. Заодно разомну копыта.

4. Две цивилизации

Борис Моисеевич Херсонский тяжело поднялся и поплёлся по зоне ожидания. Курточка с идиотскими кляксами, которую он нахлобучил перед этим, ещё сильнее подчёркивала какую-то трагичность, которую являл весь вид этого человека, будто бы прогуливающегося по эшафоту.

– Антон Павлович, сколько там до начала регистрации осталось? – Директор Биостанции, видимо, решил, что поспать всё равно не получится, а потому тоже вознамерился довести до какой-то логической завершённости разговоры об огромных каменных многоугольниках.

– Часа два.

– Ага. Хорошо. Я, собственно говоря, вот о чём. Ещё раз позволю себе напомнить, что выстраивание версий – это точно такой же творческий процесс, как и успешное решение поставленной задачи. Вы готовы меня выслушать?

– Да, конечно, Юрий Владимирович.

– Во всех древних сооружениях видны следы двух цивилизации. Первая, более ранняя, использовала природные объекты, т.е. то, что Бог создал. Мы пока не знаем: с какой целью использовала и как, она использовала. Природные объекты.

– Места Силы.– Дина решила, что проспаться такой разговор никак нельзя. Тем более, что она вовсе и не спала, а тихо волновалась за Фому.

– Эти места можно «усиливать» условно говоря. Что воплощается в неких «дополнениях», надстройках. Но в самой основе – нечто, созданное не человеком. Это условный «Египет».

В основаниях великих пирамид всё же скальные комплексы. А «полигоналка» – это просто создание искусственных скальных комплексов с заранее заданными свойствами.

– Это мы говорим сейчас о первой цивилизации, – уточнил Антон.

– Да. А вторая цивилизация – это условный «Вавилон». Там нет привязки к природным объектам. И сами пирамиды ступенчатые. И построены из глины, а не из камня. И нет никаких привязок к «местам силы». Хуже того. Сами эти «места силы» пытались создавать за счёт жертв. Это магия в европейском понимании.

– А в Египте что, разве не было мистики?

– В Египте тоже мистика была, но на, условно говоря, «вавилонскую» был очень строгий запрет. Мистика была, а оккультизма не было. Поэтому в недобитом нашем Православии до сих пор условный Египет остался. Во всем внешнем мире – «Вавилон».

– Я бы не стал идеализировать поздний Египет.

– Да, конечно. На поздних стадиях развития Египта тоже оккультизм пошёл. Но, всё же, это были некие благочестивые «целители», но не маги «Вавилона».

– Дина, Вы у нас благочестивая «целительница»? Или замаскированная колдунья? – Антон, прикрываясь прибаутками, решил, что настало время расставить точки.

Дина промолчала, решив не рисковать в споре с учёными мужьями.

– Между прочим, агент просил нас обращаться друг ко другу по тем именам, которые указаны в наших билетах.

– Ну, это касается только нас троих, пропащих. Продолжайте, Юрий Владимирович.

– Раз уж мы противопоставили мистику древнего Египта оккультизму Вавилона, то противопоставление это имеет яркие символы. Великие Пирамиды – это, скорее, молитвенное вопрошание, а Зиккураты – оккультно-магическое действие. К «Вавилону» относятся и более поздние цивилизации Центральной Америки. Там традиция сопребывания со Творцом уже была утрачена полностью. И остались игры с бесами.

– Мне встречалось сравнение зиккуратов с «молитвами из кирпичей». – Антон подумал, что просиживание на экуменических конференциях, всё-таки, было не совсем уж пустопорожним времяпрепровождением. – Библия говорит нам, что Вавилонскую башню строили, чтобы она стала «высотой до небес». Тщеславная попытка подняться над своей немощностью и попытка навязать Творцу своё общество.

Дина заёрзала, поскольку сама для себя она до сих пор не решила: насколько далеко простирается её «благочестие». Себя саму она считала человеком с редкими способностями, а потому разговоров «про гордыню» не приветствовала.

– Дина, а что такое «Места Силы»?

– Вы меня, Антон, решили проэкзаменовать?

– Я совершенно серьёзно. Всех нас ждёт экзамен, причём гораздо скорее, чем это может нам казаться.

Дина не стала ничего говорить. Не станет же она рассказывать директору Биостанции и руководителю экспедиции некие общие места. В любом случае: хоть скажи она что-то неверное, хоть верное; в любом случае это будет выглядеть одинаково глупо с её стороны.

– Легко сказать: «Место Силы»! А суть-то в чем? Человек, даже с пробуждёнными сверхспособностями, не сможет ворочать гигантские куски скалы. Сил не хватает.

– А если предположить, что в «Месте Силы» у человека открывались способности воздействовать на структуру вещества? Тот, кто ведал подлинные имена вещей, Логосы, вероятно, мог силой слова трансформировать кристаллическую решётку скальной породы.

– Дина, всё-таки, рискнула вступить в спор. Да ей уже нечего было терять. Не слыть же «рёрехнутой» душой в самом деле!

– Хорошо. Ну, допустим люди эти огромные блоки сначала «вырезали», потом перемещали, потом «обрабатывали», потом укладывали на место. И всё – «силою мысли». Точнее с помощью магии. Но ведь человек не имеет внутри себя ядерного реактора, чтобы такую работу проводить. Энергетика слабовата. Это только с помощью «внешних сил» такое сделать можно.

Значит, вступал в контакт с кем-то. С кем? С «джиннами»? Выходит так, что каким-то образом человеки входили в контакт с демонами.

Поэтому в сказках о джиннах за одну ночь воздвигающих и разрушающих города есть момент истины. Потому и все «боги» в древности были антропоморфны. К абстрактным силам межатомного взаимодействия не обратишься. А к «джинну», «демону», – пожалуйста.

Каким-то образом обрели власть над этими существами. Это их и погубило.

– Кого погубило? – Дина не сдавалась.

– Да как кого? Допотопную цивилизацию.

– А как же знание «подлинных имён»?

– Возможен – в числе прочих – подчёркиваю! И такой ответ: пока человек сохранял близость к Богу, и знал подлинные имена этих существей, то мог и власть над ними сохранять. Чем больше в гордыню впадал, тем дальше отходил от Бога, пока и сам не попал им в подчинение. Так что это знание и погубило допотопную цивилизацию.

Погубит, кстати, и нас, если мы полезем в эти трансформаторные будки без резиновых перчаток. Потому что сегодня любые обращения к этим силам вне Церкви приведут только к катастрофе. Нельзя с Содомом бороться при помощи Вавилона.

В лучшем случае – просто так шибанёт, что полезший ковыряться в этом генераторе «папа-мама» забудет. В худшем случае – заморочат голову похлеще «вражьих голосов», зомбирующих потребителей ноосферной сети. Человек или с ума сойдёт, или просто погибнет – во всех смыслах. Вне Христа – спасения нет. И 2000 лет назад была поставлена точка.

– И, всё-таки, не стоит забывать того, что эта допотопная цивилизация разделилась. Недаром же «Египет» уцелел, растворившись в Христианстве, а Индокитай и Мезоамерика погибли в страшной катастрофе. И на их обломках возникли откровенно сатанинские карго-культы.

– Согласен, Юрий Владимирович, но, что-то я стал беспокоиться за Фому. Да и Борис Моисеевич куда-то пропал.

5. Встреча с прошлым. Искушение возможностью будущего

Борис Моисеевич стоял на втором этаже аэровокзала и, упираясь вытянутыми руками о поручень ограждения, обозревал вяленькую суету немногочисленных пассажиров как бы сквозь рамку из хромированных трубок. Сверху капали звуки умиротворяющих мелодий, перемежавшиеся объявлениями попеременно на русском, английском и китайском языках; откуда-то сбоку доносились обрывки очередного ток-шоу, в котором дежурная бригада сетевого драмкружка полоскала его, Бориса Херсонского, имя...

Теперь к нему должен будет подойти связной, назначенный поставить точку в том спектакле, в котором он согласился сыграть. «Может быть, точку с запятой? А так легко было согласиться. Теперь предстояло за это согласие начать расплачиваться».

Он не знал ни того, кто будет связным, ни даже пароля. Завербовавший его агент заверил, что когда настанет нужный момент, у Бориса Херсонского не возникнет никаких сомнений относительно того, что пришла пора завершать операцию.

Навалилось чувство ужаса. Что-то, точнее, Кто-то посылал недвусмысленные сигналы.

Вспомнились строки архиепископа Иоанна (Шаховского), которые он в своё время ошибочно считал цветаевскими:

«Эти маски, эти роли

Так препятствуют блаженству!

Тело нам дано для боли,

Как душа для совершенства».

«А ведь боль, даже и душевная боль... В особенности душевная – это же просто сигнал. Сигнал. Но не просто», – продолжал философствовать Борис Моисеевич. Но погрузиться в эти рассуждения ему в этот раз было не суждено, ибо совсем рядом кто-то пропел строку из его собственной песни, сочинённой в пору ранней молодости.

– Все мои иллюзии, увы, // увертюрой прозвучат печальной...

Борис Моисеевич обернулся.

– Кто сказал, что счастлив будешь ты-ы, // потеряв нелепо чьи-то тайны.

Сомнений не было. Это – пароль.

Борис сглотнул и сипло попытался пошутить:

– Узнаю твой баритональный дискант.

Перед ним стоял очень бодрого вида творческая личность в джинсовых шортах и футболке цвета яичного желтка. На одном плече висел миниатюрный, почти девчачий, рюкзачок, а на другом – сумочка с принадлежностями для профессиональной фотосъёмки.

– Бородецкий... Надо же. И ты с ними...

– Главное, что ты – с нами!

Борис стоял на краю площадки, внизу копошились пассажиры, а внутри как-то неумолимо дотаивало то благое чувство, которое всего несколько часов назад было ниспослано ему в Сурб-Хаче, горном армянском монастыре. Чувство, инерции которого – как совсем ещё недавно казалось ему – должно было непременно хватить на то, чтобы хоть теперь совершить, наконец, верный поступок.

Но сейчас нужно было что-то говорить. Заполнять нелёгкую паузу.

– Ты, я вижу, всё так же снимаешь красоты?

– Скорее, патологии.

Сбросив лёгоньким движением плеча рюкзачок, Бородецкий достал оттуда стильно оформленный миниатюрный фотоальбом с чёрно-белыми фотографиями.

– Ух, ты. «Чёрная светопись Баратэску». Работаешь чёрно-белые снимки?

– Да, на чёрно-белых фотографиях всё получается как-то ярче. Это тебе от меня презент небольшой. Сейчас готовлю концептуальную выставку «A Whiter Shade of Pale».

– «Бледнее белого»?

– Да, вроде того. Буду обыгрывать разные смыслы этого выражения. И снег там будет, и японки с выбеленными физиономиями. Точнее, наши девахи, размалёванные мелом под гейш. Название взял по альбому «Прокол Харум». Кстати, иногда и мы с пацанами сэйшенуем. Джазец.

– Морбид как-то лет двадцать назад написал мне, что «джазом» ваши сэйшена называются лишь потому, что вы никогда не можете повторить тему один в один.

– Да ладно. Всё мы можем. Морбид, кстати, с нами никогда не играл. Так, один разок побренчал на репетиции. А как твои успехи?

Борису не хотелось включаться в эту игру. Он понимал, что принимая правила поведения, принятые на этой ярмарке тщеславия, ему самому придётся либо юлить, либо кокетничать. И, рано или поздно, это приведёт к тому, что нужно будет подыгрывать в той пьеске, декорации для которой уже расставлены, ружьё повешено, а зрители удобно расселись в своих засадах.

– Успехи... Это не наша лексика.

- Вот как. А какими критериями ты оперируешь?
- Другими. Миром и немиром в душе.
- Ты стал религиозен. Понятно. Ну, тем не менее, пора отречься. Петух должен пропеть уже с минуты на минуту.
- Слушай, Бородецкий. Ты же мой ровесник. Как это тебе удалось выглядеть так «молодёжно»?
- Про «Мёбиус» слыхал?

Борис молчал, равнодушно отметив, что пазлы складываются прямо по нотам.

- Тебя тоже перепрошьём, будешь как новый. Мотор и все прочие механизмы заработают как часы. Рекламу тебе сделали, так что турнёшь нафиг всё это хамьё и бездарей. Ладно, сейчас пацаны подойдут – я договорился с ребятами одного из тоннелей, сделаем сенсацию, сам попиарюсь на разоблачении фанатиков-милитаристов, мнящих себя способными остановить прогресс.
- Бородецкий, послушай. – Борис, наконец, полностью овладел собой и говорил спокойно и сильно. – Никакого разоблачения не будет. Я передумал.
- Боря, не тупи. Не смешно. – Бородецкий пока ещё держался молодцом и не выказывал волнения. – Эта достоевщина сейчас совершенно неуместна.

Пошарив взглядом по сторонам, Бородецкий снял очки и, прищурился миндалевидные очи, выдал найденные, наконец, слова:

- Охо-хо. Как говорится: Words don't come easy to me. – И, довольно хихикнув, отчеканил:
- Твоя беда, Боря, в том, что ты боишься посчитать себя плохим.
- А твоя беда, Бородецкий, в том, что ты не боишься считать себя хорошим. Извини за киношный пафос формулировки.
- Так. Хорошо. Проникся за истёкшую седмицу идеями борьбы с мировым злом. Хорошо. Пошли, присядем. Копыта не казённые.

Борису Моисеевичу вдруг пришла мысль, что долго он не выдержит напора, и лучше ему спрятаться за спины товарищей.

- Пошли к нашим. Там и поговорим.

Бородецкий отвернулся. Но подумав, решил, что если в стриме будет трансляция того, как он накроет сразу практически всю группу фанатиков, то это принесёт ему ещё больше «лайков» в той передаче, которую он так сладострастно предвкушал.

- Пошли.

6. В джазе только девушка

Борис Моисеевич со своим бывшим однокашником, выглядевшим в два раза моложе его, спустились не на эскалаторе, а по лестнице.

На площадке – как из-под железобетона – перед ними образовалась крепкая рослая девушка в какой-то ободранной рыболовецкой сетке, накинутой прямо на телесного цвета бикини.

Русалка схватила Бородецкого за руки и томно выдохнула ему прямо в седой висок:

– Евгений Баратэску! Наконец-то Вы в моих руках!

Бородецкий, точнее, конечно же, модный фотохудожник Баратэску, решил было, что это – какая-то экзальтированная модель, возмечтавшая о том, чтобы сняться у него в нуар-фотосессии. Попытался высвободить руки.

Не тут-то было.

Русалка, продолжая сжимать руки элитного портретиста своими стальными клешнями, вдруг обхватила всего его в охапку и впилась плотоядным поцелуем в сочные, хотя и несколько подрагивающие губы.

– Вот теперь всё нормульчик! Камеры наблюдения всё зафиксировали. Так что теперь – что бы там ни произошло... как говорится: «милые бранятся – только тешатся!»

И не дав Баратэску опомниться, заявила:

– А тут в сумочке вместо фотика у нас что?

И, отпустив одну из рук фотографа, бесцеремонно открыла сумку.

– О! транслятор. Японский. Какое качество!

Затем сняла со своей сети какую-то штуковину и прислонила её к разъёмам транслятора.

– Нет! – рявкнул Баратэску.

Но треск разряда уже раздался и заструился лёгонький дымок.

– Пришлось сломать. Не выбрасывать же такую вещь. Её бы подобрали через пару минут бдительные сотрудники охраны аэровокзала. А появляться в стриме тоннеля реальности мы не хотим. Нет. Не хотим.

– Не хотим.

– Вот именно. Не хотим.

Неизвестная вновь прильнула всем своим русалочьим телом к Баратэску и приставила к нему электрошокер.

– Таки не хотим?

– Не хотим, – прошипел он. Уже, пожалуй, достаточно обречённым шипением.

– Разряд дам очень слабый, просто чтобы вырубить. Без конвульсий. А тушку я донесу, никто ничего не поймёт. Это ясно?

– Это ясно.

– Идём тихо и без нервов.

– Боря. Скажи своей знакомой...

– Какой Боря? Нет тут никакого Бори. Где Вы видели Борю?

Василиса, а это была именно она, свободной от электрошокера рукой вульгарно обняла Баратэску за шею. И остановила на несколько секунд клешню на горле. Дав коже фотографа протестировать на себе инструмент принуждения.

7. Про ложные цели и не только

Когда Василиса – то ли в одежде, то ли без оной – появилась перед нашими пассажирами, ютившимися в закуточке зоны ожидания, то ни Антон, ни Дина не оценили её эксцентричного сценического образа. Один лишь дремавший и вновь разбуженный директор Биостанции удивлённо-озадаченно крикнул.

Василиса вела в своих цепких объятиях какого-то молодящегося типчика, а вслед за ними с несколько отсутствующим лицом плёлся Борис Моисеевич.

– Принимайте трофей. Вот, поймала «языка». Сейчас будем разговоры разговаривать.

– Ребят. Может, хватит? – Баратэску пока ещё не смирился с мыслью, что он не просто остался в дураках, но и серьёзно рискует своей жизнью, попав в клешни молодой и – судя по всему – фанатичной революционерки. Или контрреволюционерки. Но от этого, пожалуй, легче не станет.

– Сейчас сюда должны подойти ребята с тоннеля реальности, запишем репортаж, все присутствующие станут своего рода знаменитыми людьми, сможете получать гонорары... Борис...

– Какой Борис! Тут нет никакого Бориса! Что Вы плетёте! – Василиса сделала своему пленнику какую-то пакость, и он тут же умолк, сдерживая гримасу боли.

– Послушай, детка. Когда эта комедия закончится, я ведь могу сделать так, что тебе дадут реальный срок. – Фотографу, видимо, надоело бояться, да, к тому же, меньше всего ему хотелось выглядеть жалким «трофеем».

– А вы, господа исследователи мегалитов, вы-то хоть понимаете, что стали участниками маскарада?

Присутствующие молчали.

– Понятно. Не понимаете.

И, сморщившись, обратился к Василисе:

– Уберите шокер. Я не собираюсь от вас сбежать. Это вы сейчас начнёте разбегаться в разные стороны по своим «шхерам».

Василиса ослабила объятия.

– Я пересяду вот сюда, чтобы мы видели друг друга. Да и ваше, мадам, близкое соседство меня уже утомило. И кто это посоветовал тебе так вульгарно вырядиться? Русских сказок, что ли, начиталась про разумных сироток. Которые отгадывали загадки про то, как быть и одетыми, и голыми? Ну, да ладно. На это мне... с прибором. Снимать тебя буду не я, а те, кто тебя будет оформлять.

К Баратэску возвращалась утраченная было уверенность в себе.

– Ребят. Я вот гляжу на вас и лишний раз убеждаюсь в том, что дурости человеческой нет предела. Вы что, настолько глупы и самоуверенны, что никогда не утруждали себя попыткой задуматься над одним простейшим вопросом... Который звучит примерно так: как, скажите ради осьминога, обстоят дела с изучением мегалитических объектов в других местах земного шара? Или вы думаете, что вы одни тут такие духовные и «продвинутые»? Америка с Израилем. Британия с подопечными им Китаем, Индией и Турцией. Персия... Они что, по-вашему, никогда не размышляли о том же, о чём и вы размышляете? Или вы всерьёз считаете, что Ротшильдам с Рокфеллерами жалко миллиарда-другого фантиков, чтобы основать серьёзные научные институты? Посадить туда всяких Мэсков с Гэйтзами, Петровых с Васечкиными, дать им в помощники самых лучших спецов по допотопным цивилизациям вкупе со всякими колдуньями, йогами и исихастами? Да хоть десять институтов можно наоткрывать. Фантиков под это дело выделить – дело нехитрое.

Но никто не открыл их.

На это было несколько причин.

Первая и самая важная причина – запустить камни невозможно. Я не знаю почему, но умные парни сказали, что нельзя. И точка.

Вторая причина – почему бы не дать возможность вам, мои юные друзья, заняться чем-нибудь таким... космическим, вселенским... Таинственным. И, понятное дело, всеспасительным. У вас же без мессианства – никак. Хе-хе. Да. Ну, и, при этом, – гарантированно бесперспективным. Занимайтесь себе – сколько влезет. Чем бы дитя ни тешилось. Лишь бы не мешало взрослым дядям заниматься серьёзным делом.

– Серьёзным делом? Это клонированием в промышленных масштабах? – Антон почувствовал, что если не вывести друзей из состояния какого-то гипнотического оцепенения, которое наводила на них речь Евгена Баратэску, то скоро они начнут превращаться в безвольных кроликов.

– Для Вас, молодой человек, – Баратэску обратился к Антону, повернув голову вполоборота, – проблема замены запчастей станет актуальной лет через пять – десять. А вот Борису Моисеевичу...

– Нет тут никакого Бориса!

– Девушка, да угомонитесь уже. Game is over. Так вот, для людей более старшего поколения запчастей совсем будут не лишними. Тем более, когда людям этим есть, что сказать или показать миру. Или спеть. Короче говоря, обидно уходить из активной жизни, когда наконец-то появилась возможность серьёзно продлевать сроки своего долголетия. Дело это недешёвое, но серьёзные люди вложили свои миллиарды именно в эту тему. А не в попытки запустить каменные генераторы.

Вот так-то. Вложившись в программу «Мёбиус», серьёзные люди заложили основы фактически нового человечества. Не партии, проповедующей очередной способ изменения мира. Не секты, проповедующей очередной способ изменения своего к миру отношения. А общества людей, преданных «Мёбиусу». Ибо «Мёбиус» гарантирует своим... сто, двести, пятьсот лет активной физической жизни. Столько, сколько будет нужно для того, чтобы люди, принятые в круг избранных, могли полностью раскрыть свой творческий потенциал.

– Всё это очень интересно, – Юрий Владимирович испугался, что в какой-то момент не справится с искушением и тоже размечтается о членстве в «Мёбиусе». – Очень интересно. Но, если мы такие уж ничтожные и глупые тупицы, ковыряемся в свих песочницах, занимаясь тупиковыми исследованиями... Если мы так микроскопичны и потешны для серьёзных людей, то что же Вы так разволновались? Пытаетесь мешать нам. Не вижу логики.

– Да никому вы, болезные, не мешаете. И не можете помешать. Всё идёт по плану. Вы нам не то, что не мешаете, вы нам помогаете. Да-да. Очень. В любом деле всегда есть некие силы, которые будут мешать. Общественные, научные и тому подобное. Вот мы и решили, что лучше уж самим создать тех, кто будет как бы «мешать» нам. «Как бы мешать!» Тех, кто будет как бы «бороться» против нас. «Как бы!»

Помните, есть такое золотое правило: «если не можешь побороть протест, постарайся возглавить его». А есть не золотое, а бриллиантовое правило: «если хочешь контролировать протест, сам же его и сфабрикуй!»

Сфабриковать – это значит изначально заложить в теме такие элементы, которые гарантированно вызовут резонанс. Когда настанет время воспользоваться этим резонансом. Просчитываем отталкивающими для той или иной целевой аудитории атрибуты, и наделяем этими атрибутами сфабрикованное пугало.

Баратеску зевнул, окинув простофиль победным взглядом.

– Никак не пойму: вроде, культурные образованные люди, не пипл какой-то «ЕГЭшный». Неужели никого из вас не насторожили все эти водевильно масонские ритуалы? Прямо «общество Туле». Розенкрейцеры совдеповские.

Не понимаете простейшей вещи: все службы всегда работают в рамках правил игры, которые заключаются силами, стоящими за локальными правительствами. Их задача – служить охранителями. Менты охраняют пипл от босоты, чекисты – от террористов, пожарники – от пожаров. И так далее.

Исходя из этого, могли бы задуматься: а кто вас использует? Какая-то ЧВК с отставным свадебным генералом. А вы, небось, уж размечтались о том, что вас приняли в некий тайный орден чекистов. Который готовится к Армагеддону.

– Укушу, – тихо предупредила Василиса.

– Ладно-ладно. Давайте без фанатизма. По существу, – Баратэску уже мысленно потирал руки. Сейчас он надломит этих лохов, а потом – под камеры будет уже их просто размазывать. Главное, полагал он, поярче метафоры, повыразительнее мимику.

«Операторы, смею надеяться, не подведут с подачей».

– И потом, Вы, Антон, меня тоже несколько удивили. – Баратэску немного призадумался, подбирая уничижительное словцо, долженствующее способствовать водворению этого юнца на своё место.

– Листал я как-то Ваши размышлизмы на тему эсхатологии. Нет, не потому, что Ваше имя мне что-то говорило. Ни раньше не говорило, не говорит и сейчас. Просто мы же разрабатывали сцену разоблачения террористической организации, которая в бессильной злобе импотентных фанатиков пытается остановить колесо Истории. Вот и подбирали актёров для постановки. Присматривались к тем, кого брать в труппу. Тогда-то и знакомились с тем, кто собою что представляет.

Антон поглядел в маслянистые глаза Баратэску. Фотограф любовался собою, таким рафинированно нефанатичным обладателем вполне удовлетворительной потенции.

– Полистал, значит, я Ваш доклад на эту тему. Небездарно. Что греха таить. Небездарно. Понравилась мысль из Исаака Сирина, описывавшего времена антихристовы.

– Ефрема.

– А, да, Ефрема Сирина, а не Исаака. Ну, так вот. Не Вы ли, Антон Павлович, приводили слова этого подвижника, суть которых сводится к тому, что великий лжец прельстит так сказать «консерваторов» своим показным благочестием. И борьбой с мелкими бесами, со всякой шушерой типа...

– Типа Ваших хозяев.

– Ну, можете считать, что я пользуюсь некоторыми благами, которыми со мной расплачиваются те, кого вы обзываете «содомитами» и прочими нехорошими словами. Но сами-то Вы, лично Вы, Антон Павлович, совершенно сознательно согласились служить Великому Инквизитору. Тому самому, который, согласно Ефрему Сирину, околпачит религиозников тем, что «не будет брать даров и станет говорить о зле с гневом».

Василиса, ещё несколько минут назад метавшая молнии, испепеляющие фирменную электронику, сейчас обратилась к Антону с неподдельным простодушием:

– Это правда, Антоша? Если нет, то ответь ему!

– Господин Баратэску, оставьте Вашу лукавую софистику менее взыскательной публике. О том, что некто, так или иначе, работает на создание условий для воцарения Великого Инквизитора уместно было бы говорить, если бы это настроение поддерживало бы абсолютное большинство населения. То есть все те, кто будет страдать от бедствий и хаоса, которые наступят после разрушения остатков государственности по всему миру.

– Правильно. После того, как рухнет Система, наступит время хаоса. И выходом из этого состояния хаоса станет добровольное принятие того транснационального политического и экономического проекта, который вы называете «царством антихриста».

– Господин.. ээ, – Вмешался окончательно проснувшийся директор Биостанции.

– Баратэску.

– Да. Господин Баратэску, Вы, наверное, слышали в детстве анекдот про то, как Василий Иванович отправил Петьку учиться логическому мышлению? Ну, про логическую причинно-следственную связь отсутствия у Фурманова воблы и предположения о том, что тот является тайным импотентом? Не слышали? Подзабыли? Ну, так я расскажу. Тут у нас дамы, поэтому я воздержусь от озвучивания аутентичного текста. Но, тем не менее.

«Решил Петька выучиться логическому методу мышления. Котовский объясняет ему:

– Смотри, Петька, у меня в кармане вобла. Следовательно, я люблю пива попить. Следовательно, с мужиками поболтать. О чём поболтать? Правильно. О бабах. А раз есть о чём поболтать, значит, есть что вспомнить. А раз есть, что вспомнить, значит у меня в этом смысле всё в порядке. Понял?

– Понял.

Подходит Петька к Фурманову.

– Товарищ Фурманов, у Вас есть в кармане вобла?

– Нет.

– Значит, у Вас с этим делом не всё в порядке!»

Присутствующие для приличия хохотнули, кто искренне, кто – за компанию. Баратэску понял, что его «вышучивают». И звать к разуму, ломая волю собеседников, уже не получится. Тогда он принял решение резко менять тактику.

– Зря, Борька, ты выкинул этот фокус. Надо было действовать по нашему плану. Сейчас тебя бы показывали по всем тоннелям реальностей как жертву похищения. Этих лохов преподнесли бы в качестве человеконенавистнической организации, пытающейся дестабилизировать ситуацию и нанести вред экономической, экологической и прочим жизням Конфедерации...

Теперь придётся реализовывать припасённый план «Б». Ты что же, дорогой наш «последний герой», полагал, что нет у нас запасного плана? На тот случай, если ты что-то выкинешь?

М-да... Я был уверен, что ты, как и положено любому талантливому еврею-литератору, мечтаешь стать великим Русским Поэтом. Шанс у тебя был. Но.. не судьба.

Последнюю фразу Баратэску мог бы и не озвучивать. Борис Моисеевич Херсонский прекрасно понимал, что сейчас он отказался от возвращения в мир культуры, мир, который он до самого недавнего времени считал одним из важнейших инструментов борьбы со злом. Понимал он, что теперь разработчики долгосрочных идеологических

кампаний спишут его в расход, а нового такого шанса в этой жизни уже не представится. Поскольку ни о каких услугах «Мёбиуса» не будет даже и речи.

Но, с другой стороны, он вдруг почувствовал такую силу и такую свободу, что ему больше не нужен был ключ от двери, которую нужно было непременно закрыть за собой, дабы оставаться самим собою.

– Бородецкий... Впрочем, не так. Господин Бородэску. Я не хочу, чтобы мой голос дурачил пассажиров... едущих в вагоне поезда на ту станцию, на которую сам я ехать не хочу. И другим не советую. Объявляйте маршрут другими голосами.

– Дурак. Да уж. И вправду, людям доверять на слово можно лишь в самых исключительных случаях. Ну, дело хозяйское... – Баратэску поднял глаза вверх и с удивлением обнаружил, что странноватая девушка из компании «полигональщиков», встала и совершенно бестактно вытаращилась на него. – Мадмуазель, Вы чего? У меня что, ус отклеился?

– Нет, не ус, – нараспев ответила Дина. – У вас началось отторжение имплантированных тканей. Я чувствую Ваши чакры. Ощущаю, как приближается волна боли, которая утопит вас в «прокрустовой луже».

– Какой «прокрустовой луже!» Что за бред?

Тем не менее, Баратэску резвенько вскочил с кресла и начал испуганно шарить руками по спине в районе почек.

В этот момент Василиса молча встала и нанесла несколько коротких сильных ударов по содержимому жёлтой футболки фотографа. Баратэску обмяк сразу, после чего боевая русалка схватила его в объятия и усадила бесчувственное тело рядом с собой.

– Так. Началась регистрация на ваш рейс. Антоша, там к тебе Вика приехала, что-то передать хочет. Я посижу с ним, покараулю. Потом сделаю отход по другой схеме.

– А Фома? – Антону некогда было соблюдать конспирацию и играть в эту подходившую к завершению часть игры.

– Всё будет нормально, давайте, нет времени.

8. В привокзальном околотке. Прокрустова «лажа»

Напялив на лицо отрубившегося фотографа антиквидную маску и прикрыв его глаза тёмными очками, Василиса оставила Баратэску полулежать в кресле зоны ожидания, а сама на ходу набросила на себя извлечённый из сумки лёгонький плащик. Это переоблачение позволило ей тот час же превратиться из околобогемного вида мадам в обычную пассажирку вполне приятной наружности.

Агенты, озадаченные вопросом вызволения младшего научного сотрудника Тростова Фому Константиновича, топтались подле комнаты, в которой онный нарушитель общественного порядка томился в ожидании штрафа.

Подойдя к агентам, уставившимся в экран висящего под потолком визора, Василиса обратилась к тому, кого мы вслед за Антоном нарекли Дон Кихотом.

Однако, обладание мушкетёрской бородкой вовсе не делало этого человека ни д'Артаньяном, ни, тем более, Дон Кихотом. Скорее уж галантерейщиком Буонасье.

– Водолаз, Музыкант куда-то пропал. Туристы пошли его искать всей толпой.

– Куда?

– В сторону Терминала «А».

– Репортёры ещё ничего не сообщали об этом...

– А что, они должны были уже что-то сообщить?

Дон Кихот, точнее, агент Водолазов, понял, что совершил небольшой прокол, но понадеялся, что любимица их свадебного генерала ничего не заметит.

– Ну, они же ищут их. Вот уже часов шесть. Или семь.

– Надо срочно найти их, объявили начало регистрации. А я попробую вытащить этого клиента. Кстати, могли бы уже давно это сделать и без меня.

– Не получается, он несёт всякую чухню... Я боялся, как бы он не завалил операцию. Передаю его тебе, бегу искать Музыканта.

«Давай, беги. Надо же. Вроде, такой человек, а оказался «кротом»».

В куртке Фомы, так же, как и в куртках прочих членов группы, присутствовавших в аэропорту, были встроены «жучки». И Василиса прекрасно знала: кто, где, с кем и о чём говорил. И о чём не говорил. Водолазов даже не предпринимал попыток выручить бедолагу, набравшегося раньше времени горячительными напитками. Водолазов ждал сигнала от своего агента Баратэску, чтобы завалить Фому перед репортёрами в тот момент, когда Музыкант, то есть Борис Моисеевич, должен был устроить признание в компании другой команды репортёров. Но теперь что-то пошло не по плану и Водолазов помчался в сторону Терминала «А» на поиски пропажи.

А Борис Моисеевич вместе с товарищами в этот момент двигался в сторону, диаметрально противоположную той, куда был направлен Водолазов. Василисе оставалось выручить Фому, провести его к группе и покинуть вокзал.

Протрезвевшего Фому премудрая сирота вытащила достаточно просто. Нагуглив текст регионального Кодекса об административных правонарушениях, она мегерой ворвалась в комнатуху охраны и, демонстративно включив портативный стрим-транслятор, потребовала у сонных сторожей точной формулировки того: в чём именно заключалось нарушение Фомой регламентированных норм поведения в аэропортах Евразийской Конфедерации.

– Пожалуйста, представьтесь! А теперь отвечайте мне односложно на каждый из вопросов: задержанный спал на креслах? Катался по вокзалу на скутере или на каком-нибудь вычном животном? Переодевался в туалете? Кого-то пачкал мороженым?

Расклеивал листовки или иную рекламную продукцию? Загромождал багажом проходы? Или, может быть, предлагал пассажирам гостиничные услуги или услуги частного извоза?

Охранники несколько оробели, поскольку связываться со склочницами, которые не боятся записывать разговор, они немного побаивались.

– Нет? Тогда на каком основании вы удерживаете сотрудника корпорации «Мёбиус»? Завтра начнётся карантин, авиасообщения приостановят. Сотрудник, опоздав – по вашей милости – на рейс, не попадёт в место, предписанное командировочным листом. Вы представляете себе размер неустойки, который вам присудят погашать? Хотите попасть в рабство «Мёбиусу» на несколько лет? Деньги некуда девать!?

Блеф с «Мёбиусом» сработал идеально. Ведь теперь выходило, что у охранителей воздушных ворот Тавриды не было никаких формальных поводов держать Фому в узах. Следовательно, они могли «попасть» на очень серьёзные деньги, если бы их начали таскать по судам.

Они с неприкрытым облегчением спихнули премудрой Василисе певца свободы, который, в свою очередь также несколько присмирел, посидев часок в околотке.

Часть десятая

1. Разговоры путешественников про Боснию

– Между прочим, я вместе со Стекловым ездил и в Боснию. – Борис Моисеевич решил, что настало время исполнить роль лисы из басни про виноград. Это, как показывает практика, неплохо помогает.

В зоне ожидания посадки на самолёт участников экспедиции встретил генерал, который теперь внимательно слушал рассказ человека, объездившего множество этих загадочных мест. объездил в рамках научно-популярных проектов, к которым привлекали лириков, популярных в среде физиков. Потом, когда Коркиры Филипповы взяли реванш, и вместо бардов вновь оказались востребованными акробаты и трубадуры, эту тему прикрыли. Но кое-где Херсонский успел побывать.

– Интерес к холмам неподалёку от столицы Боснии, города Сараево, подхлестнули умело организованной кампанией, «звездой» которой был Свемир... Забыл фамилию. Что-то созвучное Османам. Из этого «балканского Остапа Бендера» сделали настоящую культовую фигуру. Он, само собой, был известен в кругу подвижников новой хронологии и всей сопутствующей культуры – начиная от мифов про гитлеровские базы в Антарктиде, и оканчивая предметом нашего интереса. Бывал Свемир, ясное дело, в Латинской Америке на «наших» объектах.

Затем ему удалось убедить общественность в том, что группа заросших холмов вокруг городка неподалёку от Сараева являются пирамидами, причём, ясное дело, древнейшими. Построены были эти пирамиды не то атлантами, не то гиперборейцами. Нашлись кое-какие средства для проведения раскопок, во время которых было обнаружено всё то, что и должно было быть обнаружено: каменные блоки, тоннели, вымощенные брусчаткой подъездные дороги. Само собой, пирамиды были сооружены строго по сторонам света.

Возможно, не будь Босния тогда оккупирована атлантистами, там можно было бы либо обнаружить что-то стоящее, либо, по крайней мере, сфабриковать туристический миф, который бы сделал эту местность культовой для любителей энергетики и инопланетян.

Наш неугомонный Свемир уже делился планами восстановления гиперборейского святилища, находящегося в главной пирамиде, и запустить генератор. Он, кстати, был адептом собственно инопланетного мифа. То есть рассуждал не в рамках эзотерического библейского контекста, а в рамках того мировоззрения, которое наш уважаемый Фома весьма остроумно нарёк «рептилоидным недофрейдизмом».

Короче говоря, было принято решение наладить связь с иноземными цивилизациями. На счета фонда, организованного Свемиром, пошли реальные деньги, работа закипела с новой силой. Как вдруг, по Свемире и его пирамидам одновременно ударили со всех сторон. Высмеивали и его теории, и ставили под сомнение наличие у него академического диплома об окончании университета, и тоннели объявляли просто заброшенными шахтами, а фрагменты каменной кладки – просто кусками скалы. В общем, от мифа о гиперборейских мегалитах Боснии не оставили и камня на камне. Сам незадачливый археолог уехал в Штаты.

Туристического объекта не получилось, академические исследователи обходили холмы близ Сараево десятой дорогой, ибо малейшее упоминание об участии в экспедиции могло стоить научной карьеры. И, тем не менее, через некоторое время в этом районе появилась целая сеть киосков с сувенирами, всяких закусовых и тому подобных объектов сферы услуг. Туристов не было, а торговцев сувенирами и жареными чевапами – целое подразделение. Личный состав которого бдительно наблюдал за тем, чтобы те немногие туристы, которые приезжали побродить в этой местности, именно бродили, а не пытались заниматься чем бы то ни было иным.

Журналиги соревновались друг с другом в остроумии глумливых формулировок, которыми награждались исследователи этих холмов.

– Значит, там, всё-таки, что-то было? Раз британцы взяли там всё под непосредственный контроль?

– Говорили о неком «энергетическом пучке», находящемся в центре пирамиды. Всё это перепроверить не представляется возможным. Однако, есть кое-что весьма любопытное, с чем сталкивались археологи, работавшие там. Тоннели были засыпаны вовсе не обломочным материалом. Потому что он со временем обязательно должен был бы просесть. Этого не произошло. Материал плотно заполняет весь объём выработки, все пустоты. Как будто грунт подавали под огромным давлением – по аналогии с заполнением неких пространств монтажной пеной.

Вот это – факт. А насчёт энергетического пучка, не знаю.

– То есть мы не можем дать стопроцентную гарантию того, что исследование мегалитов является абсолютно тупиковой темой? Хорошо. Товарищи. Друзья. Сейчас мы летим в Белград, а там продолжим.

Затем обратился к Антону:

– Антон Павлович, Виктория Александровна собиралась Вам что-то передать.

– Да. Блокнот своего отца. Там, кстати, тоже говорилось о том, какую роль должны играть эти завалы.

Антон всё ещё пребывал под впечатлением встречи. Вика появилась вместе с Василисой, которая волокла вызволенного из неволи Фому. И для него было важно не предать её второй раз подряд.

Отпустив какую-то дежурную остроту в адрес Фомы и Василисы-освободительницы, он подошёл навстречу Виктории и взял её руки в свои руки. Она их выдёргивать не стала.

– Ну, хорошо, потом доложите, что там в этом блокноте.

2. Белград. Корчма «?»

Харчевня, в которой расположились наши путешественники, имела самое оригинальное из всех возможных названий – «Знак вопроса». Вывеска представляла собою один лишь этот знак «?». Сегодня подавали жареную рыбу и белое вино. Впрочем, жареную рыбу тут подавали не только сегодня, но и вчера, и полвека назад, и может быть даже и не полвека, а все полтора столетия. Ведь харчевня располагалась напротив Соборной Церкви, неподалёку от канцелярии Белградского Патриархата.

Близость к такого рода местам обязывала кормить белградцев и гостей столицы не только традиционной для Балкан жареной на роштите свининой, но и чем-то более-менее постным.

Но рыба была всегда самой свежей и приготовленной на уровне, достойном находившейся неподалёку канцелярии.

В Белграде группу исследователей встретил давний друг Майки-Русии, Гойко Ранкович, крепкий старичок-герцеговинец, ещё в молодости осевший в столице. Он же и сообщил генералу, что какой-то агент британцев ищет русских учёных, которые прикидываются паломниками, но едут в Боснию.

То, что супостат был в курсе наших перемещений, никого особо не удивило, тем более, генерала, который, после выявления «крота», был морально готов ко всякому.

Британскому агенту предложили встретиться в небольшой гостинице «Фея Весна», расположенной неподалёку от жилья Гойко Ранковича. Но британец вежливо отказался, сославшись на то, что «Фея Весна» слывёт у них в конторе местом встречи русских резидентов, поэтому предлагает встретиться где-нибудь на нейтральной территории.

В качестве таковой была предложена харчевня «?»

«Британским агентом» оказался Бородецкий. Правда, на сей раз, он был без бороды.

– Коллеги, Христос Воскресе!

– О! давненько не виделись! Воистину! Воистину Воскресе! Давай, фотограф, присаживайся.

Генерал не знал Баратэску лично, но был в курсе всего, произошедшего в аэропорту Таврида, благо, видеозаписи разговоров были сделаны качественно, и он эти записи изучил самым внимательным образом.

Сегодня Евгений Баратэску выглядел не столь вальяжно, как тогда, да и в глазах его читалась едва замаскированная тревога. Белградцы демонстративно презирали антиэпидемические предписания, поэтому он, дабы не выделяться, тоже ходил с голым, без респиратора и антиковидных очков, лицом.

– Как Вы находите наш Белый Град? – вежливо поинтересовался Гойко.

– Белый Град. Интересно. Эkleктично. Даже тут – собор явно в стиле австрийского барокко, а через дорогу такой псевдовизантийский новодел. Крепость совершенно в турецком стиле, и тут же – лекорбюзье середины XX века. Короче говоря, Стамбул. В уменьшенном виде. Встреча Азии с Европой, прошлого с настоящим. Да, «славянский Стамбул». Точнее, мини-Константинополь.

– Так Вы, уважаемый Евгений Баратэску, договоритесь до того, что Белград – это Третий Рим! – Генерал попытаться шутить.

– Белград – Третий Рим? М-да. Нет. Не смешно. Нет, говоря о «славянском Стамбуле», я имел в виду лишь этот очевидный стык Запада с Востоком, прошлого с настоящим.

– А настоящего – с будущим?

– Нет. Не думаю. Будущего не предвидится. Будущего, вообще, может и не быть. Вот уже несколько дней, как я ощущаю себя панком. Нет, не в эстетическом смысле. В самом прямом. В том смысле, что «No Future!»

Баратэску вертел в руках предложенный ему бокал с белым вином, но к вину не прикасался.

– Ну, ладно. Это всё лирика. В аэропорту «Таврида» я вас пытался обмануть. Мне нужны были вы все просто в качестве той массовки, на фоне которой я должен был блистать. Не вышло блистать. Потускнел, и теперь пора линять. Простите. Нелепые каламбуры. Так вот. Конечно же, мегалитами занимаются. Занимаются достаточно серьёзные пацаны. Те самые, которые гораздо круче всяких там «соросят».

Поставил бокал на стол.

Затем выпил.

– Хороший тут у них рислинг. Я расскажу вам кое-что существенное. По интересующей всех нас теме. Но расскажу не здесь. Расскажу, если ты, Борис, поможешь мне.

– Борода, я выбрал сторону.

– Да я не про пафос. Я по существу. Вы все поймёте, что я имею в виду. Когда я расскажу вам кое-что. Но мне нужны ноты. Ноты, которые запускают резонатор. Запускает резонатор много всего, но в числе прочего, должен прозвучать ключ. Человек, который знает этот звуковой ключ, не дал мне ноты. Он вообще исчез. Нет, не совсем исчез, но его нет дома. Он вышел на связь, сказал, чтобы я его не искал, и сказал, что мелодию знаешь

ты, Борис. Речь идёт о каком-то «Вальсе в метро». Я гуглил это словосочетание по самым продвинутым музыкальным архивам, но никакого «Вальса в метро» нигде не обнаружил.

Херсонский задумался.

– Господин Баратэску, да вы закусывайте. Такая рыба в Темзе не водится.

– В Стиксе тоже, – Бородецкий не сдавался и пытался острить.

Наконец, Борис произнёс.

– Борода, старик твой немного ошибся. Наверное, речь идёт о композиции, которую Соловей написал. Только она называлась не «Вальс в метро», а «Подземное кружение». Кто-то, наверное, перевёл название на англиш, а кто-то другой, потом, – назад. Ну, вспомни, мы её играли на «Весенних слонах».

Херсонский взял пять стаканов, наполнил их негазированной минералкой таким образом, чтобы они соответствовали определённому музыкальному строю.

– Нет, не ждите, что получится Феллини. И даже Евстигнеева не ждите. Но, тем не менее.

И он, вооружившись ножом и вилок, отбарабанил мелодию, ради которой Баратэску рискнул потерять целых двое суток, разыскивая своего однокашника в этом городе, представлявшем собою нейтральную зону.

– Идиот. Какой я идиот. Это же Underground Waltz... Название мы исковеркали сами. Мы же тогда как раз изображали из себя «Митьков». Ну, хорошо. Долг платежом красен. Поделюсь с вами кое-какой информацией. У меня есть примерно час времени. Давайте, пройдёмся немного по воздуху, что уж тут сидеть как мишени в тире.

3. Лекция Бородецкого

– В Крыму я приврал, конечно, но не во всём. Кое-что из сказанного мной тогда является правдой. Сейчас вы поймёте, что я имею в виду.

Ну, вы все, разумеется, в курсе того, что за лужей в своё время был разыгран спектакль с так называемой «Великолепной дюжиной», Majestic-12. Я говорю о спектакле вот почему. В русском массовом сознании существует такой мэм «жидомасонский заговор». И для любого публичного человека упоминание об этом заговоре стало бы последним публичным выступлением. Нет, никто бы никого не убирал, но репутация... Поэтому будь у вас на руках даже факты, стопроцентно доказывающие существование заговора, вы этими фактами всё равно не сможете воспользоваться. Потому что факты не могут существовать вне парадигмы. И если парадигма изначально конструировалась ради того, чтобы вышучивать конспирологов, то тогда то, что будет для вас фактом, для собеседника будет просто бредом маниакальным.

Таким образом, сам факт существования мифа о Majestic-12 служил замечательной ширмой. Делайте всё, что угодно, но никто вас не воспримет всерьёз. Поэтому team мог совершенно спокойно заниматься мегалитами, не опасаясь того, что их исследования кто-то воспримет всерьёз.

Ну, Majestic-12! Это же городские сумасшедшие! Принимать их всерьёз – всё равно, что верить в Супермэна или в Человека-паука.

Между тем, мегалиты исследовали, каталогизировали. Выделив в основную группу те строения, которые отвечали определённым критериям. Это не должны были быть объекты «культы карго», и там должна была быть в неповреждённом состоянии система, которую мы условно называем дренажной.

То есть речь шла об объектах, сооружённых допотопной цивилизацией. Несмотря на формально протестантскую веру, «пендосы» веруют в инопланетян. Русские исследователи, формально веровавшие либо в атеизм, либо в Православную веру, впрочем, точно так же веруют именно в пришельцев. Ну, это когда речь не о «скрепах», а когда дело доходит до разговора всерьёз, до поиска парадигмы, контекста осмысления.

В общем, в Штатах занимались мегалитами в контексте предположения о том, что если их запустить, то работать эти камни будут наподобие мифических «башен Теслы». Тема получилась многообещающей, в духе модных трендов про экологическую энергетику. Да и можно было слегка потроллить ребят, стоящих за арабской нефтью и вашим Газпромом.

Но те, кто прикрывался масками Majestic-12, пошли не по тому пути. Поскольку они веровали в НЛО, то пусковой механизм, согласно их логике, должен был находиться в одном из кораблей пришельцев, якобы спрятанных под одним из тех особенных мегалитических объектов, о которых я упоминал раньше.

А вот наши с вами соотечественники пошли по правильному пути. Хотя и совершенно случайно попали в коридор, ведущий к нужным дверям. Впрочем, в коридор попали в правильный, но до двери так и не дошли. Хотя и оставалось всего ничего.

Я имею в виду проект «Комната», которым занимался НИИ Космической медицины. Собственно «комната» представляла собой камеру из гранита размерами семь метров на одиннадцать, внутри которого был сплетён кокон из медной проволоки. А внутри кокона...

– Игла Кашея Бессмертного, – подал голос помалкивавши всё это время Фома.

– Нет, не совсем. – Бородецкий сейчас не был настроен шутить. Он, вообще, как оказалось, был человеком не самого оптимистического склада.

– Внутри находилось кресло психонавта. Ну, того, чью нервную систему необходимо было оперативно привести в порядок и даже мобилизовать.

Разноцветные сполохи света, послушные пульсу медитативной музыки, звучащей внутри «комнаты», погружали человека в некое, так сказать, изменённое состояние. А все впечатления, которые переживал испытуемый во время сеанса, фиксировались при помощи шлема. Шлем передавал сигналы на записывающее устройство ЭВМ.

Шлем не просто служил для прикрепления всяких датчиков и шлангов с проводами. Необходимо было изменить свойства мозгов, и наши мозги в сочетании со «шлемом» формировали некий виртуальный мозг, якобы соответствующий тому, что помещалось внутри т.н. «длинных черепов» легендарных нефилимов.

Команда, расшифровывшая эти сигналы, состояла как из тех, кто был стойким материалистом, так и из тех, кто увлекался всяческими фрейдизмами. И прочими буржуазными псевдонауками. Ну, понятно, что делалось это для того, чтобы не было заикленности.

Интересно, что изначально требования госзаказчика к проекту были крайне расплывчатыми. Заказчики и сами толком не знали: чего им надобно? Некие примерные требования.

Но хорошее финансирование, компетентность коллектива, задор, присущий физикам и лирикам, – всё это закономерно привело к тому, что результаты экспериментов превзошли не только осторожные требования заказчика, но даже и неофициально высказываемые пожелания.

– Так, а чего от них в принципе хотели добиться-то?

– Первоначально от них требовалось создать нечто, вроде «Комнаты психологической разгрузки», оборудованной приборами, фиксирующими протекание психофизиологических процессов у «разгружаемых». В этой «комнате» человек должен был не просто отдохнуть и расслабиться, но, как сказали бы в эпоху всеобщей компьютеризации, «перезагружаться».

«Комната» предназначалась для «перезагрузки» нервной системы специалистов, которых можно определить как «операторов точных систем». Речь идёт, например, о космонавтах, военных лётчиках, диспетчерах аэропортов, бойцов элитных подразделений спецназа и т.д.

«Перезагрузка», как я уже говорил, осуществлялась посредством погружения сознания в некое изменённое состояние. Химия исключалась. Только физика. Цвет, звук. В общем, волны. И, разумеется, особая организация пространства.

Непосредственных требований по работе не конкретизировали. Необходим был результат. Гарантируемо повторяющийся результат. Ну, наука же как-никак. Точность кодирования параметров, соответствующих психосостояниям.

Над цветомузыкальными кодами работал специалист по Египту Илья Шершнев. Музыкальные аранжировки к цветовым пьесам писал знаток американских психоделических рок-групп Артемий Эдуардов. Приборы делались одним из «ящиков» одного из приморских городов.

– Батенька! Так Вы же рассказываете про «Гермес»! – Директор Биостанции был немного в курсе того, чем занимались в НИИ Космической Медицины.

– Именно. Итак, результаты превзошли самые смелые ожидания. А потом нагрянула перестройка вкупе с гласностью, и всё зашаталось. Зашаталась, в том числе, и эта самая шарашка. Вскоре проект закрылся, а собственно «комнату» раздерибанили на вторсырьё. Сами же фрейдисты с марксистами разбрелись кто куда. Кто вписался в рынок и стал обучать колдовству вчерашних атеистов, почуявших вдруг тягу к неведомому. Называлось это дело «коучингом по экстрасенсорике». Ну, кто-то, ясное дело, сразу угодил в дурдом. Кто-то ушёл в религию.

А вот моего отца, Баратэску-старшего, работавшего в этом проекте, подобрали шпионы британской разведки. Нет, ну, не «Джеймс Бонд», конечно, но почти. «Новичком» тогда перебежчиков не травили, так что всё обошлось. Да и кому травить-то? В Кремле сидели менеджеры белых сахибов, так что всё путём.

Попал отец в закрытый исследовательский проект, занимавшийся... правильно. Проблемами телепортации. Только эксперименты проводились не в самодельном пенале из гранита. А в аутентичных камерах-резонаторах. Встроенных в мегалитические объекты, оставленные нам, гомо-сапиенсам на память от допотопной цивилизации.

Борис помнит, когда мы были студентами, у меня был в личном пользовании персональный компьютер, штука, совершенно невыносимая для студента начала 90-х. Откуда у меня мог взяться предмет, который тогда стоил почти столько же, сколько квартира? Но мы тогда не особо думали о земном. Всё больше о том: как мир изменить. Да и самим прославиться. Мир изменить не удалось. Прославиться – тоже. А потому решил я бросить «пароходную школу», где мы вместе с паном Херсонским постигали премудрости автоматизации судовых систем, и уехал к отцу. Заниматься в его лаборатории.

– И что: за полвека вы там не смогли подобрать ключа? Имея ресурсы и технологии.

Баратэску указал рукой на крепость.

– На месте теперешнего Белграда уже в античное время были какие-то там римские поселения. Потом поселения пришли в запустение. Потом чего-то сооружали другие властелины оной местности, потом – турки. Если смотреть на этот процесс неким отстранённым взглядом компьютера, фиксирующего технологии в хронометраже, то всё будет выглядеть каким-то нелепым топтанием на месте. С периодами прогресса, перемежающимися периодами деградации. А между тем речь идёт о перипетиях человеческой истории, с её драмами и трагедиями. С её роковыми ошибками стратегического характера.

Вот скажите: разве сто лет назад, когда шарахнули атомной бомбой и стремительно приступили к освоению космического пространства, мог бы кто-то поверить в то, что НТР захлебнётся, и, вместо того, чтобы бороздить это самое пространство, люди будут убивать время просиживаниями в виртуальной реальности. Причём вести себя будут не как мифические прогрессоры, а как подопытные крысы, которые нажимают рычажок, пускающий импульс удовлетворения до тех пор, пока не околевают. Так и тут. Шарашка наша капиталистическая помаленьку работала, но появлялись иные приоритеты. То же самое клонирование.

Борис почувствовал, как Генерал напрягся при словах о клонировании.

Баратэску либо не почувствовал этого, либо сделал вид, что не чувствует сгущавшейся атмосферы.

– Но теперь тема с клонированием полетела вверх тормашками. И крысы теперь начинают разбегаться кто куда. Ну, я о тех крысах, которые вовремя поняли, что жизнь не сводится к рычажкам.

Ну, что ж. Пора прощаться.

Вашу контору придумал я. Придумал, и предложил людям, курирующим процессы, происходящие в Евразии, сфабриковать такой патриотический тайный орден. Всё равно ведь патриотов нужно куда-то девать. Не всё же убивать в локальных конфликтах. Которые так удобно использовать для регулирования количества пассионариев.

Тему подкинули многообещающую. Но, при этом, – совершенно безобидную. Заодно готовя вас на роль потенциального объекта насмешек. И так далее. Про это я в аэропорту не врал.

– Почему мы безобидны для Ваших хозяев?

– Потому что те мегалиты, которые можно использовать находятся вне досягаемости вашего горе-ордена. Индокитай, Мезоамерика, Египет. Где – из перечисленных мест – вы смогли бы спокойно заниматься полевыми научными исследованиями? Приехали сюда, намерены поковырять эти холмы в Боснии. Да ковыряйте на здоровье! Даже если предположить, что сумеете разгерметизировать систему, восстановить дренаж... Ну, и что дальше? Да что там говорить. Представляете себе объём предварительных работ? Даже если бы вдруг случилось маловероятное – и вы бы подготовили этот объект к той степени, в которой находятся объекты, которые давно уже контролируют британцы... Ну что дальше-то? Если бы вы зашли слишком далеко, то вас бы остановили. Ну, просто замутили бы тут очередную бойню, только теперь не между православными и католиками, а между протурецкими мусульманами и проарабскими. И всё. Какая наивность просто гомерическая! Вроде же взрослые люди...

Ну, вот так. Я благодарен вам за помощь. Думаю, информация, которую я вам предоставил, стоит того, чем поделился сегодня со мной Борис Моисеевич.

И обратился уже непосредственно к Борису:

– Если б ты знал, как я ненавижу всю эту байдуню! Засесть бы с пивом, Соловьём и тобой, и поиграть в какое-нибудь Трио Архаичного Джаза*... Да не судьба. Прощай.

Бородецкий торопился не зря. На ключевых фигур «Мёбиуса» вот уже несколько дней велась серьёзная охота. Кто-то пытался скрыться от мстителей в Новой Зеландии, кто-то, напротив, в злочных кварталах Еврабии. Баратэску решил сбежать от киллеров в другое измерение. Или, по крайней мере, в далёкое прошлое.

Задержка была именно со звуковым ключом. Экспериментировать на компьютере с подбором музыки времени не было, а старичок, сбывший ему Дневники, куда-то пропал. На месте его так и не удалось найти, но, впрочем, он объявился сам, переслав странное сообщение: «Пусть Херсонский сыграет Вам «Вальс в метро», и тогда в «комнате» откроется дверь. Но это будет не просто портал. Это разверзнется Шеол. Учтите это!»

Теперь, когда звуковой ключ был у него в распоряжении, оставалось только выбрать: какой из станций наименее рискованно воспользоваться? Где именно он будет пытаться выйти из пространства XXI века от Р.Х., пока ещё решено не было. Вначале нужно было убраться из Старого Света. Быстро и, по возможности, незаметно...

4. Трансформаторные будки нужно держать запертыми

– Да, – сетовал заметно постаревший за эти трое суток генерал. – Одурачил нас супостат.

Воинственный пенсионер ощутил, как пустота постепенно отвоёвывает у него всё новые и новые внутренние пространства. Теперь, когда противник исчез из прорези прицела, вновь стали ребром вопросы: против кого бороться? Кого объединять в «дружбе против»?

– Одурачил. В который раз уже. То что-то стоящее заставят считать нас «лженаукой». То наоборот. Чепуху какую-нибудь – перспективным направлением. А мы всё ведёмся. То на «Звёздные войны». То на эти наши «Космические ворота»...

Мимо, пританцовывая, проковыляли несколько подростков, изображавшие движения кукол-марионеток. Эти ритмичные подёргивания назывались «стилем Пиноккио». Когда-то молодые люди пытались изображать подчёркнуто угловатые движения как бы роботов, которые по логике выстраивания пластических контрастов, перемежались струящимися движениями и виртуозной акробатикой. Назывались эти ритмические упражнения «брэйк-дансом». Дети асфальта таким образом демонстрировали некие ритуальные танцы, изображающие таинство слияния человека с промышленной средой. Сейчас в моде уже другие ритмы, звуки которых, как уже отмечалось, и не слышны стороннему наблюдателю. Всё теперь транслируется прямо в башку, ну, точнее, в нервные центры. И человечки, так и не ставшие людьми, с упоением отдаются игре в марионеток.

– М-да, а ведь деды этих пацанят были для нас воплощением того, что глобалистам можно сопротивляться. Сербия была знаменем.

– А наши-то пацанята – чем лучше? Всех зазомбировали. Всю планету. В стадо превратили.

– Люди сами выбрали то, что им по душе. Что нам по душе. Точнее выбрали, конечно, за нас. Но мы приняли.

Директор Биостанции продолжил тот самый спор с Генералом, к которому они возвращаются всякий раз, когда в работе возникает пауза.

– Разве мог себе кто-то сто лет назад представить, что обожествляемый почитателями Жюль Верна, Циолковского и Нобеля Научно-Технический Прогресс – в конечном итоге будет сведён к тому, чтобы выстроить высокоэффективный электронный концлагерь, который, впрочем, человеческая популяция выберет совершенно добровольно?

Космос, который начинался с величественных утопий, в конечном итоге свёлся к бизнесу частных аэрокосмических компаний. И весь прогресс теперь принял понятную любому бухгалтеру форму выражения: сколько долларов будет стоить доставка на орбиту килограмма грузов? «Ваш спутник весит десять тонн? Очень хорошо. Платите двадцать миллионов! Нет? Не устраивает? Хотите найти аэрокосмическую шарашку, которая выведет спутник на орбиту за восемнадцать? Ну, ищите...»

– Ну, во времена Холодной Войны ситуация была другой, – пробурчал Генерал.

– Да в сущности-то то же самое – шпионаж. Просто тогда были конкурировавшие проекты будущего. А когда конкуренция закончилась, то и космос занял свою скромную нишу. Бороздить что бы там ни было никто уже не намеревался. Да и потом: положила руку на сердце... А зачем бороздить? Чтобы найти «братьев по разуму»? Так они и так скоро сюда

к нам заявятся. В качестве мудрых спасителей человечества. Через эти самые порталы и заявятся.

Генерал решил сменить тему:

– Да, Антон, кстати. А что там было в блокноте отца Виктории?

– Там в основном упиралось на то, что странности, связанные с характером заполнения ходов в мегалитах, привели его к мысли о работах по консервации объектов. Даже больше. Не столько о консервации объектов на некий стратегически длительный срок, а о создании неких саркофагов. Защитных сооружений типа того, что пытались сделать в Чернобыле.

– То есть некто позаботился о том, чтобы малыши не совали пальцы в розетку...

– Там, кстати, любопытные рассуждения в том числе и об этом. Сейчас прочитаю, чтобы было дословно.

Антон достал блокнот и быстро нашёл нужное место.

– Вот. «Человек по глупости своей полез голыми руками в трансформаторную будку. Его понять можно: понадобились медные провода для изготовления каких-то штучек. Пулек для рогатки нужно было из чего-то сделать или украшение хотел он смастерить, не важно. Дорвавшегося до работающих трансформаторов любителя цветмета долбануло хорошенько. Но его откачали. Руки-ноги теперь толком не работают, мозги тоже с переборами. Теперь так и живёт: перемещаясь на коляске.

Эта коляска – наша промышленная цивилизация. Она помогает нам, лишившимся заложенных в нас Творцом былых возможностей, хоть как-то выживать в агрессивной среде.

Могли раньше камни ворочать и силой мысли воздействовать на реальность. На некоем уровне – м.б. и квантовом, а теперь – нет. Теперь только на костылях, с пилами и машинами на двигателях внутреннего сгорания. Чтоб не наделали чего такого.

А трансформаторную будку теперь не просто на ключ закрыли, а заварили дверь. Чтоб калеки опять не полезли туда. За блестящими проводками из цветмета».

Карабас ухмыльнулся. Ему понравилась метафора с трансформаторной будкой.

Генерал не сдавался, намереваясь отсутствие результата превратить в результат.

– Если подвести итог сказанному, то выходит так, что для работы с мегалитами необходимо выполнить ряд условий, и эти условия нам известны.

Первое: есть работающие объекты, а есть макеты, то есть то, что относится к карго-культам.

Второе: одним из критериев исправности работы объекта является функционирование дренажной системы. При этом, сейчас не важно: какую именно функцию выполняет ток воды.

Третье: Ключом зажигания является мозг, но этот мозг должен обладать некими свойствами, которыми наше «серое вещество» не обладает, однако свойства эти могут быть воссозданы при посредстве «шлема», создающего фантом мозга, соответствующего «мозгу обладателей длинных черепов».

Четвёртое: мозг включается в особое состояние посредством особого звукового ключа. По всей вероятности, ключ – по тембру звучания – должен соответствовать каменным вибрафонам.

И, наконец, пятое: от несанкционированного доступа объекты – речь идёт о камерах-резонаторах – защищены саркофагами. Плотным наполнением каменной породы в ходах и облицовкой из полигональных плит.

У кого-то есть дополнения?

5. «Ну, я и влип!»

«Дунн... Думм... Дунн... Донн...»

Чарующие звуки инструментов, так забавно напоминавших окаменевшие французские батоны, в согласии с нашёптыванием воды, струившейся где-то в толще гранита, погружали пилотов-мнемоников в состояние полной безмятежности. В этой топи полусна и не хотелось ни за что цепляться.

Стирались и границы своего «Я».

Пилоты лежали в геометрически безукоризненной тёмной камере, вырезанной в толще скалы. И пребывание там рождало состояние отрешённости от всего сущего. В тёплом, чистом и сухом мире не было ничего, кроме звуков, издаваемых этими батонами. Впрочем, нет. Не совсем так. Порою мнилось, что вибрируют даже и не стены камеры, а вообще – всё. Поневоле смиришься с тем, что и тело-то наше – так... всего лишь один из возможных вариантов оболочки сознания.

Доносились лишь гудящие и клокочущие звуки литофона, точнее, казалось, что звучат уже не эти багеты, обозначенные в рукописи забавным словом «франзоли», но поёт вся скала. И всё, в ней находящееся.

Искра сознания личности гасла.

«Стоп. Какие «франзоли»? Какая рукопись? А... ладно. Шут с ними. Какие там «франзоли», если уже ничего нет вообще».

Слышно лишь «Донн... дунн-донн». И тихий шелест воды. Далеко. Очень далеко отсюда.

«Откуда ни возьмись, появилась контролёрша и стала требовать плату за проезд. А открытые двери вагона – вот они, совсем рядом. Можно ушмыгнуть. Но ноги не слушаются. Достают какие-то огромные монеты с отчеканенным барельефом «Камня Солнца».

Интересно, откуда у меня мексиканские монеты?

Может быть, польские или китайские подделки?

Вряд ли. У мексиканской монеты проба – ниже некуда. Десять процентов серебра. Смысл подделывать? Отдам, пусть отстанет.

Но никакой контролёрши уже нет, а рядом, на соседней полке в купе железнодорожного вагона, такого, в которых мы когда-то любили путешествовать, когда позволяли средства, уже сидят трое каких-то цыган. Сидят и глядят на меня.

А, нет. Не цыгане. Латиносы какие-то. Чада солнечного Гондураса. Или Эквадора. Крепкие, коротко стриженные, в солдатских ботинках. Да, в берцах. Кто сталкивался, ни с чем другим не спутает.

И смотрят чего-то так пристально. Что им от меня нужно?

Поезд нырнул в тоннель».

Один из пилотов-мнемоников зашевелился было, но никаких сил сопротивляться наваждению не было. Не было и желания отделять себя от этих волн, от колебаний вселенной вокруг.

«Опять эти пограничники. Или таможенники.

Откуда в вагоне метро взяться пограничникам? Полиция? Или просто гопота? И никого нет рядом, только дрыхнет кто-то в углу вагона.

Но агрессии от них нет. Не пугают. А чего их бояться? А сколько можно всех и всего бояться! И вообще. Да что они сделают? ...»

Бородецкий очнулся первым. Было тихо. Только где-то далеко шелестела вода.

Он приподнялся и кашлянул. Рядом кто-то зашевелился.

«А, второй пилот. С кем меня сегодня запустили? Не припоминаю...» – Вяло размышлял опытный пилот-мнемоник, собиравший впечатления, которые потом, по возвращении на базу, сканировали нооскопом. Затем кодированную информацию опять возвращали в мозг исследователя, и он комментировал бумеранги картинок.

Но это там.

А тут, покашливая, он покидает пространство камеры-резонатора, чтобы изучить тот кусок реальности, в который их угораздило заскочить в ходе «трипа» на этот раз.

Бородецкий зацепился головой за камень и невольно ойкнул.

Опять закашлялся.

«Стоп. Что-то не то».

Ощущений такого рода быть не должно. Портал перемещает лишь сознание того, кто укладывается в камеру-резонатор. Сознание перемещается, а тело лежит себе, поживает.

Бородецкий нажал пальцами на правый глаз. И картинка на мгновение раздвоилась.

«Так. Не может быть. Я вижу то, что входит в сознание через глаза».

Пилот лёг на пол камеры и закрыл глаза. Рядом ворочался второй пилот.

«Так. Похоже, мы влипли».

И тут он вспомнил...

Да ведь сейчас же никакой не «трип». Сейчас он вовсе не мнемоник-психонавт. Сейчас он испытывал работу резонатора – как камеры, осуществляющей телепортацию.

Дневник академика. Ноты, по которым их запускали, были из того Дневника. Хозяин Дневника предупреждал его, что по этому коду в тоннель через портал отправится не только лишь сознание.

«Но смогут не только лишь все». Неизвестно откуда в голове Бородецкого мелькнула эта нелепая фраза.

Итак, сработало. Камера отправила в трип всего Бородецкого. Не фантомом, а тушкой.

«Или чучелом?»

Пилот аккуратно покинул камеру, стараясь не будить второго пилота. «Пусть поспит. Успеет ещё насладиться новым дивным миром...»

Неба не было.

Как-то неестественно низко над долиной висело плотное одеяло сплошных облаков. Дышать было нелегко. Но терпимо.

Бородецкий опять закашлялся.

«Надо быстро соображать. Как можно восстановить устойчивое сообщение?»

Он прошёлся по земле, которая, казалось, вливала в него молодую силу.

«Значит так. Убираться отсюда можно точно таким же образом, как мы сюда и приехали».

Несмотря на то, что атмосфера давила, и дышать было не очень легко, но, в то же самое время, силы восстанавливались каким-то непостижимым образом. Поневоле вспоминались истории о «питании Духом Святым», истории, которые давно и безвозвратно превратились в пренебрежительный штамп.

Покашливая, Бородецкий подошёл к выдолбленному в скале «фонтанчику» и напился воды, струящейся прямо из отверстия в граните. Новый прилив сил был встречен пилотом как должное. А ведь ничего не пил – не ел уже не одну тысячу лет. Если предположить, что сейчас ориентировочно шесть тысяч лет до Рождества Христова. А то и все семь.

«Впрочем, всё идет прямо по писаному. Повышенное атмосферное давление, обусловленное наличием пароводяного купола, приводит к повышенному парциальному давлению кислорода. Что, в свою очередь, способствует большему насыщению кислородом организма. А раз так, то совсем иначе ведёт себя обмен веществ. Тут можно жить на одних овощах и фруктах, и этого будет вполне достаточно.

Осталось только встретить прекрасную туземку, и мне вообще перехочется эвакуироваться из этого чудесного мира. Но, боюсь, всё это напоминает какую-то космо-мелодраму в духе Рэя Брэдбери».

Как бы там ни было, туземка появилась.

Пригожая, грациозная, и, надо полагать, не ведающая ни о феминизме, ни, даже об эмансипации. О чём, и о ком же ещё можно мечтать!

Бородецкий прижал руку к сердцу, затем поднял её вверх, ладонью в сторону незнакомки, и произнёс первое, что взбрело ему в голову:

– Пакс вобискум!

Туземка сморщилась и рефлекторно отпрянула.

«М-да, вот уж это наше чужебесие! Откуда же туземцам знать латынь? Уж скорее они поймут по-армянски, или там по-еврейски. Или на санскрите? Ну, в любом случае, латынь вряд ли можно употреблять в качестве средства межцивилизационного общения».

Туземка, между тем, зацокала и защёлкала, жестикулируя при этом.

«Понятно, общаются наподобие того, как наши бушмены».

Цокать и щёлкать по-бушменски Евгений не умел, поэтому просто стоял и глядел на юную туземку любящими глазами.

Тут из-за камней выглянули ещё несколько туземцев. Одеты они были просто, но аккуратно. Никаких шкур и ожерелий из клыков саблезубых тигров и прочей допотопной фауны.

К Бородецкому подошёл малыш и отважно потрогал его пальцами. Он что-то зацокал своим соплеменникам, и те последовали его примеру.

«Ага, они боялись, что я – это не человек, а некий призрак. Ну, ясное дело, явился неизвестно откуда, облачение странного фасона. Ну, изучайте. Мне не жалко!»

Девушка протянула Бородецкому какой-то тропический фрукт.

«Уж не плод ли с Древа познания Добра и Зла?»

Впрочем, я же не Адам, так что можно есть смело. Грехопадение, судя по всему, уже и так совершено. Без моего участия».

Плод был, наверное, очень вкусным и полезным, потому что пилот ощутил новую волну прилива сил. А вот запаха и вкуса этого овоща он не почувствовал.

«Наверное, что-то у меня с нервами. Не пришла ещё система в норму. Путь был неблизким».

Туземка, окружённая уже почти взводом разнокалиберных малышей, повела Бородецкого по тропе вглубь леса. Селение туземцев представляло собою полтора десятка шатров, расположенных на поляне кругообразно.

Туземцы что-то цокали и щёлкали, подходя и аккуратно прикасаясь к одежде Бородецкого. И, всё же, несмотря на то, что пилот пытался изображать бодрячка, и даже внушать самому себе, что всё складывается весьма романтично, нарастало чувство тревоги и ощущения близкого присутствия неких невидимых глазу существ.

И если оранжерейную духоту ещё можно объяснить причинами физиологической некомфортности, то объяснить физиологией это чувство было бы самообманом.

Поэтому когда где-то за спиной раздался властный голос и туземцы повалились на землю, Бородецкий был морально готов к самому худшему.

Обернувшись, путешественник понял, что лучше бы он не просыпался. Точнее, лучше бы он вообще не ложился спать в эту гранитную коробку. От трёхметровых великанов исходила такая сила, как будто мимо вас проносится поезд метро. Да вот только когда поезд останавливается, это ощущение всеокрушающей мощи тут же куда-то уходит, а ныне эти самые стоят ожившими истуканами острова Пасхи, и давление сгустившейся силы никуда рассеиваться не собирается.

Бородецкий чуть было не повалился перед этими источавшими власть громадинами с образами неандертальцев, но удержался. И лишь склонил голову, продолжая исподлобья наблюдать за теми частями ног гигантов, которые оставались в его поле зрения.

Один из гигантов что-то пропел, и Бородецкий взглянул ему в глаза.

В тот же миг другой громила коротко икнул и Евгений потерял сознание.

6. Самое главное оружие

Поскольку поездка в Боснию отменилась, то Гойко Ранкович предложил нашим исследователям съездить в монастырь Рукумию, где путешественники могли бы передохнуть и в мирной обстановке переосмыслить всё, произошедшее за последние десять дней.

Генерал сильно приуныл, поскольку внезапно наступившее затишье вселяло в него нешуточную тревогу.

«Против кого теперь дружить?»

В свою очередь Антон ощутил неизъяснимую радость от того, что эта более чем сомнительная затея так благополучно закончилась. Теперь он с каким-то новым, доселе неизведанным ощущением мира в душе, старался поддержать товарищей, готовых впасть

в отчаяние. Всё-таки, эти десять невероятно фантазмагорических дней наполнили жизнь каким-то смыслом. И не каким-то, а достаточно высоким, что уж там...

Сидя в трапезной монастыря за столом, помнящим локти многих, наведовавшихся в эту обитель, герои нашего повествования делились своими мыслями с игуменом, который неплохо понимал по-русски. А то, что игумен недопонимал, ему внятно растолковывал Гойко.

– А какое бы могло получиться чудо-оружие! Победили бы глобалистов! Построили бы цивилизацию справедливости! – продолжал мечтать генерал.

– Справедливости и Духовного Роста! – вторила ему Дина.

– Да не было бы никакого царства справедливости и духовности, тут, кстати, Баратэску, отчасти, прав. Ну, когда называл нас теми, кто на месте разрушенной мелкими бесами христианской цивилизации, мог бы заложить фундамент новейшего и последнего якобы теократического государства. – Антон решил, что где, как ни в монастыре, поставить, наконец, точки над «i».

– А что же касается наилучшего оружия, то таковым являются не освобождённая энергия ядер – как это казалось сто лет назад; и не освобождённая энергия неких потусторонних сил, как это казалось нам ещё несколько часов назад.

– Что же является таковым?

– Нет оружия сильнее игрушечной шпаги.

– Не понимаю.

– Какая-то «крапивинщина»? – Вторил Генералу Борис Моисеевич.

– Да, почти. Я, правда, не знаю, что такое «крапивинщина», но ладно. Да, я о воспитании. Такие-сякие разэтакие англосаксы додумались ещё в девятнадцатом веке, что если нужна власть над миром, то нужно обрести власть над сердцами и умами молодёжи. Чтобы обрести власть над умами, нужны не только и не столько победы в прениях академических, сколько популяризация тех идей, которые тогдашние политические инженеры считали стратегически важными.

Причём речь идёт не только об идеях созидательных, но и о вирусах, идеях разрушительных. Понадобилось развалить Испанию с Францией – забросили им вируса масонского про «свободу, равенство и братство»; Понадобилось развалить Германию с Россией – получите марксизм и «пролетарии всех стран соединяйтесь». И наоборот, хотите увидеть, как выглядит образцовое общество – читайте книжки про Шерлока Холмса и про Пуаро. И там вы увидите «старую добрую Англию». Заметьте, я говорю не о философиях, а о произведениях, относящихся к качественной массовой культуре. То есть о том, что читали наши не такие уж далёкие предки. Читали и зачитывались. О том, какую музыку слушали и считали эталонной.

– Хорошо. Качественная массовая культура. Нацеленная на подрастающее поколение. Но почему «игрушечная шпага»? А не, скажем, «игрушечный бластер»?

– Потому что шпага – это атрибут личной отваги. Бластером можно разрушить противника из засады, с недостижимого для ответного удара расстояния. Бластер – это упование на технический аспект схватки. А вот шпага – совсем другое дело! Шпага – это способность к риску. Это – принципиально иное.

– Хорошо. Вы, Антон, советуете переключить нашу энергию на культурное сопротивление. Вы полагаете, что спасти человечество можно будет в том случае, если мы сможем победить в столкновении на поприще массовой культуры.

– Не совсем так. Точнее, совсем не так. Я сказал, что «нет оружия сильнее шпаги», но я не сказал, что нам удастся отобрать у молодых людей игрушечные бластеры из компьютерных реальностей и предложить им преобразить землю, на которой мы живём, и самих себя, свои собственные тела и души.

Сегодня уже поздно. Уже позже, чем кажется.

– Так, понятно. Вы, Антон, пораженец, – внезапно посуровел генерал. – А Вы, Борис Моисеевич, готовы стать в строй бойцов культурного фронта?

– Видите ли... Я, как и Антон Павлович, не очень верю в возможность спасения человечества. Но верую в возможность спасения каждой конкретной отдельно взятой человеческой души. В этом деле нет, да и не может быть универсальных инструкций. Путь может быть разным. Кому-то достаточно накормить голодного, а кому-то едва хватает жертвы всего, что было ему дорого в этой жизни. А то и жертвы самой своей собственной жизни.

Потом, видимо, смутившись собственной патетичности, скомкал сказанное дежурной скороговоркой:

– Ну, как-то так...

– Хорошо. Что думает наш специалист по декодированию, отметившийся невоздержанностью в употреблении горячительных напитков?

Фома до сих пор, всё-таки, немного побаивался генерала. К тому же, он отдавал себе отчёт в том, как глупо он той пасхальной ночью подставился сам и едва не подставил товарищей. И, тем не менее, речь его была речью «не мальчика, но мужа».

– Давайте с самого начала. Как всё это дело выглядит со стороны. Я – чтобы не сбиться, записал некоторые тезисы, так что теперь прошу разрешения у собравшихся подглядывать в свою шпаргалку.

Он достал аккуратно сложенные листки и разложил их на столе.

– Итак, сотрудников некоего НИИ, то есть нас троих, привлекают к исследованию таинственных объектов, с целью выяснить их функциональность. Мы присоединяемся к участникам проекта, который курируется спецслужбами, имеющими покровительство на самом вершине. Мы соглашаемся поиграть с огнём, не сразу отдавая себе отчёт, чем эта игра может быть чревата.

Это – лирика, но от неё никуда не денешься, мы же не роботы.

А теперь физика. Перед участниками программы поставлена задача: выяснить, как работали эти объекты, опоясывающие планету? Этот вопрос мы, худо-бедно, не без посредничества конкурирующей фирмы, но, вроде бы, выяснили. На вопрос: «Как их строили?» ответа нет вот уже около сотни лет. В качестве рабочей гипотезы остаётся предположение, что мегалитические объекты, сложенные из полигональных камней, созданы теми людьми, которые ещё имели непосредственный контакт с Творцом.

Этот опыт непосредственного контакта давал возможность использовать некие немеханические способы воздействия на объекты материального мира. Механизм этого воздействия нам не ведом, тут остаётся простор для самой буйной фантазии.

Фантазии небезопасной. Потому что идея вступления медиумов в некий некромантический контакт с существами, якобы имевшими отношение к мегалитам; затем фиксация при помощи нооскопа тех впечатлений, которые получили бы медиумы в результате этого оккультного сеанса, – всё это с точки зрения религиозной мысли – игры с нечистью.

Нельзя бороться с Содомом при помощи преисподней. Иначе чем мы лучше пресловутых иезуитов?

У меня пока всё.

Генерал повертел в руках карандаш и спросил:

– А что же плохого в том, что для достижения благой цели не всегда приходится выбирать средства? Тем более, что лозунг иезуитов, десять раз таких-сяких, звучит полностью так: «Цель оправдывает средства, если эта цель – спасение души!» Что вы на это скажете, господа специалисты по коммуникациям?

– Господин генерал, – мне кажется, такой вопрос лучше задать духовному лицу. Вот, отец игумен, наверное, что-то скажет по существу. Отче, скажете?

Игумен аккуратно вытер уста салфеткой, осенил себя крестным знаменем и сказал следующее:

– Латиняне неверно понимают спасение души как таковое. В католической религии, да и в магометанской тоже... – Он слегка призадумался, – да, наверное, и в иудейской, не знаю, я с ней не знаком... Во всех этих верах спасение понимается как исполнение закона. А потому они убеждены, что если держава заставляет своих подданных исполнять религиозный закон, то такая держава делает Божье дело.

Игумен приумолк, и генерал, горя нетерпением, воспользовался образовавшейся паузой.

– Так что, отче, выходит так, что пускай народ превращается в скот? В бесов? А мы будем сидеть в сторонке и размышлять о высоком!?

Игумен покачал головой.

– Нет, дорогой брат, не размышлять о высоком, а соединять душу свою со Духом Святым. Что сказал ваш русский великий святой батюшка Серафим? «Стяжи Дух мирен, и тысячи вокруг тебя спасутся». Было время, когда нужно было поднимать людей под знамёна и сражаться. Сейчас уже не то время. Теперь людей уже всё устраивает.

Генерал, при всём своём искреннем желании жить в согласии с Православием, всё-таки знал, что в Церкви существует разномыслие, и ничего плохого в разномыслии нет. Ибо должен же как-то выявляться искуснейший.

Антон почувствовал, что старый милитарист замыкается, и решил снова озвучить давно припасённую им метафору. Быть может, хоть так удастся впечатлить генерала, ранее заклеившего его «пораженцем»:

– В идеале неплохо бы, чтобы люди сами осознанно делали выбор пути, по которому стоит двигаться. А пока получается так, что как ни крути, а Баратеску высказал вещи, звучавшие своего рода приговором для нашего дела.

Что мы видим рядом с собой?

Людей погрузили в вагон поезда, и уносят всё дальше и дальше в преисподнюю. Мы – из самых благих побуждений – пытаемся сломать двигатель локомотива, чтобы остановить поезд. «Тогда», рассуждаем мы, «пассажиры покинут вагоны и дружными колоннами вернутся по мрачному тоннелю назад, на поверхность земли». Но я глубоко убеждён в том, что сломав Систему, подталкивающую людей к гибели, мы, всё-таки, не спасём этих людей. Напротив. Пожалуй, ещё и вред принесём. Потому что когда в подземелье сломается поезд, и все вывалят из остановившихся вагонов, то начнётся хаос. И наши пассажиры вцепятся друг другу в глотки.

– Значит просто стоять и смотреть, как лукавый супостат будет увлекать людей в вагоны этого поезда?

Генерал задал Антону совершенно логичный вопрос, тот самый вопрос, который – в той или иной форме откровенности – неоднократно задавали себе все собравшиеся. Настало время прозвучать ответам.

– Прежде всего, хочу сказать вот что: к себе самому я отношусь достаточно трезво. У меня нет никаких оснований считать себя мыслителем или, тем более, пророком. Но к своим убеждениям я отношусь серьёзно. Это важное замечание.

Мы пытались заниматься мегалитами, гигантскими каменными сооружениями неизвестного назначения. Полагая, что, научившись использовать энергию этих таинственных генераторов, можно остановить этот адский поезд.

А я убеждён, что спасти человека – нет, не человечество, а отдельного человека, – может не сеть гигантских каменных генераторов, а маленький камешек, попадающий в обувь. Точнее, не спасти, а подтолкнуть ко спасению.

Попадёт нам что-то такое в туфлю, мы можем перетерпеть и доковылять, куда шли. А можем и остановиться, чтобы вытряхнуть попавший предмет. И вот эта остановка – сделанная исключительно ради того, чтобы избавиться от неудобства, вызванного камешком, попавшим в башмак, – может, в конечном итоге, помешать кому-то вовремя подоспеть к вагону поезда, уходящего в преисподнюю.

Генерал молчал и продолжал машинально рисовать на листе бумаги какие-то шары, треугольники и кресты. Антон продолжил:

– Камешком в башмаке может стать всё, что угодно. Для нас таким камешком в башмаке стали мегалиты. Эти мегалиты подбросили нам именно Вы. Иначе мы бы так и продолжали плестись в сторону станции, откуда отправляются эти поезда, несущиеся под землю.

Теперь наша очередь искать то, что может стать камешками в башмаках тех людей, которые готовы вернуться с платформы назад.

– Хорошо. Проснулись-потянулись. А дальше что? – Не сдавался Генерал. – Устраивать массовые самоубиения, как когда-то наши старoverы? И как на прошлой неделе – несчастные клоны?

– Дорогой брат, – снова заговорил игумен. – Христос всегда рядом. Православные храмы в России хоть и прикрывают, но ведь ещё не закрывают. И там, в храмах, по-прежнему, за каждой литургией происходит чудо. Обычные вино и хлеб Господь Вседержитель превращает в часть Себя. И никто не запрещает людям причащаться Святых Таин. Было бы желание. Святые Тайны – это не «орден за Заслуги благочестия». Это – то Лекарство, Которое Спаситель оставил нам. И это рядом – только сделай шаг...

– Подождите. Это всё понятно. Ну а как же фраза Спасителя про то, что «принёс Он не мир, но меч»?

Антон впервые за долгое время попробовал помолиться. Причём движим был он в этом порыве вовсе не страхом за себя. Сейчас он пытался молиться и за игумена, чтобы Господь вложил в его уста именно то, что нужно сейчас услышать нашему неутомному милитаристу, и за генерала, чтобы воспринял.

– Спаситель тут говорит вовсе не о джихаде. Он говорит о разделении. Не в том смысле, как говорили марксисты, хотя в каком-то смысле и об этом. Не всякое объединение само по себе благо. И не всякое разделение людей – так уж плохо. Но дело не в этом. Человек должен в самом себе отделить верное от неверного. В самом своём сердце отделить веру от религии.

– Веру от религии? Ничего себе, заявочки. Вы, отче, никак «шмемановец»!

– Когда мы говорим о религии, мы говорим о тех переживаниях, подчас сентиментальных, которые связаны у нас либо с народным благочестием, либо со своим собственным психологическим опытом. опытом успокоения нервов в храме. опыта прикосновения к некому несуетному ладу храмовой культуры. Это всё религия, но это ещё не встреча со Христом. Когда вы, дорогой брат, переживёте опыт такой встречи, а у Вас, простите за откровенность, этого опыта пока ещё не было, то всё станет на свои места.

А поскольку в Боснию вам ехать уже не нужно, то у вас всех есть промыслительная возможность побыть тут, в монастыре. И насытить себя внутренней тишиной. Тогда и встреча эта произойдёт непременно.

Ну, время-то есть. Всё равно, вы ведь планировали расчищать завалы в тоннелях пирамиды Свемира Османлиевича. Теперь, вместо этого расчистите завалы внутри себя.

Встреча со Спасителем стоит того, чтобы её немного подождать.

Потому что наши предки встречу и счастье одним словом обозначали – срећа.

– О, так вот, откуда Сретение!

7. Послесловие. Бородецкий пишет послание потомкам

Обнаружив своего напарника по полёту в снах наяву всё так же мирно почивающим, как и неделю тому назад, Бородецкий решил не выводить его из состояния такой формы «трипа», а отправить назад. В будущее.

Бумаги у туземцев, ясное дело, не было, а сдирать шкуру с мёртвых нефилимов и превращать её в пергамент – дело хлопотное, поэтому Евгений решил попытать счастья и пошарил у пилота по карманам. В одном из карманов оказался блокнот, в который Бородецкий чётким чертёжным почерком записал следующее:

«Метод, описанный в дневнике академика Н., в целом совпадал с тем, что прорабатывалось исследователями группы И.Шершнева. Телепортация возможна. Теория «совмещённых пространств» работает.

Пока мы можем пользоваться лишь теми «маршрутами», которые были проложены представителями допотопной цивилизации. То есть можно перемещаться лишь из одной камеры – в другую, точнее, в ту же самую. В ту же самую пространственно, но находящуюся в другом времени.

Нотная запись кода запуска прилагается ниже.

Впрочем, неизвестно, работает ли предложенный звуковой ключ в других порталах? Это вы, дорогие коллеги, уже будете выяснять без моего участия.

После того, как я верну коллегу в наше, точнее, теперь уже только ваше, время, я предприму все меры предосторожности, чтобы этим порталом никто не смог воспользоваться.

Никто – имеются в виду существа, серьёзно осложняющие жизнь туземному населению, милым набожным вегетарианцам, в коллектив которых я намерен влиться полностью и бесповоротно.

Трёхметровые гиганты, эти совершенно инфернальные каннибалы (в прямом смысле слова), сейчас вымерли. Они собирались было принести меня в жертву, во время ритуала, назначенного на ближайшее полнолуние, но до полнолуния времени было много, и я успел заразить их коронавирусом. Вирус выкосил этих психократов-тоталитаристов подчистую. Сейчас они мертвы. Трупы сожжены.

Однако, оставлять полуоткрытой эту пространственно-временную лазейку в виде портала было бы беспечностью в высшей степени безрассудной.

Чёрный ход в наш мир придётся замуровать. Во всяком случае, тот из чёрных ходов, который ведёт к жилому помещению, в котором я оказался.

Поэтому мы с моими новыми соплеменниками вначале заложим лабиринт ходов к камере-резонатору, затем перекроем подачу воды в дренажную систему, пробитую в скале вокруг

камеры, а в конце – просто обложим весь комплекс гранитными глыбами. Соорудим нечто, подобное саркофагу над погибшей Чернобыльской АЭС.

Оказывается, мои новые соплеменники обладают некоторыми навыками по бесконтактной работе с объектами материального мира, так что соорудить конструкцию из полигональных блоков, соединённых в замок, не составит для них особого труда.

Возможно, что-то из вас, дорогие коллеги, посчитает мои действия преступным вмешательством в течение истории, и напомним мне об эффекте «раздавленной бабочки». Но течение истории не так уж детерминировано бабочками и прочими насекомыми. Есть некоторые узловые точки, которые, хочешь – не хочешь, Человечеству придётся пройти.

Своих местных нефилимов мы с помощью Ковида выморили, но в других областях планеты эти тоталитаристы-психократы по-прежнему копят небо.

Поэтому рано или поздно, хляби небесные разверзнутся, и этот мир будет смыт в унитаз истории. Потопом. Так что раздавленная бабочка или даже одно-единственное племя Сифитов, освобождённое от этих полубесов, – всё равно в глобальном смысле погоды не сделают. Но, для нас, жителей того места, которое когда-нибудь станет называться Египтом – это немаловажно. Мы свободны, значит, будем жить.

Сколько? Неизвестно. Может быть, сто лет, может быть тысячу сто. В любом случае, это лучше, чем быть ресурсом для кровавых ритуалов.

За сим прощаюсь».

Затем Бородецкий вставил в шлем своего напарника аккумулятор из своего шлема, а в блокнот вложил флэш-карту с записями допотопных ландшафтов и обликом обитателей. Тела поверженных вирусом титанов были зафиксированы также аккуратно.

Покончив с формальностями, он заиграл на самодельном литофоне мелодию, которая уносила очнувшегося было психонавта-мнемоника назад, в будущее.

Потом потомки Сифа что-то пропели, и «чёрный ход» был надёжно замурован.

КОНЕЦ и БОГУ СЛАВА!

Новозыбков, июнь-декабрь 2020